

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4 (31) 2020

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Адрес издателя: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Распространяется бесплатно

Редакционная коллегия

Главный редактор

Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора

Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор (*направление «Философские науки»*)

Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент (*направление «Экономические науки»*)

Семитко А. П., д-р юрид. наук, профессор (*направление «Юридические науки»*)

Члены редколлегии

Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор

Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент

Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор

Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор

Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор

Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор

Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент

Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор

Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор

Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор

Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор

Коркунова О. В., д-р филос. наук, доцент

Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент

Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет

Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета,
почетный профессор ГУ

Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)

Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)

Родригес-Бланко В., профессор (Гилфорд, Великобритания)

Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)

Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

4 (31) 2020

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
Publisher: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.

Distributed free of charge

Editor-in-Chief

L. A. Zaks, Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Deputy Editors-in-Chief

L. A. Myasnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Prof. ("Philosophical sciences" branch)

S. A. Mitsek, Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. ("Economic Sciences" branch)

A. P. Semitko, Doctor of Legal Sciences, Prof. ("Legal sciences" branch)

The editorial board

Kozlova O. A., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Mitsek E. B., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Svetlov N. M., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Taras'ev A. M., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof.

Khmelkova N. V., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Arkhipov S. I., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Balakshin V. S., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Glushkova S. I., Doctor of Political Sciences, Associate Prof.

Kurchenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Neznamova Z. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Semyakin M. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Brandt G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Zaitsev P. L., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Korkunova O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Kruglova T. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Pertsev A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

The editorial council

Boldygin G. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof,

founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Professor Emeritus

Krasovskii A. A., PhD (Doctorat) (Vienna-Laxenburg, Austria)

Palokangas T., PhD (Doctorat), Prof. (Helsinki, Finland)

Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)

Rudenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

Rutkevich A. M., Doctor of Philosophical Sciences, Prof. (Moscow)

Zhu B., PhD (Doctorat), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	5
<i>Кузьмина В. О.</i>	
Индикаторы эффективности сбытовой деятельности торгового предприятия с использованием моделирования бизнес-процессов	6
<i>Патраков Н. А., Агеносов А. В., Хмелькова Н. В.</i>	
Оценка экономической эффективности информационной системы обеспечения контроля ведения воинского учета в организациях	10
Юриспруденция	15
<i>Глушкова С. И., Летунов Е. Д.</i>	
Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий	16
<i>Денисов С. А.</i>	
Риски в переходных правовых системах	29
<i>Султанов А. Р.</i>	
Проекты судебных решений: облегчение работы или искушение?	41
Философия	47
<i>Белоусова Е. В.</i>	
Э. Кассирер и К. Г. Юнг о роли символов в культуре: сходство и различие философско-антропологического и психоаналитического подходов	48
<i>Калистратова М. А.</i>	
Город и миф – миф о городе	55
<i>Мясникова Л. А., Крутыева О. В.</i>	
Материальные артефакты: предметы, вещи, девайсы	63
<i>Суворов Д. В.</i>	
Об эстетических и стилистических критериях музыкального романтизма	68
<i>Полякова А. С.</i>	
Хореографическая культура как феномен художественной культуры	75
Научные события	83
<i>Глушкова С. И.</i>	
К вопросу о проблемах справедливости, свободы, прав человека в современном поляризованном мире (обзорная статья по итогам Октябрьских чтений в Санкт-Петербурге)	84
Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	87

Contents

Economics	5
<i>Kuzmina V. O.</i> Sales Performance Indicators of a Trading Company Using Business Process Modeling	6
<i>Patrakov N. A., Agenosov A. V., Khmelkova N. V.</i> The Assessment of the Economic Efficiency of the Information System Ensuring Control over the Maintenance of Military Records in Organizations	10
Law	15
<i>Glushkova S. I., Letunov E. D.</i> The Development of New Generation of Human Rights in the Digital Age	16
<i>Denisov S. A.</i> Risks in Transitional Legal Systems	29
<i>Sultanov A. R.</i> Judgment Drafting: The Work Facilitation or Temptation?	41
Philosophy	47
<i>Belousova E. V.</i> E. Cassirer and C. G. Jung on the Role of Symbols in Culture: Similarities and Differences between Philosophical-Anthropological and Psychoanalytic Approaches	48
<i>Kalistratova M. A.</i> City and a Myth – the Myth of the City	55
<i>Myasnikova L. A., Kruteyeva O. V.</i> Material Artifacts: Items, Things, Devices	63
<i>Suvorov D. V.</i> On Aesthetic and Stylistic Criteria of Musical Romanticism	68
<i>Polyakova A. S.</i> Choreographic Culture as a Phenomenon of Artistic Culture	75
Scientific Events	83
<i>Glushkova S. I.</i> To the Issue of Justice, Freedom, Human Rights in Today's Polarized World (A Follow-Up Review of the Results of <i>The October Readings</i> in St. Petersburg)	84
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	87

|| ЭКОНОМИКА

Индикаторы эффективности сбытовой деятельности торгового предприятия с использованием моделирования бизнес-процессов

Высокие показатели динамичности развития и изменения современных условий осуществления финансово-хозяйственной деятельности предприятиями как малого, так среднего и крупного бизнеса являются тем фактором, который подвигает торговые предприятия постоянно совершенствовать бизнес-процессы, протекающие внутри предприятия. Все это подразумевает формирование и активное развитие качественно новых технологий осуществления финансово-экономической, и в частности сбытовой, деятельности, повышение качества продукции и услуг, а также осуществление процесса внедрения наиболее оптимальных, эффективных и совершенных методов управления предприятием в целом. В связи с вышесказанным процесс моделирования бизнес-процессов предприятия является высокоэффективным и результативным инструментом поиска таких возможностей, которые позволили бы качественно улучшить и оптимизировать финансово-хозяйственную деятельность отечественных предприятий. В представленной статье рассматриваются основные специфические черты моделирования бизнес-процессов с учетом отраслевой направленности субъектов хозяйствования, фундаментальные основы и ключевые подсистемы торгового предприятия. Особое внимание в статье уделено изучению архитектуры бизнес-процессов субъектов хозяйствования, что, в свою очередь, позволяет нам выделить главные индикаторы эффективности сбытовой деятельности торгового предприятия.

Ключевые слова: моделирование бизнес-процессов; эффективность деятельности; торговое предприятие; индикаторы эффективности; сбытовая деятельность.

Процесс моделирования бизнес-процессов представляет собой метод, который позволяет дать оценку деятельности предприятия в отношении тех требований, которые предъявляются к процессу его функционирования, управления, конечным результатам деятельности и степени удовлетворенности клиента [1, с. 10].

Что касается специфики бизнес-процессов для торговых предприятий, то они определяются ее функциями, представленными в таблице 1.

Таблица 1

Основные функции торговых предприятий [2, с. 158]

Предприятия торговли	
оптовой	розничной
– сбыт и его стимулирование; – закупка и формирование товарного ассортимента; – складирование; – транспортировка; – финансирование; – исследование и освоение рынка; – регулирование рынка.	– исследование состояния рынка; – определение спроса и предложения на конкретные виды товаров; – формирование ассортимента товаров и услуг; – осуществление операций по приему, хранению, маркировке и подготовке товаров к продаже; – формирование цены на товары; – продвижение товаров на рынке сбыта; – предоставление поставщикам и потребителям транспортно-экспедиционных, информационных, консультационных услуг

* Валерия Олеговна Кузьмина, студент магистратуры, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: valeriykuzmina@mail.ru

На основании данных, представленных в таблице 1, следует, что основными элементами предприятия, которое занимается торговлей, являются:

- 1) снабжение;
- 2) сбыт и его стимулирование;
- 3) управление финансами;
- 4) кадровое обеспечение;
- 5) маркетинг.

Обращаясь к моделированию бизнес-процессов, отметим, что после выделения основных элементов предприятия проводится их декомпозиция по уровням в выбранной нотации. Число уровней декомпозиции зависит от поставленных задач к проекту [3, с. 210].

Далее более детально рассмотрим бизнес-процесс сбыта продукции предприятий сферы торговли. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что остальные бизнес-процессы торгового предприятия выстраиваются аналогичным способом. Графическое отражение бизнес-процесса сбыта продукции торгового предприятия представлено на рисунке 1.

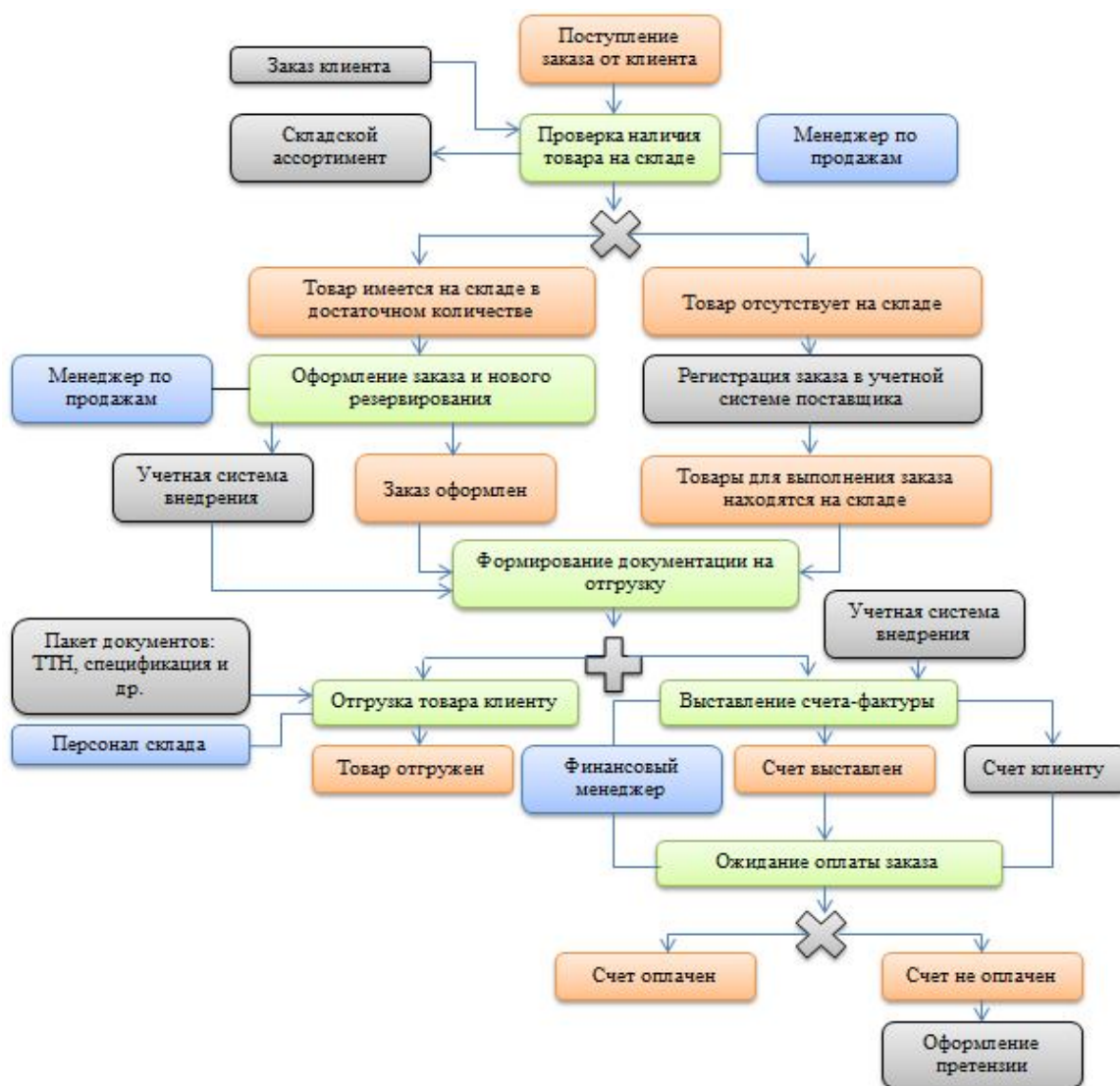

Рис. 1. Модель бизнес-процесса «Сбыт» торгового предприятия [5, с. 379]

Модель бизнес-процесса, представленная на рисунке 1, в полной мере отображает порядок осуществления сбыта продукции, с момента поступления заказа

до момента его отгрузки покупателю. Из рисунка видно, что в целях удовлетворения спроса, предъявляемого потребителями, торговое предприятие должно осуществлять следующие операции: анализ рынка и формирование ассортимента продукции на складе; выбор поставщиков продукции и заключение договоров; доставка заказов клиентам; получение оплаты за продукцию; осуществление контроля над выполнением договоров.

Исходя из рассмотренной модели были сформированы основные индикаторы, отражающие качество функционирования системы сбытовой деятельности торгового предприятия. Представим их в таблице 2.

Таблица 2

**Индикаторы эффективности сбытовой деятельности
торгового предприятия [4, с. 249]**

Индикатор	Формула расчета
Объем выполненных заказов	$\frac{V}{P} * 100\% \rightarrow \max,$ где V – объем выполненных заказов; P – количество поступивших заказов.
Упущенные продажи	$D - S \rightarrow \min,$ где D – потребительский спрос; S – фактические продажи.
Коэффициент эффективности эксплуатации складов	$\frac{C}{A} \rightarrow 1,$ где C – объем продукции на складе; A – складской потенциал.
Качество организации поставок	$\frac{M}{O} * 100\% \rightarrow \min,$ где M – объем поставок с ошибками; O – количество заказов.
Качество обслуживания претензий потребителей	$\frac{N}{R} * 100\% \rightarrow \max,$ где N – количество рекламаций, удовлетворенных в срок за период; R – общее число рекламаций за период.
Качество логистики	$\frac{F}{T} * 100\% \rightarrow \max,$ где F – оценка фактически оказываемых услуг логистики; T – оценка возможного объема логистических услуг.
Эффективность использования ресурсов	$\frac{I}{E} \rightarrow \max,$ где I – валовый доход; E – издержки обращения

Расчет представленных в таблице 2 показателей осуществляется в ходе реализации каждого из элементов системы сбытовой деятельности торгового предприятия по мере перехода материальных потоков из одного бизнес-процесса в другой. На основании полученных в результате расчетов данных можно обнаружить так называемые «узкие места» в системе торгового предприятия, препятствующие максимизации прибыли и негативно влияющие на качество его хозяйственной деятельности.

Таким образом, моделирование бизнес-процессов представляет собой действенный инструмент, который необходим в целях определения текущих проблем торгового предприятия, а также в целях формирования у руководителей понимания механизма взаимодействия системы с внешней средой.

Литература

1. Григорьев Д. И. Моделирование бизнес-процессов предприятия : учеб. пособие. – М. : ИРЦ, 2016. – 214 с.
2. Елиферов В. Г. Бизнес-процессы: Регламентация и управление : учебник. – М. : НИЦ ИНФРА, 2015. – 319 с.
3. Емельянова Н. З. Проектирование информационных систем : учеб. пособие. – М. : Форум : НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 432 с.
4. Панченко В. С. Моделирование оценки сбытовой деятельности торгового предприятия // Вестник НГУЭУ. – 2018. – № 3. – С. 242–254.
5. Репин В. В. Бизнес-процессы. Моделирование, внедрение, управление : учеб. пособие. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 512 с.

Valeria Olegovna Kuzmina,

Master's student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

Sales Performance Indicators of a Trading Company Using Business Process Modeling

The dynamism and high rates of changes in the current financial and economic activities of small, medium and large businesses are the factors that encourage commercial enterprises to constantly improve business processes within the enterprise. All this implies the formation and active development of qualitatively new technologies for financial and economic and, in particular, sales activities. They, in their turn, excel the quality of products and services, as well as the implementation of the most effective, optimal, and perfect methods of enterprise management, in general. The process of modeling the business processes of an enterprise is a highly efficient tool for searching for such opportunities that would allow us to qualitatively improve and optimize the financial and economic activities of domestic enterprises. This article discusses the main specific features of business process modeling, taking into account the industry orientation of business entities, the fundamental foundations and subsystems of a commercial enterprise. The authors will also focus on studying the architecture of business processes of business entities, which, in turn, will allow us to identify the key indicators of the effectiveness of sales activities of a commercial enterprise.

Keywords: business process modeling; performance; trading enterprise performance indicators; sales activities.

Оценка экономической эффективности информационной системы обеспечения контроля ведения воинского учета в организациях

В статье рассмотрены вопросы оценки экономической эффективности автоматизированной информационной системы, предназначенной для автоматизации учета организаций и филиалов организаций, которые обязаны вести воинский учет и бронирование граждан, пребывающих в запасе, планирование и контроль проведения проверок воинского учета и бронирования в организациях и их филиалах. Приведены результаты расчетов экономической эффективности проекта информационной системы на стадиях разработки и внедрения.

Ключевые слова: информационная система; автоматизация; воинский учет; контроль; эффективность.

В целях повышения качества жизни граждан, обеспечения конкурентоспособности России, развития экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствования системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий была разработана государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020)». Особое место в реализации Государственной программы занимает подпрограмма «Информационное государство», участниками которой являются все заинтересованные федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации, среди которых МВД России, Минобороны России, МЧС России, ФСБ России, ФСО России и другие. Военный комиссариат области, являясь территориальным органом Министерства обороны Российской Федерации, является участником указанной подпрограммы, в деятельность которого поэтапно вводятся различные средства автоматизации, и требования к их использованию постоянно увеличиваются. Несмотря на вышесказанное, большой объем вопросов, находящихся в компетенции военного комиссариата области, остается вне сферы автоматизации, что увеличивает время на принятие решений.

С целью решения данной проблемы была создана информационная система планирования, документационного обеспечения и контроля ведения воинского учета в организациях (ИС контроля ВУ) и проведена оценка экономической эффективности ее разработки и внедрения. На сегодняшний день на рынке отсутствуют целевые программные продукты, предназначенные для ведения реестра организаций, осуществляющих воинский учет и бронирование граждан, пребывающих в запасе, обеспечивающие возможность планирования соответствующих проверок.

* **Никита Анатольевич Патраков**, магистрант 1-го года обучения, юридический факультет АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** **Александр Васильевич Агеносов**, канд. техн. наук, доцент, заведующий кафедрой информационных технологий факультета компьютерных технологий АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

*** **Наталья Владимировна Хмелькова**, д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

В ходе реализации проекта был проведен анализ предметной области и выполнено моделирование существующего бизнес-процесса «Контроль проведения проверок воинского учета и бронирования граждан, пребывающих в запасе в организациях» («как есть»), а также предложены его изменения с построением проектируемой модели бизнес-процесса («как должно быть»).

Вопросы планирования, организации и контроля проведения мероприятий проверок ведения воинского учета и бронирования граждан, пребывающих в запасе, в организациях регламентированы рядом нормативно-правовых актов. Существующий порядок работы предусматривает, что учет организаций, ведущих воинский учет и бронирование граждан, пребывающих в запасе, осуществляют районные комиссии муниципальных образований по бронированию граждан, пребывающих в запасе, и военные комиссариаты муниципальных образований по учетным карточкам организаций. При этом перечни организаций, в которых организовано или в которых должно быть организовано бронирование граждан, пребывающих в запасе, утверждаются территориальной комиссией и доводятся до районных комиссий, военного комиссариата области и военных комиссариатов муниципальных образований.

Несмотря на требования, предусмотренные Порядком ведения Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, фактически информация о статусе деятельности организаций поступает в районные комиссии и военные комиссариаты от самих организаций при условии информирования о необходимости предоставлении информации руководителей и иных должностных лиц организаций. В свою очередь, информационное взаимодействие с федеральной налоговой службой России предусматривает обмен информацией в формате XML. При этом программное обеспечение, позволяющее применять и обрабатывать полученную информацию, на рынке фактически отсутствует. Обмен информацией, необходимой для планирования и контроля мероприятий проверок между органами, участвующими в работе, в настоящее время осуществляется в основном на бумажных носителях с использованием услуг почтовой связи. И в редких случаях – с использованием электронных документов (отсканированные копии, электронные таблицы и т. д.).

Таким образом, было решено разработать и внедрить информационную систему обеспечения контроля ведения воинского учета. В рамках этой системы вносимые изменения в порядок планирования проведения проверок воинского учета и бронирования граждан, пребывающих в запасе, предполагают, что формирование и разработка Плана, который согласовывается с Губернатором, будут возложены непосредственно на работников военного комиссариата области. Предлагаемый порядок работы предусматривает, что процесс автоматизирован. На основании сведений, поступающих из Единого государственного реестра юридических лиц и из открытых данных ФНС, формируется единый реестр организаций, осуществляющих свою деятельность на территории субъекта Российской Федерации. В дальнейшем обработанные сведения доводятся до военных комиссариатов муниципальных образований и органов местного самоуправления, на которые возложено осуществление первичного воинского учета. Военные комиссариаты муниципальных образований, а также органы местного самоуправления с получением указанных сведений функционируют в соответствии с утвержденным порядком, уточняют и формируют учетные документы на бумажном носителе.

ИС контроля ВУ разработана в целях:

- повышения оперативности и качества принимаемых управленческих решений сотрудниками военного комиссариата области;
- повышения качества, достоверности и своевременности информации;

- сокращения срока осуществления информационно-аналитической деятельности.

Объектом автоматизации выступает отделение предназначения, подготовки и учета солдат, сержантов и прапорщиков (мичманов) запаса отдела планирования, предназначения, подготовки и учета мобилизационных ресурсов военного комиссариата области.

ИС контроля ВУ представляет собой систему, включающую в себя подсистемы:

- формирования и редактирования исходных данных;
- запросов;
- формирования отчетов.

Необходимым этапом проектирования информационной системы является обоснование экономической эффективности ее внедрения. Без данного этапа невозможно ответить на вопрос о целесообразности разработки и внедрения информационной системы в деятельность организации. Проектирование понимается как совокупность работ, которые необходимо выполнить, чтобы спроектировать систему, часть системы или поставленную задачу. Под внедрением понимается комплекс работ по вводу в промышленную эксплуатацию системы с возможными ее доработками.

Для большинства предприятий экономический эффект выступает в виде экономии трудовых и финансовых ресурсов, достигаемой:

- снижением трудоемкости расчетов;
- снижением трудозатрат на поиск и подготовку документов;
- экономией на расходных материалах (бумага, дискеты, картриджи);
- уменьшением численности работников организации.

При этом экономический эффект от внедрения средств автоматизации может быть лишь косвенным, так как их внедрение не является прямым источником дохода, а выполняет роль вспомогательного инструмента получения прибыли либо помогает минимизировать затраты. В таблицах 1 и 2 приведены основные расчеты эффективности для реализованного проекта.

Для оценки затрат на этапе проектирования была определена продолжительность каждой работы, начиная с составления технического задания и заканчивая оформлением документов (табл. 1).

Таблица 1

**Продолжительность проектирования и разработки
автоматизированной информационной системы**

№ п/п	Название задачи	Длительность работ, дней		
		Минимум	Максимум	Предполагаемый срок
1	Стадия разработки 1. Техническое задание.	13	44	25
2	Стадия разработки 2. Эскизный проект.	20	29	24
3	Стадия разработки 3. Технический проект.	23	43	31
4	Стадия разработки 4. Рабочий проект.	60	120	84
5	Стадия разработки 5. Внедрение.	1	2	1
	Итого:	117	238	165

В ходе реализации проекта были рассчитаны капитальные расходы, которые составили 466 220,20 руб. При расчете капитальных затрат учитывалось, что в военном комиссариате области отсутствует штатное подразделение, ответственное за разработку и внедрение программного обеспечения. Но возможно возложение обязанностей на период разработки на конкретных должностных лиц, замещающих должности старших помощников начальника отделения (по АСУ).

Для расчета экономии за счет увеличения производительности труда был определен перечень работ, на который оказывает влияние внедрение информационной системы, и проведено измерение роста производительности труда в результате ее использования (табл. 2).

Таблица 2

Экономическая эффективность выполняемых работ

№ п/п	Вид работы	До автоматизации, мин.	Экономия времени, мин.	Повышение производительности труда, %
1	Подготовка еженедельного отчета	138	118	590
2	Подготовка ежемесячного отчета	146	126	630
3	Подготовка ежеквартального отчета	180	160	800
4	Разработка сводного плана проверок ведения воинского учета и бронирования граждан, пребывающих в запасе	1680	1200	250
5	Подготовка справок об организациях	40	30	300

На основе проведенных замеров была выполнена оценка экономии за счет увеличения производительности труда, равная 964 264 рублям. В итоге, ожидаемый экономический эффект¹ от реализации проекта, составил 894 330,97 рубля.

Подводя итог, отметим, что основной экономический эффект от внедрения информационной системы достигается за счет экономии времени, затрачиваемого на подготовку документов и выполнение операций, благодаря:

- сокращению времени на подготовку еженедельных, ежемесячных и ежеквартальных отчетов;
- сокращению времени на подготовку справок об организациях;
- сокращению времени на поиск и исправление ошибок в представленных военными комиссариатами муниципальных образований и органами местного самоуправления муниципальных образований планах проверок ведения воинского учета и бронирования граждан, пребывающих в запасе.

Дальнейшее развитие информационной системы возможно за счет масштабируемости и разработки аналогичных информационных систем для военных комиссариатов муниципальных образований и создания единого информационного пространства для увеличения эффективности и скорости обработки информации.

¹ Экономический эффект рассчитывается как разность годовой экономии и капитальных затрат на разработку и внедрение информационной системы, умножаемых на нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений. В данном проекте коэффициент эффективности составляет 0,15 (15 %).

Литература

1. Патраков Н. А. Организационно-правовое обеспечение мобилизации и мобилизационной подготовки в контексте национальной безопасности России // Россия между модернизацией и архаизацией: 1917–2017 гг. : материалы XX Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета, 11–12 апреля 2017 года : доклады / редкол.: Л. А. Закс и др. : в 2 т. – Т. 2. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 2017. – С. 158–163.
2. Патраков Н. А., Хмелькова Н. В. Проблемы мобилизационной подготовки экономики в условиях современного этапа социально-экономического развития России // Вестник Гуманитарного университета. – 2016. – № 3. – С. 8–12.
3. Хетагуров Я. А. Проектирование автоматизированных систем обработки информации и управления (АСОИУ) : учебник. – 2-е изд. – М. : Лаборатория знаний, 2020. – 243 с.

Nikita Anatolievich Patrakov,

first-year Master's student, Law faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Alexander Vasilievich Agenosov,

Cand. Sci. (Engineering), Assoc. Prof., Dean of the Faculty of Computer Technologies, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Natalia Vladimirovna Khmelkova,

Dr. Sci. (Economics), Assoc. Prof., Head of Economics and Informatization Chair, Faculty of Computer Technologies, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

The Assessment of the Economic Efficiency of the Information System Ensuring Control over the Maintenance of Military Records in Organizations

The article considers the issues of assessing the economic efficiency of an automated information system designed to automate the accounting of organizations and branches of organizations that are required to keep military records and reservations of citizens who are in reserve, planning and control of military registration inspections and bookings in organizations and their branches. The paper presents the results of calculations of the economic efficiency of an information system project at the stages of development and implementation.

Keywords: information system; automation; military registration; control; efficiency.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий

В статье рассматривается формирование нового поколения прав человека – цифровых прав, а также вопросы защиты прав человека в Интернете. Анализируются современные подходы к изучению цифровых прав, их содержанию и развитию, дискуссионные вопросы и спорные аспекты.

Ключевые слова: цифровые права; права человека; поколения прав человека; цифровые технологии.

Соблюдение, обеспечение и защита прав человека – очень сложная, динамично развивающаяся правозащитная система, которая напрямую зависит от множества факторов, в том числе политического содержания, правового наполнения и уровня социально-экономического развития эпохи, исторического периода, в котором те или иные права и свободы признаны, закреплены в нормативных правовых актах, гарантированы и реализуются на практике. При этом количественный и качественный показатели, индикаторы защиты прав и свобод человека и гражданина сегодня во многом зависят от доступности информационных технологий, вектора движения государства и общества по пути научно-технического и правового прогресса, от степени доступности гражданам всех способов судебной и внесудебной защиты своих прав и свобод, от уровня и темпов развития механизмов и технологий защиты этих прав и свобод.

Дискуссии о теории поколений прав человека. До начала XXI в. в политической и правовой теориях, гуманитарных науках официально были признаны три классических поколения прав человека [22]: 1) поколение личных и политических прав, которые появились после событий Великой французской революции, борьбы за независимость США и были закреплены в законодательных актах Европы и Америки в конце XVIII в. и XIX в.; 2) поколение социальных, экономических и культурных прав, закрепленных в национальном законодательстве ряда развитых стран мира, в соответствующих международных пактах ООН и факультативных протоколах к ним (первая половина XX в.); 3) поколение коллективных прав, закрепленных в международных стандартах ООН о правах человека, в том числе права на мир, здоровую окружающую среду, солидарность, развитие, общее наследие человечества, коммуникацию (50–70-е гг. XX в.).

Дискуссии о сути, содержании, актуальности этой теории поколений прав человека, разработанной известным чешским юристом К. Васаком в 70-х гг. XX в., продолжаются до сих пор. Наиболее спорным вопросом было и остается понимание, объяснение, толкование прав третьего поколения: так, одни авторы считают, что это индивидуальные права, другие настаивают на коллективных правах, соглашаясь с разработчиком этой классической теории. Например, Е. А. Лукашева считает убедительной позицию К. Васака, согласно которой права третьего поко-

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), председатель Свердловского регионального отделения РАПН, приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).

** Евгений Дмитриевич Летунов, магистр юриспруденции, аспирант АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), эксперт-специалист Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области.

ления – это коллективные права, так как они «могут осуществляться общностью, ассоциацией» [14, с. 150]; и с этим аргументом вполне можно согласиться.

Надо отметить, что при создании теории трех поколений прав человека К. Васак использовал логический и исторический методы исследования, пытаясь выявить исторические закономерности формирования тех или иных прав и свобод человека в мировой истории государства и права, истории защиты своих прав народами разных стран и континентов.

Однако ряд специалистов по правам человека не раз опровергал актуальность теории К. Васака в конце XX – начале XXI в., выдвигая в качестве основного аргумента равенство, солидарность, взаимозависимость прав человека и недопустимость приоритета того или иного права, дискриминации одних прав в пользу других.

По нашему мнению, теория поколений К. Васака ни в коей мере не является проявлением дискриминации тех или иных прав человека, так как она связана лишь с теоретическим конструированием истории развития прав человека, стремлением определить закономерности и основные тенденции развития прав человека в мировой истории государства и права.

Так, например, Е. А. Лукашева отмечала, что права человека структурируются по разным категориям, основаниям, наименованиям; «различаются не только по сферам жизнедеятельности, но и по времени возникновения. Отсюда – появление понятия “поколения прав человека”» [14, с. 147].

Признает теорию поколений прав человека и Л. И. Глухарева, отмечая, что «смысловое разнообразие прав человека проявляется и в их родо-видовом разделении. Система прав человека дифференцирована по сферам (гражданские, политические, экономические, социальные, культурные права), по генезису (правовые и законные), по поколениям (первое, второе, третье и находящееся в стадии определения четвертое поколение прав), по субъектам – носителям (индивидуальные и коллективные права), по способам реализации (позитивные и негативные), по формам закрепления (естественные и позитивные), по связи с государством (права человека и права гражданина), и т. п. [7, с. 19].

В. А. Карташкин, признавая теорию поколений прав человека имеющей право на существование, подчеркивал следующее: «Принципы и нормы, относящиеся к правам человека, складывались как во внутригосударственном, так и в международном праве на протяжении длительного периода. В зависимости от хронологии провозглашения различных прав и свобод человека многие ученые делят их на три поколения...» Как отмечает Карташкин, коллективные права человека – третье поколение прав человека – стали основанием для разработки К. Васаком третьего пакта (в дополнение к двум международным стандартам ООН – Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г. и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.). Карташкин поддерживает определение Васаком третьего поколения прав человека как коллективных, основанных на солидарности людей, называемых поэтому правами солидарности, правами народов; и критиковал позиции тех, кто относил к этому поколению эклектическую смесь «таких надуманных и разнородных прав», «новых прав», как «право на сон, право не быть убитым во время войны, право на самообразование и др.» [11, с. 64–65].

Во второй половине XX в. эта теория стала основой для дискуссий о возможности появления и развития новых поколений прав человека [6, с. 101]. Одни авторы создавали концепции новых поколений, другие отрицали не только их необходимость, но и саму классическую теорию поколений прав человека. Так, например, Н. В. Варламова отмечала, что хронологический и содержательный аспекты данной классификации находятся в противоречии, не имеется «концепту-

альной связи между разными поколениями прав человека» [4, с. 21], однако можно поспорить с такими характеристиками и выводами.

Новые поколения прав человека. В начале XXI в. в российской политико-правовой теории рассматривались новые поколения прав человека: информационные, коммуникативные, экологические, соматические, биотехнологические.

Так, например, А. Х. Абашидзе и А. М. Солнцев отмечали, что «исчерпывающий перечень соматических притязаний человека и основанных на них соматических прав не существует», и предлагали следующий примерный перечень таких прав: 1) право на смерть, 2) «права человека относительно его органов и тканей», 3) «сексуальные права» человека, 4) репродуктивные права человека: как позитивного характера (искусственное оплодотворение), так и негативного характера (аборт, стерилизация, контрацепция), 5) право на перемену пола, 6) «право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов», 7) «право на употребление наркотиков и психотропных веществ» [1, с. 260–261].

В первой четверти XXI в. на научных форумах и страницах научных изданий стали активно обсуждаться виртуальные, цифровые права человека как новое поколение прав человека. Одни авторы считают, что данные права не являются новым поколением и можно говорить лишь о новых технологиях развития, реализации уже известных универсальных прав человека. Другие авторы допускают возможность развития такого нового поколения – цифровых прав человека, при этом их цель – отнюдь не дискриминация одних прав в отличие от других и не попытка установить новые приоритеты, а лишь стремление к развитию новой науки прав человека, с одной стороны, и обращение внимания широкой общественности и правительств стран – членов ООН к разработке нового международного стандарта (Декларации или Конвенции о защите цифровых прав и свобод человека), с другой стороны.

Авторы данной статьи поддерживают рассмотрение цифровых прав и свобод в качестве нового поколения прав человека в цифровом веке; и в настоящем тексте и будущих публикациях по этой проблематике представят размышления, аргументы и выводы по этому вопросу.

Права человека и Интернет. Развитие Интернета способствовало стремительному формированию новой среды общения и объединения людей для совместных текущих или продолжительных дискуссий, акций (для поддержки или протеста), совместных действий, флешмобов; и в этой среде неизбежно появились новые права и обязанности пользователей, свои правила поведения и распространения информации, размещения комментариев к ней (при этом в каждом стабильно существующем интернет-сообществе или временно созданной группе они могут быть свои).

С одной стороны, каждый пользователь Интернета, желающий изменить мир или городское, школьное, университетское, профессиональное сетевое пространство, приобрел новые глобальные возможности влияния на умы, настроения, действия не только отдельных лиц, но и целых групп, ассоциаций, сообществ, представителей органов государственной власти и гражданского общества.

С другой стороны, любые новые возможности всегда предполагают новые риски и опасности, и в сети Интернет их пользователей ожидает немало таковых: травля, преследование, контроль спецслужб, блокировка, незаконное использование персональных данных, др.

Цифровизация политики, экономики, культуры способствует переосмыслению и пересмотру уже существующих прав человека с точки зрения их актуальности, полноты, соответствия современным реалиям жизни. Это ставит перед государством задачу признания и защиты цифровых прав и свобод человека и граж-

данина, так как от этого зависит правовая защита и обеспечение правовой безопасности личности и общества в целом.

О правах человека в цифровой век в контексте международной защиты прав человека. На заседании Совета ООН по правам человека 16 мая 2011 г. при обсуждении вопросов по «содействию и защите всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных установок, включая право на развитие» было рассмотрено сообщение Специального докладчика по вопросам поощрения и защиты права на свободу мнений и выражения мнений Франка Ла Рю.

Сведения из проведенного специальным докладчиком исследования, в том числе о нарушениях прав человека в Интернете, отключении Сирии от Интернета, стали основанием для принятия 3 июня 2011 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, содержащей следующие важные положения:

1) право на доступ к Интернету является одним из неотъемлемых прав человека (и действительно, по нашему мнению, это базовое, основное право человека, ведь важным является обеспечение доступности к ресурсам, в том числе информационным, цифровым; уже другой вопрос – будет ли конкретный человек пользоваться данным правом, данным ресурсом (в частности, Интернетом) и насколько полно, регулярно, систематически, и с какими целями: либо для получения информации и время от времени реакции на нее, либо для размещения и распространения своей информации, либо для создания своей группы, сообщества, или для приглашения на мероприятие);

2) отключение конкретных регионов от Интернета с июня 2011 г. считается нарушением прав человека;

3) распространение информации в Интернете должно быть свободным, ограничиваясь лишь теми фактами, когда такое распространение может привести к нарушению чьих-нибудь прав (имеется ввиду утечка данных вследствие кибератак) [28].

18 декабря 2013 г. Генеральная Ассамблея ООН (далее – ГА ООН) консенсусом одобрила резолюцию «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век», инициаторами которой выступили Германия и Бразилия. В резолюции отмечались следующие положения:

1) ГА ООН «подтверждает, что те же права, которые человек имеет в офлайн-среде, должны также защищаться и в онлайн-режиме, особенно право на неприкосновенность личной жизни»;

2) ГА ООН призывает государства «провести обзор процедур, практики и законодательства, касающихся слежения за сообщениями, их перехвата и сбора личных данных»;

3) ГА ООН поручает Верховному комиссару ООН по правам человека подготовить доклад о защите права на неприкосновенность личной жизни в контексте «национального экстерриториального слежения за цифровыми сообщениями и/или их перехвата и сбора личных данных» [26].

Этот тематический доклад – о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век – Верховного комиссара ООН по правам человека на заседании Совета по правам человека в Женеве 12 сентября 2014 г. представила его заместитель Флавия Пансьери, которая отметила, с одной стороны, достижения цифровой эпохи, с другой – проблемы и риски, связанные с цифровым веком:

1) цифровые коммуникационные технологии (Интернет, мобильные смартфоны, др.) открыли путь к эмансипации миллионов человек по всему миру и, возможно, стали величайшим «освободительным движением» в мире; в то же время они «породили обеспокоенность в связи с нарушениями права на неприкосновенность частной жизни»;

2) «Информация о систематическом использовании в разных странах цифровых коммуникационных технологий для электронной слежки и перехвата информации вызывает большую тревогу. Как показывают многочисленные примеры открытого или тайного наблюдения с использованием цифровых технологий во всем мире, повальная слежка со стороны государства из исключительной меры превращается в опасную привычку»;

3) в докладе был отмечен ряд случаев, «когда правительства, угрожая закрыть телекоммуникационные и другие компании беспроводной связи, требовали от них предоставления прямого доступа к коммуникационному трафику, возможности осуществлять прослушивание оптоволоконных сетей и систематически получать полную информацию о клиентах»;

4) Верховному комиссару ООН по правам человека «поступали сообщения о том, что в некоторых странах наблюдение за телекоммуникационными системами используется для слежки за представителями политической оппозиции или диссидентами... власти некоторых государств регулярно записывают все телефонные разговоры и сохраняют их для анализа»;

5) передовые средства цифрового слежения в настоящее время разрабатываются даже негосударственными субъектами... технологии массовой слежки сегодня выходят на мировой рынок, повышая риск того, что цифровое наблюдение выйдет из-под правительственного контроля» [27].

На основании этого доклада и других материалов можно сделать вывод о том, что наибольшему риску нарушений подвергаются цифровые права и свободы в политической и личной сферах жизнедеятельности человека и гражданина.

12 июля 2018 г. Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций Антониу Гутерришем была учреждена Группа высокого уровня по цифровому сотрудничеству. 10 июня 2019 г. группа представила Генеральному секретарю ООН свой доклад «Век цифровой взаимозависимости» [25], основными темами которого стали следующие: учет интересов каждого; люди, сообщества и цифровые технологии; механизмы глобального цифрового сотрудничества. Одной из целей подготовки доклада стала разработка рекомендаций в следующих областях: 1) всеохватывающая цифровая экономика и общество, 2) кадровый и институциональный потенциал, 3) права человека и человеческая организация, 4) доверие, безопасность и стабильность, 5) глобальное цифровое сотрудничество. В докладе были отмечены следующие тенденции и направления развития:

1) рост возможностей каждого человека в цифровом веке в то же время сопровождается явными злоупотреблениями и неожиданными последствиями;

2) «цифровым преимуществам сопутствует неравенство в сфере цифровых технологий»;

3) «мы живем в век цифровой взаимозависимости», в котором важно не забывать о следующих общечеловеческих ценностях, которые должны быть основой сотрудничества государства и общества в каждой стране, государственного и негосударственного секторов, государств – членов ООН, всех стран мира: «всеобъемлемость, уважение, ориентированность на людей, права человека, международное законодательство, прозрачность, устойчивое развитие»;

4) также в докладе отмечается насущная необходимость разработки и принятия нового международного стандарта – Декларации цифрового взаимодействия, и можно, по нашему мнению, только всецело поддержать такую международную инициативу [25].

В связи с этим необходимо согласиться и с мнением Е. В. Алферовой, которая отмечает, что «заслуживает внимания предложение ученых принять Декларацию цифровых прав человека, а также приведение в соответствие с ней национальных законов в сфере информации и информатизации». И ключевым для этого доку-

мента она предлагает рассмотреть «принцип свободы Интернета» в качестве основной нормы права «для каждого государства с учетом тех ограничений, которые предусмотрены международно-правовыми актами и соответствующими национальными законами» [2, с. 157].

Наряду с развитием и совершенствованием «мягкого права» – разработкой и принятием на международном (ООН) и региональном (Совет Европы) уровнях резолюций, деклараций, конвенций, рекомендаций, а также замечаний общего порядка договорными органами по правам человека (ООН), по защите информационных, цифровых прав человека, а также по защите универсальных прав человека в условиях цифрового века постепенно развивается и «живое право» – формируется практика Европейского суда по правам человека по делам, связанным с защитой прав человека в условиях новой цифровой эпохи.

В практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) учитываются современные вызовы правам человека, связанные с ограничениями и нарушениями цифровых прав. Как отмечает Н. В. Кравчук, рост недавних дел касается сбора данных «путем секретного перехвата коммуникаций и, в частности, наличия или отсутствия эффективных гарантий против злоупотреблений в этой области» [13, с. 186].

Среди известных и обсуждаемых решений ЕСПЧ в этой сфере необходимо отметить следующие:

1) Роман Захаров против РФ (2015 г.). Данное дело главного редактора издательской компании Р. Захарова было связано с иском против трех операторов мобильной связи, которые нарушили его право на тайну телефонных коммуникаций, установив оборудование, позволившее Федеральной службе безопасности контролировать и отслеживать все телефонные коммуникации без предварительной судебной санкции. В связи с тем, что внутренние суды отклонили требование заявителя о запрете на использование оборудования, он обратился в ЕСПЧ. После рассмотрения этого дела ЕСПЧ пришел к выводу о том, что «положения законодательства РФ, регулирующие прослушивание коммуникаций, не предусматривают адекватных и эффективных гарантий против произвола и риска злоупотреблений» [13, с. 186];

2) Ивашенко против РФ (2018 г.). Жалоба заявителя была связана с фактом скачивания информации с компьютера фотожурналиста сотрудниками российской таможни. В данном деле ЕСПЧ установил нарушение статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ), так как «российские власти не смогли показать, что применимое законодательство и практика проведения процедуры выборочного контроля информации на электронном носителе обеспечивали необходимые гарантии защиты от злоупотреблений» [13, с. 187].

Можно согласиться с Н. В. Кравчуком, который отмечает в ходе анализа практики ЕСПЧ, связанной с ограничениями и нарушениями прав человека в цифровом веке, что «ЕСПЧ выделяет два ключевых права, требующих дополнительного толкования в контексте использования новых технологий, – это право на защиту частной жизни и право на свободу выражения мнения. Оба права предполагают возможность их ограничения, которое, как подчеркивает ЕСПЧ, должно осуществляться в соответствии с законом, в законных целях и только при необходимости такого ограничения в демократическом обществе». При соблюдении таких условий государство «сможет достичь “справедливого баланса”, при котором использование современных технологий не будет в ущерб правам человека, гарантированным ЕКПЧ» [13, с. 194].

Права человека в условиях глобального и стремительного развития цифровых технологий. С начала XX в. и по настоящее время в научной литературе разрабатываются новые категории и концепции цифровых прав человека, в политике государств и международных организаций – новые национальные, региональные и международные программы, связанные с расширением доступа к Интернету, развитием цифровых навыков у граждан, защитой цифровой личности, цифровой безопасностью, цифровым волонтерством, цифровым неравенством, цифровой инклюзией, цифровой социализацией [20]. Еще в 1997 г. ООН заявила о новом измерении безопасности – информационном, в настоящее время можно, по нашему мнению, говорить об инновационном – цифровом измерении безопасности.

Одним из первых, кто заявил о цифровых правах как новой категории, а также о формировании механизмов их защиты в современном государстве и обществе, стал председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин. Так, выступая на Петербургском международном юридическом форуме в мае 2018 г., он отметил следующие тенденции и положения, ставшие предметом дискуссий и обсуждений:

1) «мы живем во времена цифровой революции». Мир вступает в эпоху «активного использования искусственного интеллекта (ИИ) и Больших данных (Big Data) для управления в экономике, обществе и государстве»;

2) интерес представляют дискуссии юристов «об использовании роботов в своей профессии» как эффективных помощников юриста для выполнения ряда «типовых юридически значимых процедур», в частности подготовки различных документов. И «первые попытки функционирования роботов-юристов уже есть в России»;

3) одним из важных международных правовых актов, в котором были закреплены признание и защита цифровых прав, является Хартия глобального информационного общества (Окинава, 22.07.2000 г.), среди основополагающих правил которой надо отметить следующие: развитие эффективного механизма защиты частной жизни потребителя, а также развитие и эффективное функционирование электронной идентификации;

4) в настоящее время формируется новое право – «право второго модерна», которое регулирует политические, экономические и социальные отношения «в контексте мира цифр, Больших данных, роботов, искусственного интеллекта»;

5) «цифровые права человека – это, по сути, конкретизация (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных, актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, – применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации». И задача государства – «признавать и защищать цифровые права граждан от всевозможных нарушений, обеспечивая при этом конституционно-правовую безопасность личности, общества и государства» [10].

Среди различных подходов российских ученых к вопросу о развитии прав человека в условиях новых информационных технологий можно выделить следующие:

1) так, Н. В. Кравчук считает, что можно говорить о *перемещении прав человека в цифровую сферу*, и такой процесс «подвергает права человека беспрецедентным рискам». Он отмечает, что «право на свободу выражения мнений в наши дни ограничивается фильтрацией контента или блокированием доступа к нему», и делает вывод, с которым можно вполне согласиться: адаптация национальных и международных правил, «применимых к науке и технологиям, происходит медленно, а действующее право не способно адекватно регулировать ситуации, порожденные технологическими инновациями» [13, с. 184];

2) Е. В. Алферова считает, что *можно говорить о традиционных и новых правах*, и относит к новым правам следующие: права «на информационное самоопределение, информационную безопасность, защиту персональных данных, конфиденциальность, свободу самовыражения в Сети и др.». Она отмечает в качестве основного дискуссионного вопроса, который обсуждается в настоящее время, – глобальную и трудно решаемую *проблему достижения баланса интересов и прав человека в Интернете, в киберпространстве* [2];

3) Н. В. Варламова, рассматривая разные вариации названий новых прав, отмечает многообразие существующих категорий в отечественной и англоязычной литературе – цифровые права, виртуальные права, интернет-права, право на коммуникацию, свобода «соединения с любым лицом в любое время, в любом месте, для любых целей», др. – и делает вывод о том, что *термин «цифровые права» «кажется наиболее адекватным»*, и относит к наиболее общепризнанным таким правам следующие: *право на доступ к Интернету, право на защиту персональных данных, право на забвение или право на удаление* [4, с. 13], заостряя внимание на том, что базовым и новым является право на доступ к Интернету, а остальные – производные от данного права [4, с. 23];

4) Ю. А. Чернышова, анализируя особенности развития прав человека в условиях цифровизации общества, считает, что «эпоха информационных технологий диктует *необходимость ревизии универсальных прав человека и их расширения*», и относит к цифровым правам такие, как «право на публикацию цифровых произведений, право на использование компьютеров и других электронных устройств». Она также отмечает развитие – в качестве новых подотраслей цифрового права – права цифровых денег и цифровых споров, авторского и программного права, др. [24];

5) Э. В. Талапина, при анализе эволюции прав человека в цифровую эпоху, делает вывод о том, что «система прав человека будет меняться в зависимости от условий их реализации». Она считает, что «с приходом цифровых технологий *возникают цифровые права*», и относит к ним следующие права: «право на доступ к Интернету, право на забвение, право на защиту от нежелательной информации, уже получившие законодательное признание в разных странах» [23].

О цифровых правах в российской теории и практике. Цифровые технологии стремительно развиваются в российском политическом, экономическом и правовом пространстве. В 2018 г. в Российской Федерации стартовала программа «Цифровой экономики» [19], в 2019-м вступил в силу закон о «цифровых правах» [15], в 2020-м Минкомсвязи России было переименовано в Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [17]; формируется новая отрасль – цифровое право; мощными темпами развивается цифровизация политики и политика цифровизации.

На сегодняшний день тема цифровых прав является новой и крайне неопределенной. Так, российский законодатель в Федеральном законе «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ определил цифровые права как некие имущественные и обязательственные права, содержание которых конкретно не прописано [16]. Однако такой подход не является исчерпывающим, так как данное определение рассматривается только в сфере «имущественных прав», но не основных прав и свобод человека и гражданина.

Содержание цифровых прав и свобод человека гораздо шире и представляет собой целый комплекс прав, позволяющих человеку не только владеть определенными имущественными правами, но и реализовать себя как свободную личность (и в то же время личность, осознающую свои обязанности и ответственность за ограничения и нарушение прав и свобод других) в киберпространстве.

В качестве основных цифровых прав человека можно отметить следующие:

1) право на доступ к Интернету (к сети Интернет): реализация данного права предполагает отсутствие ограничений на доступ к Интернет у любого человека. И здесь важен не только сам факт доступа, но и возможность его качественного использования: тип подключения (проводной, беспроводной), минимальная, средняя или максимальная скорость передачи данных, а также технические возможности реализации данного права (инструменты использования сети Интернет). Например, в 2010 г. в Финляндии было официально закреплено право на доступ к широкополосному Интернету как одно из прав человека [5];

2) право на поиск, получение и передачу информации: само право не является новым, оно уже закреплено в Конституции РФ (ст. 29, ч. 4) [12], однако новой является сфера его применения. Одной из важных проблем, связанных с этим и другими правами, является баланс прав в киберпространстве;

3) право на использование, создание и публикацию цифровых произведений, при реализации которого необходима защита не только правообладателей произведения, но и его пользователей (потребителей);

4) право на приватность в Интернете: конфиденциальность персональных данных, закрепленная законодателем в Федеральном законе «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ [18], предусматривает обязанность лиц, имеющих доступ к персональным данным людей, сохранения этих данных от третьих лиц. Защита таких данных важна для того, чтобы минимизировать количество преступлений, связанных с использованием персональных данных пользователей сети Интернет;

5) право на анонимность: при злоупотреблении таким правом оно может принести вред как человеку, так и обществу. В настоящее время в отечественном правовом пространстве данное право не закреплено на законодательном уровне, примером чего служит так называемый «Закон Яровой», который обязывает операторов сотовой связи сохранять весь интернет-трафик пользователей в течение 30 суток [8]. Данный закон формально рассматривается как антитеррористический, однако цели его слишком многозначны, так как интернет-трафик содержит в себе также и персональные данные, использование которых третьими лицами может повлечь за собой негативные для пользователей (либо общества в целом) последствия. В данном случае также необходимо отметить Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 10.1 и 15.4 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» от 29.07.2017 г. № 241-ФЗ [15], который «запрещает» анонимность пользователей мессенджеров, тем самым ограничивая права человека;

6) право на свободу слова: данное право было изначально закреплено в Конституции РФ (ст. 29), однако в контексте цифровых прав оно расширяет свое действие и на сеть Интернет [3].

Вопросы соблюдения, обеспечения, ограничений, защиты прав и свобод человека, в том числе цифровых прав, в условиях пандемии стали предметом актуального исследования, проведенного членами Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Результатом этой кропотливой работы стал доклад «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина», официально представленный широкой общественности в начале июля 2020 г. Среди основных и представляющих особый интерес положений доклада можно отметить следующие выявленные тенденции, обнаруженные проблемы и разработанные рекомендации:

1) «еще в доковидную эпоху в правозащитной среде разгоралась дискуссия о пределах “цифрового суверенитета” гражданина и допустимости вмешательства в него со стороны хозяйствующих субъектов и государственных органов. Новые

технологии обработки больших данных, рост скорости доступа к сети Интернет и числа “умных” устройств поставили на поток деятельность по формированию “цифровых профилей” интернет-пользователей и их привязке к личным данным... цифровые профили граждан приобрели самостоятельную ценность», сформировались легальный и нелегальный рынки по их купле-продаже;

2) цифровые технологии в условиях пандемии можно подразделить на две группы: «1. технологии, обеспечивающие соблюдение режима карантина гражданами, инфицированными Covid 19 (обязательные к установке мобильные приложения, контроль геолокации мобильных устройств, отслеживание перемещений граждан и автотранспорта при помощи городских камер видеонаблюдения); 2. технологии, обеспечивающие соблюдение режима самоизоляции гражданами, не инфицированными Covid 19 (цифровые пропуска для личных нужд и передвижения автотранспорта, ограничение использования транспортных карт, регламентация прогулок вблизи места жительства)»;

3) особое беспокойство Совета вызывают: а) ограничения прав граждан, б) трудности для старшего поколения и других групп из-за необходимости активного взаимодействия с интернет-ресурсами, в) недостаточный уровень защиты персональных данных, г) нестабильность работы мобильных приложений, д) несоответствие ряда технологий законодательству об охране персональных данных;

4) членами Совета предлагается с целью минимизации названных рисков «инициировать серьезную общественную дискуссию о допустимости вмешательства государства в частную жизнь граждан посредством формирования и использования их цифровых профилей»;

5) «ответственность за действия с персональными данными граждан должна быть соразмерна в части санкций ответственности за разглашение следственной или государственной тайны» [9].

Несомненно, можно согласиться с выводами и предложениями членов Президентского совета по правам человека в отношении необходимости широкой общественной дискуссии, совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики по защите прав и свобод человека и гражданина, в том числе цифровых прав и свобод, как в условиях пандемии (второй волны), так и постпандемии.

В сентябре 2020 г. на круглом столе по вопросам защиты цифровых прав граждан, с участием членов Совета и экспертов, было заявлено о необходимости создания Рабочей группы по защите прав граждан в цифровой сфере, в том числе в связи с жалобами граждан и с обострением таких проблем, как травля в Интернете, нарушения в сфере защиты персональных данных, слежение через камеры видеонаблюдения.

При наличии различных подходов среди ученых и практиков к развитию правового регулирования Интернета, соблюдению, обеспечению, защите прав человека в сети Интернет можно согласиться с М. С. Саликовым, С. Э. Несмеяновой, А. Н. Мочаловым, Н. Е. Колобаевой, К. А. Ивановой (авторами коллективной монографии «Права человека в сети Интернет»), которые выдвигают следующие важные и актуальные положения:

1) «новое законодательство в сфере управления Интернетом должно учитывать нормы международного права, лучшие практики зарубежных стран и российские национальные достижения в данной сфере, закреплять право каждого на равный и беспрепятственный доступ к Интернету, устанавливать четкий и исчерпывающий перечень обстоятельств, при которых доступ может быть ограничен»;

2) важная роль Интернета – в сфере соблюдения, обеспечения и защиты прав граждан – информирование о деятельности органов публичной власти, предоставляемых услугах (как государственных, так и муниципальных);

3) ресурсы Интернета позволяют реализовать социальные, отчасти политические (имеются в виду избирательные технологии), культурные, экономические и другие права;

4) «нужно создать механизмы, обеспечивающие защиту персональных данных (неприкосновенность личной жизни, конфиденциальность передаваемых данных, их хранение), предотвращающие правонарушения в Интернете, гарантирующие информационную безопасность, прежде всего граждан» [21, с. 43].

Анализ содержания цифровых прав и свобод, уровня их соблюдения, обеспечения и защиты делает актуальным следующий вопрос: являются ли права, которые формируются в цифровую эпоху, новым поколением прав человека? С одной стороны, процесс цифровизации политики, экономики, культуры не формирует целого каталога принципиально новых прав человека. С другой стороны, рассуждая о поколениях прав человека, следует отметить, что цифровые права требуют принципиально новых способов их признания и регулирования, соблюдения, обеспечения и защиты.

Модернизация механизмов и технологий реализации и защиты прав человека в виртуальной, цифровой сфере требует поиска наиболее адекватных правовых решений, признания и закрепления их законодателем на государственном уровне.

Право как стабильный и динамичный регулятор правоотношений, права человека как «убежище для человека» (С. С. Алексеев) должны развиваться и совершенствоваться в соответствии с реальностью (в том числе с современной цифровой реальностью), в которой они существуют, оптимально и своевременно реагируя на различные правовые и правозащитные инновации.

Литература

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Соматические права как вызов // Права человека и вызовы XXI века : учеб. пособие / под ред. А. Х. Абашидзе. – М. : РУДН, 2016. – 336 с.
2. Алферова Е. В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности. – М. : ИНИОН РАН, 2018. – С. 143–157.
3. Аммосов А. О. Становление интернет-цензуры в Российской Федерации с 2012 по 2017 годы // Academy. – 2017. – № 10 (25). – С. 62–66. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-internet-tsenzury-v-rossiyskoy-federatsii-s-2012-po-2017-gody> (дата обращения: 29.10.2020).
4. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14, № 4. – С. 9–46.
5. В Финляндии широкополосный интернет предоставили всем гражданам // Право.Ru (ООО «ПРАВОДник»). – 2020. – 1 июля. – URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/33144/> (дата обращения: 28.10.2020).
6. Глушкова С. И., Мартынов К. Э. Современный дискурс прав человека: основные проблемы и противоречия // Дискурс-Пи. – 2019. – № 2 (35). – С. 98–105.
7. Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). – М. : Юрист, 2003. – 304 с.
8. «Закон Яровой» вступил в силу // Право.Ru (ООО «ПРАВОДник»). – 2018. – 1 окт. – URL: <https://pravo.ru/news/205667/> (дата обращения: 28.10.2020).
9. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина» // Официальный сайт Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. – 2020. – 8 июля. – URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/687/> (дата обращения: 20.10.2020).
10. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. Столичный выпуск. – 2018. – 29 мая (№ 115 (7578)).
11. Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. – М. : Норма, 2009. – 288 с.

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 27.10.2020).
13. Кравчук Н. В. Практика Европейского суда по правам человека по делам, затрагивающим использование новых технологий (обзор) // Государство и право в новой информационной реальности. – М. : ИНИОН РАН, 2018. – С. 184–195.
14. Лукашева Е. А. «Поколения» прав человека // Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2009. – 560 с.
15. О внесении изменений в статьи 10.1 и 15.4 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 241-ФЗ // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221183/ (дата обращения: 29.10.2020).
16. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 28.10.2020).
17. О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 02.06.2008 г. № 418 (ред. от 09.09.2020 г.) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_77387/ (дата обращения: 28.10.2020).
18. О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 28.10.2020).
19. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента РФ от 07.09.2018 г. № 204 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 28.10.2020).
20. Плотицкина Н. В., Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 4. – С. 70–83.
21. Саликов М. С., Несмеянова С. Э., Мочалов А. Н., Колобаева Н. Е., Иванова К. А. Права человека в сети Интернет : колл. монография. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2019. – 148 с.
22. Сунгуров А. Ю. Поколения прав человека: основные этапы развития правовой идеи и правового института // Институт Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ : учеб. пособие / под ред. А. Ю. Сунгурова. – СПб. : Норма, 2003. – С. 151.
23. Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 108–133.
24. Чернышова Ю. А. Права человека в условиях цифровизации общества // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 90–102.
25. Век цифровой взаимозависимости : доклад Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству // Официальный сайт ООН. – 2019. – 10 июня. – URL: <https://www.un.org/ru/digital-cooperation-panel/> (дата обращения: 29.10.2020).
26. Генеральная Ассамблея ООН подтвердила право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век // Официальный сайт ООН. – 2013. – 19 декабря. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2013/12/1234451> (дата обращения: 27.10.2020).
27. Цифровые технологии массовой слежки выходят на мировой рынок // Официальный сайт ООН. – 2014. – 12 сентября. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2014/09/1249141> (дата обращения: 20.10.2020).
28. Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue. Human Rights Council Seventeenth session. Agenda item 3. Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development // United Nations. – 2011. – 16 May. – URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 20.10.2020).

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Sciences, Head of Human Rights Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg),
the Chairperson of Russian Political Science Association
in Sverdlovsk region, visiting professor of Université Paris X –
Nanterre (France)

Evgeny Dmitrievich Letunov,

Master of Jurisprudence, postgraduate student of Liberal Arts
University (Yekaterinburg), expert-specialist of the Department
of the Federal State Statistics Service in Sverdlovsk and Kurgan regions

The Development of New Generation of Human Rights in the Digital Age

The article concerns the development of new generation of human rights – digital rights, as well as the protection of human rights on the Internet. The authors analyze modern approaches to the study of digital rights, their content and development, debating issues and controversial aspects.

Keywords: digital rights; human rights; generations of human rights; digital technologies.

Риски в переходных правовых системах

При переходе от одной правовой системы к другой государство имитирует принятие одних норм права, а руководствуется в своей деятельности совсем другими нормами. Возникает противоречивая система права. В этот период издается множество неопределенных норм. Право не спасает от рисков в области экономики и политики. Угрозы для граждан исходят от самого государства. Не ясна в переходный период перспектива этого государства. Оно в любой момент может рухнуть.

Ключевые слова: риски; переходные правовые системы; противоречивость права; риски в экономике; риски в политике; угрозы со стороны государства.

Значительное число стран мира сегодня находится на стадии перехода от административной правовой системы [15, с. 440–460] к гражданской или буржуазной. Для этого переходного периода характерны риски особого рода. Они связаны с противоречивостью норм реального позитивного права. Новые нормы, характерные для гражданской правовой системы, здесь соседствуют с нормами старой административной системы. Угадать, какая из противоречивых норм будет действовать в конкретной ситуации, не всегда представляется возможным. Неопределенность правового регулирования усиливается тем, что государство имитирует переход к новой правовой системе. Принципы и нормы гражданской правовой системы декларируются в конституции. Объявляется, что они имеют высшую юридическую силу (например, ст. 15 Конституции РФ 1993 г., ст. 15 Конституции Узбекистана 1992 г.). На самом деле действуют противоположные им нормы, имеющие своим источником подзаконные акты, политико-правовые доктрины, правовые обычаи, правовые прецеденты. Декларируемые нормы конституции оказываются мертвыми или спящими (полностью или частично). При этом административный класс не может откровенно игнорировать декларируемые в конституции и законах нормы гражданской правовой системы. Эти нормы реализуются дозированно. Для субъекта права в конкретном случае необходимо понять, попадает ли он в группу, для которой реализация его права разрешена, или не попадает. В рамках имитационной политики перехода к новой правовой системе государство поддерживает ритуальную реализацию новых норм права (например, проводятся ритуалы выборов в органы власти), создавая видимость того, что они работают. Это вконец запутывает субъектов права и создает постоянную ситуацию риска того или иного поведения.

Для поддержания свободы усмотрения правоприменителя административное государство, имитирующее переход к конституционному, издает нормы неопределенного характера. Это так же создает ситуацию риска, поскольку не ясно, как правоприменитель будет толковать эту норму. Конституция РФ является наглядным примером акта переходного периода. Она закрепляет компромисс между интересами административного класса и предпринимателями, между централизацией и федерализмом. В 1990-х гг. нормы Конституции использовались региональными элитами для оправдания своей самостоятельности. После 2000 г. они эффективно используются Правителем для восстановления имперского государственного устройства.

* **Сергей Алексеевич Денисов**, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры прав человека юридического факультета АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: sa-denisov@yandex.ru

В переходные периоды государство объявляет, что оно является правовым (например, ст. 1 Конституции РФ 1993 г., ст. 1 Конституции Таджикистана 1994 г.). На деле часто оно остается персоналистским, т. е. решение всех вопросов зависит не от того, что записано в законах, а от воли высокопоставленных чиновников (главы государства). Смена лица на высокой должности приводит к изменению отношения к нормам права. Что вчера было можно, того сегодня уже нельзя. Персонализм приводит к партикуляризму, при котором нормы действуют в одном регионе страны по воле его правителя и не действуют в другом.

Полный анализ рисков, порождаемых переходной правовой системой, возможен только при использовании социологического подхода к правопониманию. Позитивистский подход искажает представление о правовой действительности. Он выдает мертвые нормы писаного права за действующие и не замечает действующие, но не писанные нормы. Таким образом он умножает количество рисков для субъектов права, доверяющих тому, что написано в законе.

При позитивистском подходе к праву риск рассматривается как правомерное деяние, исключаящее юридическую ответственность [28]. При социологическом подходе риск может быть рассмотрен более широко. Во-первых, это правовая ситуация (правовое состояние, юридический факт), при которой существует возможность появления различных (как негативных, так и позитивных) явлений, когда нельзя точно просчитать, случатся они или нет. Во-вторых, это рискованная деятельность, которая может быть как правомерной, так и неправомерной. Риск может содержаться в самих нормах права, которые могут быть реализованы или не реализованы, могут иметь совершенно непредсказуемый социальный эффект. Риск в данном случае рассматривается как объективно-субъективное явление.

1. Риски в сфере правового регулирования экономической деятельности

Административные по своей сути государства в переходный период делают вид, что они перешли к капитализму, и в конституциях берутся гарантировать защиту частной собственности и свободу предпринимательства (ст. 8, 34 и 35 Конституции РФ, ч. 2 ст. 12 Конституции Таджикистана 1994 г.). Их чиновники доказывают, что они заботятся о благоприятном климате для предпринимателей [5, с. 2]. На самом деле здесь достаточно высоки риски потери собственности и невыполнения тех обязательств, которые берет на себя государство. Так, компания «Юнимилк» вложила в свой бизнес в Беларуси 30 миллионов долларов. 3 февраля 2011 г. А. Лукашенко заявил, что компания будет изгнана из страны, если не будет выполнять его указания насчет того, что надо производить и куда поставлять [38, с. 6]. Здесь не рынок, а правитель страны определяет направление работы компаний.

Иностранные предприниматели, рискнувшие вложить свои деньги в страну с переходной экономикой, могут потерять не только деньги, но и свободу. Так, 26 августа 2013 г. в Беларуси был сначала задержан, а затем и арестован российский бизнесмен, глава «Уралкалия» В. Баумгертнер, который прибыл в страну по приглашению ее правительства. Отказ «Уралкалия» продавать калийные удобрения вместе с белорусским «Беларуськалием» было расценено как злоупотребление служебным положением со стороны В. Баумгертнера [37]. А. Лукашенко заявлял, что готов отпустить В. Баумгертнера на родину за 1,5–2 млрд долларов [4].

Общим неписаным правилом для административных стран, имитирующих переход к капитализму, является наличие условной частной собственности и условного права на предпринимательство. Это означает, что для успешности бизнеса в таких странах предприниматель должен иметь своего покровителя в государственных органах (патрона, сюзерена). Потеря патроном власти приводит к риску потери капитала. Так, Е. Батурина стала миллиардером, пока ее муж Ю. Лужков занимал должность мэра г. Москвы [4]. Во избежание потери капитала она свер-

нула свой бизнес в России и вывела капитал за рубеж [6, с. 8], как только ее мужа уволили с этой должности.

В случаях конфликта предпринимателя с государственной бюрократией возникает вопрос о силе его патрона, его способности защитить бизнес от рейдеров в лице других государственных чиновников. Ярким примером является возбуждение уголовного дела против В. Евтушенкова в 2014 г., который в 2005–2009 гг. купил незаконно приватизированную в 1993 г. компанию «Башнефть» [21]. По свидетельству А. Кудрина, сделка была согласована со всем высшим руководством страны [11]. Но что-то изменилось. Патроны В. Евтушенкова оказались недостаточно сильными для защиты его бизнеса.

Повышенная опасность потери бизнеса и свободы для предпринимателей возникает в период смены руководства страны или региона. С приходом на должность мэра г. Москвы С. Собянина, в столице начался массовый снос ларьков, на постановку которых прежнее правительство города выдавало разрешения. Бизнес и работу потеряли тысячи человек [10, с. 3]. «Барин приказал убрать», – говорили люди. В апреле 2010 г. С. Рак выиграл тендер на размещение вагончика на окраине Москвы. Потратил еще полгода на оформление всех бумаг. Всего было затрачено около полумиллиона рублей. Но сразу после открытия он получил предписание убрать киоск [8, с. 20].

В буржуазном государстве парламент является, в первую очередь, представителем предпринимателей. Он принимает законы, защищающие частную собственность и поддерживающие свободные рыночные отношения. В административных государствах, имитирующих переход к капитализму, бюрократия издает законы, ограничивающие права предпринимателя. Последний похож на человека, гуляющего по минному полю. Везде расставлены «растяжки» в виде запрещающих законов. Одно неосторожное движение – и он разорен. Вице-президент «Опоры России» А. Жарков отмечает, что «малый бизнес утомлен постоянно меняющимися правилами игры» [10, с. 3].

В правовом государстве защита частной собственности обеспечивается деятельностью правоохранительной системы. Там действует независимый суд. В административных государствах, имитирующих переход к капитализму, конституционные акты также декларируют независимость суда (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ 1993 г., ст. 99 Конституции Туркмении 1992 г.). На самом деле здесь суды и прокуратура включены в вертикаль власти и в них не всегда можно найти защиту от рейдерских нападений со стороны высокопоставленных чиновников и их клиенты.

Сверхрискованный характер предпринимательской деятельности в странах с переходной правовой системой приводит к тому, что мало кто готов ею заниматься. Одной из причин экономического кризиса, поразившего Россию в 2013 г., является нежелание общества заниматься предпринимательством. Предприниматели, накопив капитал в России в условиях риска, бегут из страны. Свои капиталы они предпочитают вкладывать в страны Европы и Северной Америки. Там они получают не большую прибыль, но зато «спокойно спят». В 2011 г. М. Фридман инвестировал 1 млрд рублей в девелоперский проект в США. Вывоз денег из России он объяснил высокими политическими и экономическими рисками в стране. В США лучше защищаются права инвесторов. В России прибыли больше, чем в США (30 % против 20 % в США), но больше и риски [6, с. 8]. Российское государство не раз объявляло амнистию капитала, незаконно вывезенного за рубеж, но предприниматели опасаются возвращаться в родную страну [12, с. 5].

Значительные риски для населения возникают при переходе страны от патернализма к свободному рынку. Люди, привыкшие к тому, что государство берет на себя заботу об их судьбе, рискуют оказаться на социальном дне. Не привыкшие к

самостоятельности, они неумело используют возникшие у них свободы: берут в долг, не имея возможности его вернуть, отдают деньги мошенникам или вступают в рискованные отношения (покупают жилье на стадии котлована, а затем пополняют ряды обманутых дольщиков).

2. Риски при регулировании политических отношений

В условиях конституционного строя политическая конкуренция и смена правящей группы в результате выборов являются нормой. В переходный период государство декларирует свободные выборы (ст. 3 Конституции РФ), политический плюрализм (ст. 13 Конституции РФ, ст. 8 Конституции Таджикистана 1994 г.), республиканскую форму правления (ст. 1 Конституции РФ 1993 г., ст. 1 Конституции Узбекистана 1992 г.). Но на деле правитель создает механизм, устраняющий риск потери им власти. Конституционные нормы о свободе выборов нейтрализуются с помощью организации управляемых выборов. Создается партеобразное объединение бюрократии и ее клиентелы, которое вытесняет с политической сцены сильную оппозицию. Риск поражения на выборах сводится к минимуму. При этом населению пытаются доказать, что в стране проводятся честные выборы и у него есть шанс смены правящей группы. Имитация возможности для оппозиции победы на выборах создается путем выделения ей нескольких мест в представительных органах. Ей позволяют выиграть на выборах в некоторых муниципалитетах. В Иркутской области в 2016 г. действующий губернатор, поддержанный В. В. Путиным, проиграл выборы представителю оппозиции. То есть риск потери власти правящей группы в отдельных регионах не устраняется.

Поддерживается механизм устранения сильной оппозиции. Против наиболее активных представителей оппозиции применяются репрессии. В условиях массового беззакония со стороны репрессивного аппарата у представителей оппозиции возникает риск привлечения к уголовной ответственности за хранение наркотиков, за совершение хозяйственных преступлений. Как известно, был бы человек хороший, а статья для него всегда найдется.

В отсутствие сильной оппозиции правитель оказывается фактически незаменимым. Население находится у него в заложниках. После его свержения или ухода по другим причинам страну ожидает коллапс, бесправие, хаос, возможна гражданская война. Поэтому население предпочитает помогать правителю избегать риска потери им власти, оно сознательно голосует за поддержание его пожизненного правления.

На устранение потери власти правителем работает законодательство переходной правовой системы. Из конституции страны убирается ограничение сроков пребывания одного человека на должности главы государства (Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Туркмения). Конституционный акт закрепляет суперпрезидентскую форму правления, позволяющую правителю расставлять на все важные посты лично преданных ему людей. В России расширению полномочий Президента РФ и превращению его в самодержца помог Конституционный Суд РФ [16, с. 64–72].

Чем больше преступлений совершает правящая группа, тем больше риск привлечения ее к уголовной ответственности после потери власти правителем. Это стимулирует ее поддерживать пожизненную власть правителя. Существует и обратная зависимость. Чем меньше у правителя (правящей группы) шансов потерять власть, тем более он склонен к нарушению закона.

Все эти меры не устраняют риска потери власти правителем. Они только снижают шанс его свержения, откладывают на потом негативные последствия его правления. История последних лет полна примерами, когда вчерашние самодержавные правители оказываются за решеткой, а те, кого держали в тюрьме, оказываются у власти (Армения 2018 г., Киргизия 2010 г. и т. д.). После свержения

К. Бакиев в Киргизии на скамье подсудимых оказались 22 высокопоставленных чиновника и военных. Сам К. Бакиев бежал из страны [22, с. 5].

В переходный период люди «испорчены» конституционными идеями о сменяемости власти. Так, населению Киргизии не понравилось то, что А.А. Акаев окружил себя своими родственниками и вознамерился править пожизненно. Под давлением уличных выступлений он вынужден был бежать из страны (2005 г.). На смену ему пришел К. Бакиев, который также стремился избежать риска потери власти и окружил себя своими родственниками и друзьями. Вторая революция в Киргизии (2010 г.) лишила его должности Президента [26, с. 13-17].

Риск потери должности связан сегодня с неумением управлять сознанием масс. С. Саргсян находился на должности Президента Армении десять лет. Для сохранения своей власти он изменил Конституцию Армении. Широчайшие полномочия были переданы премьер-министру Армении, пост которого он и занял после исчерпания двух сроков пребывания на посту Президента [32, с. 6]. Но это не понравилось населению Армении. Оно поддержало протест оппозиции, возглавляемой Н. Пашиняном, партия которого набрала на последних выборах в парламент всего 7 % голосов. Уличные протесты были настолько широкими, что С. Саргсян, который имел полную власть в стране, вынужден был уйти в отставку и уступить место премьер-министра Н. Пашиняну [31, с. 1]. Недавно находившийся в местах лишения свободы за организацию массовых протестов оппозиционер стал главой правительства Армении [30, с. 5].

Риск потери власти правящей группой (правителем) связан с ее расколом, как это произошло в России в начале 1990-х гг. У населения появляется выбор между поддержкой той или иной аппаратной группы.

Риски потери власти правителем, который активно сопротивляется прогрессу в современных условиях, связаны с действиями буржуазных государств. Правители небольших стран, которые откровенно выступают за попятное движение страны, сегодня рискуют попасть на скамью подсудимых международного суда (С. Милошевич) или суда собственной страны (Э. Хонеккер в Германии), на виселицу (С. Хусейн) или быть растерзанными толпой (М. Каддафи). В России заявляют, что вмешательство демократических стран в дела других государств является нарушением норм международного права. На самом деле в мире уже давно возникла правовая норма, согласно которой правящая группа (правитель), активно сопротивляющаяся прогрессу, должна сойти со сцены. Эта норма вытесняет норму о суверенитете государства. Очень рискует тот, кто этого не понимает. Уже сегодня страна с пожизненным правителем не может считаться цивилизованной.

При конституционном строе создается механизм привлечения главы государства к юридической ответственности. В условиях имитации перехода к конституционному строю конституция страны предусматривает наличие такого механизма, но он является неработающим. Например, ст. 93 Конституции РФ предусматривает возможность отрешения Президента РФ от должности, но реализовать ее невозможно. Это мертвая норма. Все субъекты, которые должны выносить решение об ответственности Президента РФ, сформированы при его участии и верно служат ему. Обычно в переходных странах создается система «громоотводов». В обществе распространяется миф о том, что «царь мудрый и добрый». Во всех бедах страны виновато его окружение. Всю ответственность за негативные последствия политики правителя берут на себя его подчиненные: глава правительства, наместники в регионах, более мелкое чиновничество. Пропаганда во всех бедах страны винит внутренних и внешних врагов правителя. Новую жизнь приобретает средневековое правило: «Король не может быть не прав». На современном языке политологи говорят о «тефлоновом президенте».

В условиях республики правящая группа, получившая власть на время, действует осторожно, в рамках закона. Она знает, что после потери власти ее деятельность будет изучаться «под микроскопом». Правитель и правящая группа, намеренные править пожизненно, фактически превращаются в преступную группу. Они стоят над законом.

В условиях политического плюрализма и постоянной смены власти страна как бы нащупывает правильный путь своего развития, избегает риска впадения в крайность. При концентрации власти в одних руках страна постоянно из одной крайности впадает в другую. Правителя не интересует, что будет со страной после его смерти. Действует старое правило: «После нас хоть потоп». Правитель, не несущий ни политической, ни юридической ответственности за свои действия, склонен к авантюрам, грубо нарушающим нормы международного права и внутренние законы.

Часто правитель (правящая группа) готов подвергать риску общество во имя личных или групповых целей. Так, отказ от соблюдения нормы международного права о неприкосновенности границ и присоединение Крыма обеспечили В. В. Путину авторитет «собирателя земель» и возможность править страной пожизненно. Риску подверглись общество, его экономика [34, с. 1]. Сегодня Россия тратит свои силы и средства не на развитие, а на борьбу с санкциями и с международной изоляцией.

В республике, в случае ошибки, совершенной правящей группой, приводящей к тяжким социальным последствиям, власть мирно переходит к другой правящей группе. Например, Д. Трамп, при всей рискованности его политики, не может сломать американскую социальную систему. Если его действия будут слишком опасны, то он получит досрочную отставку. При монархиях, в случае социального кризиса в стране, может возникнуть хаос, поскольку нет альтернативной силы, которая может вывести страну из этого кризиса.

О. Н. Яницкий отмечает, что иногда производство риска становится выгодно определенным группам [40]. Такое производство рисков является средством удержания власти административным государством в период его крушения. Оно объединяет население вокруг себя, доказывает свою необходимость, искусственно поддерживая внешние угрозы, определенный уровень террористической опасности и т. д. Даже если реальных угроз нет, то правящая группа создает через средства массовой коммуникации эффект их наличия. Правитель выступает покровителем и защитником народа от разного рода угроз (реальных, в том числе им же и создаваемых, или мнимых). Под предлогом необходимости защиты населения он наращивает мощь органов насилия, которые использует для сохранения своей пожизненной власти. Под предлогом поддержания социального порядка всё больше ограничиваются права человека в стране. Например, введение всеобщей слежки за населением оправдывается необходимостью борьбы с терроризмом. Административный класс успешно эксплуатирует стремление людей к безопасности.

В государствах, только имитирующих правовой характер, конституционные акты ничего никому не гарантируют. Это пустые бумажки, которые реализуются, только если их требования совпадают с интересами правящей группы (правителя). По Конституции Туркмении 1992 г. пост главы государства после умершего С. Ниязова должен был занять глава Меджлиса. Но он был арестован, а должность президента страны присвоил себе личный врач С. Ниязова [7].

Риски нейтрализации норм конституционного акта законами должен устранять создаваемый для этой цели конституционный суд. Но, будучи включенным в единый механизм власти правителя, он лишь частично реализует свои задачи, систематически занимаясь легализацией антиконституционных законов [18, с. 60–70].

Риск пренебрежения интересами отдельных групп граждан страны в конституционных государствах призвано минимизировать федеративное устройство государства и местное самоуправление. Эти институты могут закрепляться в конституционном акте переходного периода, но на деле не действовать. Конституция РФ 1993 г. закрепляет федеративное устройство России, но фактически страна вернулась к своему имперскому состоянию с управлением провинциями из единого центра с помощью наместников Правительства [17, с. 237–285]. В стране последовательно устраняются ростки местного самоуправления [17, с. 291–374]. Устранение самостоятельности регионов и мест прикрывается борьбой с рисками потери целостности страны.

Конституции государств переходного периода закрепляют равенство всех перед законом (например, ст. 19 Конституции РФ 1993 г., ст. 18 Конституции Узбекистана 1992 г.). На деле в них сохраняется иерархическая система, при которой правовой статус человека зависит от его места в государственном аппарате и близости человека к властным субъектам (клиентизм). «Всяк сверчок знает свой шесток». Положение человека в клиентистских отношениях часто зависит от того, какого ранга его патрон. Потеря опекуна приводит к падению правового статуса клиента. Ошибка со своим статусным положением также может приводить к рискам («не по чину берет»). В соответствии с должностным положением распределяется защита от риска. Высшие должностные лица имеют особую охрану. На защиту их прав в первую очередь нацелен механизм государства. В зоне наибольшего риска потери своих прав находятся представители оппозиции: их могут убить, лишит свободы. В тоталитарных государствах оппозиция была запрещена. В авторитарных государствах ей позволяют существовать, но она постоянно находится под угрозой возможных репрессий. А. Лукашенко в 2010 г. разрешил оппозиции принять участие в выборах президента, а затем арестовал кандидатов на этот пост [1, с. 6].

Коррупция типична для административных государств и рассматривается как дополнительная оплата труда. Невысокая степень рискованности коррупционной деятельности стимулирует ее. Привлечение отдельных лиц к уголовной ответственности не пугает чиновников, поскольку шансов быть уличенным в преступлении мало, а выигрыш велик. Особые привилегии возникают у лиц, имеющих высоких покровителей. Они могут почти безбоязненно заниматься преступной деятельностью. Риски быть привлеченными к уголовной ответственности для них минимальны. В России это признается на самом высоком уровне [13, с. 6]. Но и они, в условиях борьбы кланов, не могут «спать спокойно». Так, в 2013 г. было возбуждено дело против министра обороны РФ А. Э. Сердюкова (муж дочери В. Зубкова, который считается другом В. В. Путина), а также против его подруги и его родственников. Дело против А. Э. Сердюкова [14] и его зятя удалось прекратить [20]. Е. Васильева отделалась минимальным сроком наказания, но нервы всем потрепали.

В переходные периоды правитель вынужден обозначать деятельность по борьбе с коррупцией [13, с. 6], и у отдельных высокопоставленных чиновников возникает риск попасть за решетку. Нет ничего удивительного в том, что за коррупцию осудили Н. Белых. Он происходил из рядов оппозиции и принадлежал к группе риска. Но явно неожиданным было возбуждение дела в отношении губернатора Коми В. Гайзера [27, с. 7] и губернатора Сахалинской области А. Хорошавина [9]. Они не замечены ни в какой оппозиционной деятельности, были преданы Правительству. Ранее к уголовной ответственности привлекали в основном заместителей глав регионов, а главы регионов представлялись ничего не знавшими о преступной деятельности своих замов «наивными младенцами». Как говорил Генеральный прокурор РФ, всё списывали на халатность [13, с. 6].

В переходные периоды большинство населения не является сознающим свои интересы народом. Оно действует на основе чувств и веры. Его легко обманывать. Переход к свободным выборам не гарантирует прихода к власти честных и национально ориентированных людей. Толпа скорее выберет краснбая, который будет бессовестно обещать решить все проблемы общества, окружить его патерналистской заботой. Это грозит риском попадания страны в очередной тупик. Ярким примером этого является Германия 1933 г. [29] и Беларусь 1994 г. [24, с. 39]. В 2012 г. в Египте были проведены свободные выборы, на которых победили мусульманские фундаменталисты. Они старались вернуть страну в Средние века [25].

В переходный период, когда класс предпринимателей еще не столь силен, он передает власть над страной правителю-реформатору. Возникает такое явление, как бонапартизм. Но закрепление слишком высоких полномочий главы государства в конституционном акте приводит к риску того, что следующий за реформатором глава государства может оказаться консерватором. Так произошло в России. Либеральная общественность поддержала Конституцию РФ 1993 г., закрепившую широкие полномочия Президента РФ. Но следующий после Б. Н. Ельцина Президент оказался консерватором, старающимся повернуть развитие страны назад. Те, кто участвовал в создании Конституции РФ, – сегодня оказались «потерпевшими».

Сам переходный период часто порождает кризисные ситуации в стране, которые могут заканчиваться приходом к власти радикальных группировок, опирающихся на массы. Так произошло в России в октябре 1917 г., в Германии в 1933-м, в Иране в 1979-м. История показывает, что эти радикалы превращают страну в площадку для экспериментов над населением. Цена этих экспериментов очень велика.

3. Риски построения конституционного строя и потери власти административным классом

Потеря власти правителем (правлящей группой) не всегда приводит к возникновению в стране конституционного строя. Для этого нужны определенные предпосылки: наличие организованного и осознающего свои интересы общества граждан, конкурирующие между собой элиты. С распадом СССР, который оказывал существенную помощь административным государствам мира, шансы возникновения конституционных государств в разных странах мира существенно возросли, так же как и риски потери власти бюрократией. Современная Россия слишком слаба и не может заменить СССР. Более того, имперская политика руководства России подталкивает соседей (Украину, Молдавию, Грузию) искать защиту в Европе и США. Те, в свою очередь, требуют от них ускорения перехода к цивилизованной правовой системе [19, с. 11]. Таким образом, попытки остановить процесс движения мира к конституционализму, на деле ускорят его. Очевидно, что попытки руководства России ставить «палки в колеса» мировому прогрессу ускорят падение административного строя в нашей стране.

Успешно реализовали переход к гражданской правовой системе страны Центральная, Восточная и Южная Европы. Их примеру пытаются последовать Украина, Грузия, Армения. Риск перехода к конституционному строю реализовался в последние годы в самых неожиданных местах: на Тайване, в Южной Корее. Риски потери власти бюрократией связаны с деградацией элит, их расколом. Как правило, такие риски возникают после смерти старого авторитарного правителя (Португалия, Испания), когда преемник не обладает авторитетом в обществе. Каждый правитель мечтает о бессмертии и не готовит себе преемника. Слабый преемник не может удерживать власть над страной и ее элитами. У общества появляется возможность реализовать закрепленные в конституции идеи суверенитета народа (социократии), республики и демократии. Накопление потенциала об-

щества в авторитарных государствах происходит скрытно. Латентность недовольства приводит к неожиданному взрыву революционного характера, при котором государственная система рушится одномоментно. Предвидеть революционный взрыв почти невозможно. За несколько дней рухнула царская Россия. За несколько месяцев исчез СССР. Повод для начала революции может быть самым незначительным. Так, арабская весна началась с того, что один из тунисцев поджег себя на площади столицы [3].

4. Риски, исходящие от государства переходного периода

Много веков опасности для человека исходили от государства, этой бездушной машины, которая могла уничтожить, превратить человека «в лагерную пыль». Конституционное право нацелено на то, чтобы ограничить власть этой машины, сделать человека высшей ценностью. В переходный период к конституционному строю государство декларирует в писаном акте высшую ценность человека, обязуется гарантировать его права и свободы (ст. 2, 17, 18 Конституции РФ 1993 г., ст. 5 Конституции Таджикистана 1994 г.). На деле государство продолжает создавать для людей риски потери ими жизни, здоровья, имущества и свободы.

В условиях переходного периода полицейский характер административного государства может выдаваться за строительство правового государства. Цель движения к правовому государству провозглашается в конституционных актах. В рамках полицейского государства правящая группа широко применяет запреты. Возникают риски совершения преступлений по незнанию. Атеистическая пропаганда может быть рассмотрена как оскорбление чувств верующих (ст. 148 УК РФ). Призывы решить национальный вопрос путем использования права народа на самоопределение в соответствии с международным правом, могут быть рассмотрены как уголовно наказуемый призыв к нарушению единства страны (ст. 280.1 УК РФ). Риск быть привлеченным к уголовной ответственности возникает в связи с неясностью запретов. Критика чиновников может быть рассмотрена как клевета или оскорбление должностного лица (ст. 128.1 УК РФ). Резкие оценки деятельности государства и его правящей группы могут быть расценены как экстремистская деятельность (ст. 280 УК РФ). Как экстремизм может квалифицироваться религиозная пропаганда. В России в экстремизме обвинили религиозное объединение «Свидетели Иеговы», отделения которого действуют во всем мире.

Самая большая опасность для населения в полицейском государстве исходит от самих так называемых правоохранительных органов. Их должностные лица могут превращаться в организованные преступные сообщества [33, с. 3; 35, с. 3]. Наемные киллеры оказываются сотрудниками министерства внутренних дел [36, с. 4]. Полицейские могут фальсифицировать доказательства вины людей [33, с. 3]. В борьбе за показатели правоохранители привлекают к ответственности невиновных [23, с. 12]. Рископроизводящее государство и его должностные лица, естественно, клянутся в том, что они являются гарантами безопасности для человека и общества [39].

Как отмечают криминологи, для переходных периодов развития правовой системы характерна аномия и соответственно увеличение количества совершаемых правонарушений. Однако государственный аппарат, даже при желании, может выявить и отреагировать на совершение строго ограниченного количества правонарушений. Исходя из наличия кадров и техники, уголовный розыск страны может раскрыть только определенное количество преступлений в стране. Остальные останутся нераскрытыми. Конституционный суд может рассмотреть в течение года только определенное количество обращений. Остальные антиконституционные акты будут продолжать действовать. Таким образом, каждый субъект,

чья права нарушены, находится в состоянии неопределенности: займутся ли органы власти его вопросом, или для решения его у них не хватит времени и сил?

Правовые, демократические государства при подборе кадров государственных служащих придерживаются принципа меритократии. Государства переходного периода только имитируют применение этого принципа. Так, ч. 4 ст. 32 Конституции РФ декларирует принцип равенства доступа граждан к государственной службе. Законодательство устанавливает конкурсный подбор кадров. На самом деле в административных государствах аппарат формируется на основе принципа личной преданности вышестоящему начальству, на основе родства и кумовства. Только малооплачиваемые должности, требующие большого напряжения сил, замещаются по конкурсу. Это приводит к тому, что правоприменительной деятельностью занимаются неспециалисты, люди, безразлично относящиеся к проблемам общества. В этих условиях общество находится в условиях постоянного риска, не реализуются его потребности. Чиновники принимают необоснованные решения, причиняющие ущерб людям. Под угрозу ставятся жизнь и здоровье людей, качество образования и их благосостояние.

Для правовых государств характерен принцип постоянства государственной службы. Если служащий действует в рамках закона, он не может быть уволен. В административных государствах не действует принцип законности. Судьба служащего полностью зависит от воли начальства. Это связано с неопределенностью требований к государственному служащему. Последний живет в состоянии постоянного риска быть уволенным, если он не нравится начальнику. Рискованной становится сама деятельность, соответствующая закону, поскольку она может не понравиться начальству. С приходом нового начальника обычно меняется весь высший аппарат органа власти. Потеря патрона создает риск потери должности всей его клиентелы.

В условиях, когда правящая группа (правитель) вынуждена идти на уступки гражданскому обществу, она направляет своим подчиненным противоречивые послания: требует заботиться о людях, не фальсифицировать итогов голосования, не брать взятки. Подчиненные не всегда понимают, говорятся ли эти слова для создания позитивного имиджа правителя или он действительно намерен организовать кампанию, направленную на реализацию норм закона. Чиновники могут становиться группой риска в том случае, если от них требуют совершения тех или иных нарушений закона, но с условием, чтобы они не попадались на этом. Не сумел скрыть нарушение закона – неси ответственность. Начальник за тебя не заступится.

В переходный период государства декларируют свободу слова, свободу массовой информации (ст. 29, 44 Конституции РФ, ст. 29 Конституции Узбекистана 1992 г.), свободу преподавания (ст. 44 Конституции РФ). Однако использование этих свобод в условиях фактически авторитарного режима несет в себе риск. Журналиста могут привлечь к ответственности за оскорбление чиновника, за клевету или за экстремизм. Его могут избить (О. Кашин), сжечь его машину, а то и лишить жизни (А. Политковская). У преподавателя, критически относящегося к существующей власти, могут быть неприятности по месту работы. Во избежание риска осторожные журналисты отказываются выполнять свой долг. Даже при отсутствии цензуры они «включают внутренний редактор» и сообщают населению только ту информацию, которая не будет вызывать нареканий у начальства. В стране исчезает такой жанр журналистики, как журналистское расследование. Преподаватели в условиях риска превращаются в апологетов существующей правящей группы. С отказом от критического подхода общественная наука исчезает. Она превращается в рупор государственной пропаганды.

Итак, правовые системы переходного периода порождают специфические риски, которые необходимо изучать теоретикам государства и права.

Литература

1. Алленова О., Гаджиев М. Кандидатам в президенты Белоруссии намечают срок // Коммерсантъ. – 2010. – 16 декабря.
2. Аминов Х., Киселева Е. «Интеко» отделилось // Коммерсантъ. – 2010. – 23 декабря.
3. Арабская весна // Википедия — свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D0%B0%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%B5%D1%81%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 11.06.2018).
4. Баумгертнер, Владислав Артурович // Википедия — свободная энциклопедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D1%83%D0%BC%D0%B3%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%80_%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2_%D0%90%D1%80%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 07.06.2018).
5. Белов С. Коррупционная сотня // Российская газета. – 2008. – 2 июня.
6. Белых А. Михаил Фридман исполнит американскую мечту // Коммерсантъ. – 2011. – 22 декабря.
7. Беседа с экспертами о событиях в Туркмении. – URL: <http://www.svoboda.org/a/368851.html> (дата обращения: 05.04.2017).
8. Боярский А. и др. Война до последнего ларька // Коммерсантъ-Деньги. – 2010. – № 45.
9. Бывшего губернатора Сахалина Александра Хорошавина посадили на 13 лет. Главное // Meduza. – 2018. – 9 февраля. – URL: <https://meduza.io/feature/2018/02/09/byvshego-gubernatora-sahalina-aleksandr-horoshavina-posadili-na-13-let-glavnoe> (дата обращения: 06.06.2018).
10. Воронов А. Ларьки снесут вместе с документами // Коммерсантъ. – 2015. – 9 декабря.
11. В чем суть дела Евтушенкова // Политическое образование: информационно-аналитический журнал. – URL: <http://lawinrussia.ru/> (дата обращения: 04.06.2018).
12. Государство и бизнес: рецепты ускорения // Путеводитель российского бизнеса. – 2015. – № 4. – С. 12.
13. Граник И. Взятки не сглаживаются // Коммерсантъ. – 2010. – 16 ноября.
14. Дело Сердюкова // LiveJournal. – URL: <https://alienado1.livejournal.com/644764.html> (дата обращения: 06.06.2018).
15. Денисов С. А. Административизация правовой системы. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2005. – 544 с.
16. Денисов С. А. Конституционны ли решения Конституционного Суда РФ? // Вестник Гуманитарного университета. – 2013. – № 2 (2). – С. 64–72
17. Денисов С. А. Реальное государственное право современной России : монография : в 3 т. – Т. 3. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 524 с.
18. Денисов С. А. Роль конституционного суда в механизме административного государства // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 3 (18). – С. 60–70.
19. Жильцов С. Запад дожимает Украину // Независимая газета. – 2018. – 28 мая.
20. Зять не взять. Родственник Анатолия Сердюкова вышел из дела неосужденным // Ruscompromat. – 2016. – 24 октября. – URL: http://rcompromat.com/articles/zyat_ne_vzyat (дата обращения: 06.06.2018).
21. Как рассыпалось дело Евтушенкова: цепочка событий. Один из самых богатых людей России пожертвовал «Башнефтью» ради свободы // Meduza. – 2016. – 14 января. – URL: <https://meduza.io/feature/2016/01/14/kak-rassypalos-delo-evtushenkova-tsepochka-sobytiy> (дата обращения: 04.06.2018).
22. Карабеков К., Сысоев Г. Киргизия выносит себе приговор // Коммерсантъ. – 2010. – 18 ноября.
23. Лесовских И. Борец с наркотиками попался на героине // Коммерсантъ-Урал. – 2015. – 4 сентября.
24. Лукашук А. Грядущее вчера: почему это происходит в Беларуси // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 1998. – № 4 (25) ; 1999. – № 1 (26).

25. Мурси, Мухаммед // Википедия — свободная энциклопедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D1%80%D1%81%D0%B8_%D0%9C%D1%83%D1%85%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D0%B4 (дата обращения: 07.06.2018).
26. Орозалиев Б., Сборов А. Опять секир-Бишкек // Коммерсантъ-Власть. — 2010. — 12 апреля.
27. Перцев А. Покорный глава // Коммерсантъ. — 2015. — 1 октября.
28. Дятлов Ю. А. Правореализующий риск : проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Владимир, 2006. — 189 с. — URL: <http://www.dslib.net/teoriaprava/pravorealizujuwij-risk-problemy-teorii-i-praktiki.html> (дата обращения: 03.06.2108).
29. Приход национал-социалистов к власти в Германии // Википедия — свободная энциклопедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%B4_%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB-%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2_%D0%BA_%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8 (дата обращения: 07.06.2018).
30. Рокс Ю. Арест Никола Пашиняна не остановил протестов в Ереване // Независимая газета. — 2018. — 23 апреля.
31. Рокс Ю. Серж Саргсян не выдержал натиска оппозиции // Независимая газета. — 2018. — 24 апреля.
32. Рокс Ю., Газазян А. Армянская революция продолжается // Независимая газета. — 2018. — 27 апреля.
33. Рубникович О. Борцов с коррупцией записывают в оргпреступность // Коммерсантъ. — 2014. — 28 марта.
34. Санкция конечная. Выходим // Российская газета. — 2014. — 31 июля.
35. Сергеев Н., Соковнин А. Генералы-поручители // Коммерсантъ. — 2014. — 11 июня.
36. Сергеев Н., Туманов Г. Бориса Немцова застрелили в нерабочее время // Коммерсантъ. — 2015. — 11 марта.
37. Слетал за всех. В Белоруссии арестовали главу «Уралкалия» // Lenta.ru. — 2013. — 27 августа. — URL: <https://lenta.ru/articles/2013/08/27/uralkalij/> (дата обращения: 07.06.2018).
38. Трутнев О. Александр Лукашенко вскипятил молоко // Коммерсантъ. — 2011. — 4 февраля.
39. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2009. — № 20. — Ст. 2444.
40. Яницкий О. Н. Риск в современном обществе. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. — 2004. — № 2. — С. 5–15. — URL: <http://ecsocman.hse.ru/ons/msg/157155.html> (дата обращения: 08.06.2018).

Sergey Alekseevich Denisov,

Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. at Human Rights Chair,
Legal Department of Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

Risks in Transitional Legal Systems

During the transition from one legal system to another, the state adopts particular rules of law, but completely different ones guide its factual activities. A contradictory system of law is emerging. During this period, many vague rules are issued. Law fails to protect against economic and political risks. Threats to citizens come from the state itself. The fate of this state is far from being predictable during the transition period. It can collapse at any moment.

Keywords: risks; transitional legal systems; inconsistency of law; risks in the economy; risks in politics; threats from the state.

Проекты судебных решений: облегчение работы или искушение?

Автор рассматривает практику представления проектов судебных решений в арбитражных судах, доказывает, что представление проекта судебного решения является нарушением запрета на общение с судом.

Ключевые слова: должная процедура; состязательность; внепроцессуальное общение; тайна совещательной комнаты.

В арбитражных судах, которые ранее других судов приобщились к электронному документообороту, представление проектов судебных решений было «легитимировано» ВАС РФ. В п. 9.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной, кассационной инстанций)», было закреплено, что «проект/проекты судебных актов могут быть представлены лицами, участвующими в деле. Указанные проекты могут быть поданы в суд с соответствующим ходатайством, в том числе и в электронном виде по системе электронной подачи документов, и приобщаются к материалам судебного дела. Проекты судебного акта могут быть подготовлены на любой стадии рассмотрения дела. Суд вправе использовать указанные проекты как в целом, так и в части».

В результате некоторые судьи стали включать в текст определения о принятии к рассмотрению искового заявления или жалобы предложения лицам, участвующим в деле, представить проект судебного акта.

Безусловно, хорошо написанный проект может быть подспорьем для написания описательной части судебного акта, но в описательной части также должны быть отражены результаты судебного разбирательства. При этом в судебном акте, в любом случае, мотивировочная часть должна быть написана именно судом.

Отступление от этого правила привело к новому виду злоупотреблений правом – «установлению факта, не входящего в предмет доказывания (особенно используя возможности подготовки проектов судебных актов), тогда как в действительности такой факт не был установлен судом и критически не оценивался» [1, с. 216–235], то есть суд используют для создания преюдиции для другого дела. Существование такого рода злоупотреблений, безусловно, подрывает доверие к суду. В условиях, когда в обществе сложилось достаточно критичное отношение к судам, трудно доказать общественности, что судья допустил такое злоупотребление лишь ввиду небрежного отношения к отправлению правосудия, а не вследствие коррупционных действий другой стороны. Конечно, такие явления несовместимы с принципами справедливого судебного разбирательства и не являются правосудными.

Мы также наблюдаем, что иногда положение Инструкции используют для оправдания создания судебного акта путем копипаста отзыва одной из сторон. Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2018 г. № 09АП-39582/18 в качестве доводов для отклонения жалобы, указывающей на копирование отзыва одной из сторон и нерассмотрение выводов другой стороны, было указано следующее: «Арбитражный суд первой инстанции с учетом результата разрешения спора использовал письменную позицию административного ор-

* Айдар Рустэмович Султанов, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования (г. Нижнекамск).

гана при изготовлении судебного акта, признав изложенные в ней доводы соответствующими фактическим обстоятельствам, со ссылкой на имеющиеся в деле доказательства; мотивированными относящимися к предмету спора нормами законодательства и разъяснениями по их применению.

Суд первой инстанции дал надлежащую оценку представленным доказательствам, правильно разрешил спор. Копирование осуществлялось судом в целях процессуальной экономии, с учетом существенной нагрузки на судей и аппарат суда. *Более того, согласно пункту 9.2 Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утвержденной Постановлением Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100, лица, участвующие в деле, могут представлять суду проект/проекты судебных актов, а суд вправе использовать указанные проекты как в целом, так и в части».*

В данном Постановлении нас более всего удивил способ отклонения доводов об отсутствии выводов по представленным доказательствам другой стороной: «Доводы апелляционной жалобы о том, что при принятии обжалуемого судебного акта суд не принял во внимание все доводы подателя жалобы, не принимаются апелляционной коллегией, поскольку суд, рассматривая дело, дает оценку всем доказательствам в соответствии со статьей 71 АПК РФ. *Отсутствие в мотивировочной части судебного акта выводов, касающихся оценки каждого представленного в материалы дела доказательства, не свидетельствует о том, что оно не оценивалось судом».*

По всей видимости, такие плоды мы будем еще долго пожинать, если будем оправдывать судебные акты, созданные путем копипаста.

Появились также случаи, когда проекты судебных актов стали представляться в период после оглашения резолютивной части судебного акта и изготовления судебного акта в полном объеме.

В частности, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 28.12.2016 по делу № А40-99229/2011 была рассмотрена аналогичная ситуация: «Ходатайство заявителя кассационной жалобы, поступившее в Арбитражный суд Московского округа 22 декабря 2016 года, о приобщении к материалам дела проекта судебного акта Арбитражного суда Московского округа по данному обособленному спору удовлетворению не подлежит. Учитывая разъяснения, изложенные в пункте 9.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.13 № 100 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной, кассационной инстанций)», суд кассационной инстанции признал не соотносимым представленный ООО «Актив инвест» Д.У. ЗПИКФ «Кредитные ресурсы» проект постановления с доводами его кассационной жалобы, в связи с чем использование данного проекта не представляется возможным. Более того, ходатайство подано с нарушением положений пункта 9.2 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.13. № 100 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в арбитражных судах РФ (первой, апелляционной, кассационной инстанций)», в соответствии с которыми проекты судебного акта могут быть подготовлены на любой стадии рассмотрения дела. Стадии рассмотрения обособленного спора в суде кассационной инстанции, в соответствии с главой 19 АПК РФ, были пройдены и завершены 21.12.2016, при этом ООО «Актив инвест» Д.У. ЗПИКФ «Кредитные ресурсы» не было заявлено ходатайства о приобщении к материалам дела проекта судебного акта Арбитражного суда Московского округа по данному обособленному спору. Указанное ходатайство поступило в Арбитражный суд Московского округа 22.12.2016, после рассмотрения дела (кассационной жалобы) по существу».

На наш взгляд, ходатайство о приобщении к материалам дела проекта судебного акта и использовании проекта при изготовлении текста решения не должно рассматриваться и оцениваться, а подлежит возврату, что будет повышать доверие к суду и закону, то есть, тем самым, будет достигаться выполнение задач судопроизводства в арбитражных судах [4, с. 107].

Подача какого-либо ходатайства после окончания процесса рассмотрения дела АПК РФ не предусмотрена и представляет собой внепроцессуальное общение. Само по себе это является грубейшим нарушением принципа «правосудие не только должно совершаться, но и должно быть видно, что оно совершается» (см. Постановление Европейского суда по делу «Де Куббер против Бельгии» (*De Cubber v. Belgium*) от 26 октября 1984 г., жалоба № 9186/80, § 26).

В силу положений пункта 1 статьи 10 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации», устанавливающих, что всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону, не допускается внепроцессуальное обращение к судье по делу, находящемуся в его производстве, либо к председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда (абзац первый); под внепроцессуальным обращением понимается поступившее судье по делу, находящемуся в его производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда... обращение в не предусмотренной процессуальным законодательством форме участников судебного разбирательства.

Подача любых ходатайств после окончания рассмотрения дела, рассмотрение и удовлетворение ходатайства без заслушивания мнений других лиц, участвующих в деле, АПК РФ не предусмотрены, поскольку это нарушало бы принцип состязательности (статья 9 АПК РФ, статья 123 Конституции РФ), права лиц, участвующих в деле, которые имеют право знакомиться с материалами дела, представлять доказательства и знакомиться с доказательствами, представленными другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного разбирательства (статья 41 АПК РФ), а также требования статьи 159 АПК РФ, установившей порядок разрешения арбитражным судом заявлений и ходатайств лиц, участвующих в деле, и допускающей их разрешение только после заслушивания мнений других лиц, участвующих в деле.

Инструкция по делопроизводству в арбитражных судах допускает представление проектов судебных актов *на любой стадии рассмотрения дела*, а не после рассмотрения дела.

Принятие такого ходатайства и использование проекта судебного акта после окончания судебного разбирательства были бы грубым нарушением правила о тайне совещания судей при принятии решения, которая включает в себя комплекс гарантий, призванных исключить влияние на содержание судебного решения. К таким гарантиям согласно ст. 167 АПК РФ относится не только запрет разглашения судьей сведений о содержании обсуждения при принятии судебного акта, о позиции отдельных судей, входивших в состав суда, но и запрет на общение с лицами, входящими в состав суда.

Последний запрет на внепроцессуальные обращения распространяется, в том числе, и на этап изготовления решения в полном объеме, которое может быть отложено на срок, не превышающий пяти дней. При этом датой принятия решения считается дата изготовления решения в полном объеме, а не оглашения только резолютивной части решения (ст. 176 АПК РФ). Это обусловлено тем, что значение судебного решения не исчерпывается его резолютивной частью – выводами суда об удовлетворении или отказе в удовлетворении полностью или в части каж-

дого из заявленных требований. Сама по себе резолютивная часть не может рассматриваться в значении судебного акта и не имеет самостоятельного значения для прав и обязанностей участников спора. Описательная, мотивировочная и резолютивная части судебного акта составляют неразрывное нормативное единство, а каждая из них в отдельности не порождает юридических последствий. Юридические последствия для лиц, участвующих в деле, влечет содержание мотивировочной части судебного решения, в которой отражаются итоги мыслительной деятельности судьи, сформировавшиеся на основании доказательственной деятельности других участников процесса. В отношении фактических и иных обстоятельств дела, установленных арбитражным судом в мотивировочной части судебного решения, процессуальным законодательством предусмотрена преюдиция: такие обстоятельства не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица (ч. 2 ст. 69 АПК РФ). Кроме того, именно мотивировочная часть в дальнейшем становится предметом исследования и оценки деятельности суда первой инстанции в апелляции, кассации и надзоре.

Такое значение мотивировочной части судебного решения обуславливает заинтересованность сторон во включении наиболее благоприятных и выгодных для стороны положений, а значит, не исключена возможность давления со стороны заинтересованного лица на судью в период изготовления им мотивировочной части решения, в том числе путем внепроцессуальных обращений, содержащих письменные или устные доводы в пользу включения той или иной информации в текст судебного акта.

В целях исключения внешнего воздействия на судью, обеспечения законности и беспристрастности правосудия запрет на внепроцессуальные обращения, призванный устранить возможность оказания прямого или косвенного давления на судей, не имеет каких-либо временных рамок, и его действие не ограничивается отдельными стадиями процесса. Указанный запрет действует до окончания судопроизводства, а именно до момента изготовления решения в полном объеме.

Обязательность создания условий, обеспечивающих тайну совещания судей, призвана гарантировать соблюдение принципа независимости судей и подчинения их только Конституции РФ и федеральному закону (ст. 5 АПК РФ). Действие указанных принципов в течение всего процесса, а не на отдельных его этапах предопределяет содержание положения о тайне совещания судей, которое не исчерпывается запретом доступа в помещение, в котором принимается решение, а включает в себя запрет на любое воздействие на суд. Гарантии невмешательства в деятельность судьи действуют, в том числе, на этапе изготовления мотивировочной части судебного решения, поскольку на ее содержание также не должны оказывать влияние не входящие в состав суда лица путем внепроцессуальных обращений, ходатайств и просьб.

Принцип состязательности запрещает любое внепроцессуальное общение, которое не только запрещено, но и нарушает принцип «равенства оружия», который, согласно правовым позициям ЕСПЧ, является элементом права на справедливый суд. Требования надлежащей правовой процедуры в настоящее время могут быть вполне обоснованно названы общепризнанными принципами международного права в области справедливого правосудия [3, с. 64].

Полагаем, что соблюдение принципа состязательности, заключающееся в возврате ходатайства после окончания рассмотрения дела и не приобщении к материалам дела и не использовании проекта судебного акта без того, чтобы дать другой стороне высказать свою точку зрения, является также средством самозащиты суда от злоупотребления правом и исключения «использования суда».

Бангалорские принципы поведения судей требуют от судьи осуществлять свою судебную функцию независимо, исходя исключительно из оценки фактов, в соответствии с сознательным пониманием права, независимо от любого постороннего воздействия, побуждений, давлений, угроз или вмешательства, прямого или косвенного, осуществляемого с любой стороны и преследующего любые цели¹.

В Комментарий к Бангалорским принципам поведения судей² подчеркивается, что принцип абсолютного запрета на общение *ex parte* (в отсутствие одной из сторон) по каким-либо конкретным делам должен строго соблюдаться. Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.), также предусматривает обязанность судьи проинформировать лиц, участвующих в деле, о любых устных либо письменных обращениях непроцессуального характера, поступивших к нему в связи с рассмотрением конкретного дела (ст. 8).

Процессуальные правила ряда стран допускают представление проектов судебных решений, но полагаем важным отметить, что в отличие от России в этих странах существует запрет на ложь суду [5]. Ложь суду карается в уголовном порядке. В правила профессиональной ответственности заложена идея, что юрист, помимо того что он обязан всеми силами помогать клиенту, является еще и «должностным лицом суда» (*officer of the court*), который обязан заботиться о надлежащем отправлении правосудия. Согласно этим правилам, юристы вообще никогда не должны лгать, запрет включает не только прямую ложь, но и любую попытку ввести суд в заблуждение [2]. Кроме того, принцип состязательности защищает суд от возможности принятия судебного акта, основанного на принятии проекта судебного решения, содержащего недостоверные данные.

Так, в Англии в соответствии с правилом 40.3 [6] Свода процессуальных правил (*Civil Procedure Rules*) судебный акт по общему правилу пишется судом, однако суд вправе поручить (или предложить) написание проекта судебного акта одной из сторон. Проект должен быть представлен суду в течение 7 дней, копия его отправлена противной стороне. Если сторона с этим не справляется, аналогичное право появляется у ее оппонента. У суда также есть право потребовать от сторон представления совместного заявления, содержащего определенный набор согласованных условий [6]. В *Practice Direction 40B* разъясняется процесс обмена копиями проекта судебного акта между сторонами и судом, прежде чем на окончательной версии будет поставлена печать [7].

Таким образом, в Англии суд может доверить подготовку юристу, практикующему в суде, как должностному лицу суда, ожидая, что тот не будет пытаться ввести в заблуждение суд, и такой проект обязательно направляется другой стороне.

Полагаем, что только при таких жестких гарантиях, как уголовное преследование и запрет на профессию для представителей в суде и безусловное соблюдение принципа состязательности, российский законодатель может закрепить возможность представления проектов судебных решений лицами, участвующими в деле. В настоящий же момент мы наблюдаем, что положение Инструкции о делопроизводстве стало использоваться не на благо, а во вред правосудию.

¹ Предложены Резолюцией Экономического и Социального Совета ООН от 27 июля 2006 г. № 2006/23 «Укрепление основных принципов поведения судей». Бангалорские принципы поведения судей представляют собой дальнейшее развитие Основных принципов независимости судебных органов, одобренных Генеральной Ассамблеей в ее резолюциях 40/32 и 40/146, и дополняют эти принципы.

² Подготовлено Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности.

Литература

1. Бенедская О. А. Преюдиция в арбитражных и третейских судах: теоретические и прикладные проблемы в свете запрета злоупотребления процессуальными правами // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 4. – С. 216–235.
2. Будылин С. Ложь в суде: Англия и Америка. Тезисы к круглому столу «М-Логос» (декабрь 2016 г.). – URL: https://m-logos.ru/img/Tezis_Budilin_M-Logos_20122016.pdf (дата обращения: 25.09.2020).
3. Султанов А. Р. Должная правовая процедура и правовые стандарты Европейского суда по правам человека // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (2). – С. 62–65.
4. Султанов А. Р. Манипуляции с подсудностью // Закон. – 2008. – № 9. – С. 103–119.
5. Султанов А. Р. Последствия лжи в процессе и материальном праве // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9, № 5. – С. 230–262.
6. Part 40 – Judgments, Orders, Sale of Land etc. // Justice.gov.uk. – URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part40#40.3> (дата обращения: 25.09.2020).
7. Practice direction 40b – Judgments and Orders. This Practice Direction supplements CPR Part 40 // Justice.gov.uk. – URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part40/pd_part40b (дата обращения: 25.09.2020).

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of Legal Division of Nizhnekamskneftekhim,
member of Association for Better Living
and Education (ABLE) (Nizhnekamsk)

Judgment Drafting: The Work Facilitation or Temptation?

The author examines the practice of presenting draft court decisions in courts of arbitration. He also proves that the submission of a draft judgment is a violation of the ban on communication with the court.

Keywords: due procedure; competition; extra-procedural communication; confidentiality of the deliberation room.

|| ФИЛОСОФИЯ

Э. Кассирер и К. Г. Юнг о роли символов в культуре: сходство и различие философско-антропологического и психоаналитического подходов

Статья посвящена рассмотрению актуального вопроса о роли символов в культуротворческой деятельности и сохранении душевного и физического здоровья человека. Цель исследования: показать сходство и различие философско-антропологического и психоаналитического понимания этих проблем. Методы исследования: метод системного анализа, герменевтический и сравнительно-исторический.

Ключевые слова: культурные символы; магия; медицинские символы; мифология; символы здоровья; философия символических форм.

Рассмотрение вопроса о роли символов культуры связано с важнейшей темой философской антропологии – пониманием природы человека. Видные представители философской антропологии, высказывая мысль о биологической незавершенности, недостаточности человека, утверждали, что выходом из этой ситуации становится создание мира культуры. В статье, посвященной природе человека, Л. А. Мясникова, раскрывая идеи классиков философской антропологии, пишет: «Действительно, в биологическом отношении люди – “меньше, чем животное”. Человек – существо “недостаточное”, “биологически неоснащенное”, характеризующееся “неспециализированностью органов”, отсутствием “инстинктивных фильтров”, защищающих от опасностей, от напора внешней среды. Животное всегда живет в той или иной среде – “вырезке из природы”, – как у себя дома, оснащенное изначальным “знанием-инстинктом”: это – враг, это – пища, это – опасность, это – не имеет значения для твоей жизни, и соответственно действует. У человека же нет изначальной видовой “мерки поведения”, нет своей среды, он всюду бездомен...

В итоге и появляется особое место – мир культуры – ценностная, предметно-символическая реальность, которая сотворена человеком и, в свою очередь, сама творит его. Культура становится мерой человеческого в человеке. Культура, с одной стороны, ограничивает человека, замыкает его на себя, делает “существом символическим” (Э. Кассирер). Человек уже не может непосредственно относиться к миру, он опосредован культурой (прежде всего – языком, схемами мышления и действия, системой норм-ценностей)...

С другой же стороны, благодаря “культурному фактору” в человеке (А. Гелен) индивид способен подниматься на уровень достижений рода человеческого, присваивать себе свою родовую сущность (Гегель, Фейербах, Маркс и др.). Более того, человек – принципиально мирооткрытое существо. Он занимает “эксцентричную позицию” (Х. Плеснер), т. е. переносит свой центр вне себя и тем самым постоянно раздвигает свои пределы, разворачивает свой Мир до Универсума, Абсолюта, через свое индивидуальное самобытие “высвечивает” “бытие-вообще” (М. Хайдеггер), выходит в непостижимое (С. Л. Франк), в сферу трансцендентного. Оказывается, что человек – единственное существо, способное встать “над собой” и “над миром” (М. Шелер), т. е. занять позицию Бога, стать “ключом к универсуму” (П. Тейяр де Шарден)» [3].

* Елена Валентиновна Белоусова, канд. культурологии, доцент кафедры философии, биотехники и культурологии, Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург).
E-mail: elena-valentinovna@mail.ru

Представитель марбургской школы неокантианства Эрнст Кассирер (1874–1945) разработал философскую дисциплину, которую, следуя Канту, он назвал философской антропологией. В трехтомном труде «Философия символических форм» (*Philosophie der symbolischen Formen*, 1923–1929) Кассирер рассмотрел функции выражения, представления и значения форм культуры как историю «символических форм», сквозь магический кристалл которых человек обретает понимание самого себя и окружающего мира. В понимании Кассирера символ – это яркое обобщение широкого класса культурных явлений, таких как язык, миф, религия, искусство и наука, посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос. Человек ограничен миром культуры, он живет в кругу «символической вселенной». Сам человек определяется им как «животное, создающее символы». «Великие мыслители, которые определяли человека как *animal rationale*, не были эмпириками, они и не пытались дать эмпирическую картину человеческой природы. Таким определением они скорее выражали основной моральный императив. Разум – очень неадекватный термин для всеохватывающего обозначения форм человеческой культурной жизни во всем ее богатстве и разнообразии. Но все эти формы суть символические формы. Вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как *animal symbolicum*» [1, с. 472].

Второй том «Философии символических форм» посвящен мифологическому мышлению. Рассматривая возможность «философии мифологии», Э. Кассирер отмечает невозможность чисто содержательно свести порождения мифологического сознания в некое единство и вывести их из него генетически, как из общего корня. «Если анимизм, который после основополагающего труда Тайлора долго доминировал во всей области изучения мифологии, указывал в качестве такого корня на примитивные представления о душе, то сегодня и это объяснение уже не может претендовать на абсолютную и универсальную значимость. Всё более определенно проступают черты первичного мифологического воззрения, не знающего ни явно выраженного понятия бога, ни явно выраженного понятия души или личности, но исходящего из совершенно недифференцированного представления о магическом действии, о заключенной в вещах субстанции волшебной силы» [2, с. 228].

Волшебная сила, «мана», является посредником между магом и миром, она является субстанциональной силой, не привязана к конкретному человеку, а может свободно перемещаться от предмета к предмету. Мана – это акцент, который мифомагическое сознание придает предметам, состояние «охваченности», возбужденности этим предметом. Кассирер считает, что анимистическая теория Тайлора, пытающаяся вывести по сути всё содержание мифа из одного источника, *переживаемого* во сне, усматривающая происхождение мифа в «смешении» пережитого во сне с пережитым наяву, остается в этой форме односторонней и недостаточной.

Рассматривая миф как форму жизни, как символическую форму, Кассирер утверждает: «Решающая роль всякой символической формы как раз в том и заключается, что она не *застает* границу между Я и действительностью как нечто заранее и раз и навсегда определенное, а сама только эту форму и *устанавливает* – и каждая из основных форм устанавливает ее *иначе*. Уже эти общие систематические соображения заставляют нас предполагать, что миф столь же мало начинается с готового понятия Я или души, сколь и с готовой картины объективного бытия и событий, но что он должен сначала постичь и то и другое, сформировать их из себя самого» [2, с. 168].

В противовес анимистической концепции Э. Б. Тайлора Э. Кассирер утверждает, что понятие души может считаться не началом, а завершением мифологи-

ческого мышления. Не непосредственно, а лишь постепенно и различными обходными путями из мифологической категории «души» вырастает новая категория Я, идея «персоны» и персонального, личности. В этом процессе на низших ступенях мифа мы встречаемся с магией.

«Магическое» мирозерцание, по мнению Кассирера, представляет собой низшую ступень мифологического мышления. Кассирер, в соответствии с традицией, начало которой положил У. Робертсон-Смит, считает, что ритуал предшествует «догме» мифа. «Разумеется, данный процесс представляет собой отнюдь не только процесс рефлексии – речь идет не о результате, получаемом путем чистого созерцания. Не простое созерцание, а действие составляет истинный центр, и именно отсюда для человека начинается духовная организация действительности. Именно здесь складывается разделение сфер объективного и субъективного, мира Я и мира вещей. Соответственно и мифологический мир представлений обнаруживается как раз в своих первых и наиболее непосредственных формах в самой тесной связи с миром воздействия. Здесь кроется сердцевина магического взгляда на мир, полностью пропитанного этой атмосферой воздействия, взгляда, самого по себе являющегося не чем иным, как переложением, перелицовкой мира субъективных аффектов и инстинктов в чувственно-объективное наличное бытие. Первая сила, опираясь на которую человек противопоставляет себя вещам в качестве чего-то самостоятельного, – это сила желания» [2, с. 169].

Кассирер ссылается на З. Фрейда, говоря о таких характеристиках магического мирозерцания, как всемогущество мысли и всемогущество желания. Соответственно Кассирер определяет: «По своей основной форме магия – не что иное, как примитивная “техника” исполнения желаний» [2, с. 232]. Хотя анализ магии для Кассирера не является главной задачей, а служит общему исследованию мифа, его ценность несомненна. Философский анализ магии позволяет представить ее как целостное мирозерцание, исторически первую форму мифа, а значит, первую в культуре символическую форму. В этой символической форме желание предшествует представлению, действие предшествует мысли.

С. А. Панин, задавая вопрос: «Могут ли идеи Кассирера быть использованы современными исследователями и углубляют ли они наше понимание магии как особой области культуры?», обращает внимание на аспект, который состоит в самой его идее «философии символических форм» и восприятии магии в качестве практики, формирующей символическую реальность культуры. Если мага представлять как «художника», «рисовальщика символов» (В. В. Винокуров), то в таком случае «магия представляет собой способ реализации человеческого в человеке, инструмент формирования культуры. Символ при этом выступает не только в качестве опосредующего звена между человеком и внешним миром, но также в качестве средства “сжатия” информации, позволяющего в лаконичной форме выражать сложные концепции и передавать значительные объемы информации... цель магии, в действительности, состоит не только и не столько в достижении каких-то сугубо практических целей, сколько в сохранении культурного наследия, в структурировании мира и придании ему осмысленности, наконец в фиксации того нового, что культура узнает о мире. Поэтому не приходится удивляться, что древнейшие системы письменности, такие как египетские иероглифы, наделялись магическим смыслом, отголоски чего видны, например, в эзотерических интерпретациях иврита, характерных для иудейской мистики» [4, с. 363].

Подобное отношение можно увидеть в отношении китайского иероглифа «Здоровье», возникшего, возможно, более 2,5 тысячи лет тому назад. Фен-шуй полагает, что этот знак несет в себе энергию, способную уберечь от болезней, вылечить тех, кто болен, подарить хорошее самочувствие всем членам семьи. Изображается этот иероглиф на свитках, открытках и даже на мебели и стенах ком-

нат. Его наносят и на предметы, которые дарят своим близким, желая им активной жизни без болезней. Размещают в центре багуа, усилить его действие можно фарфоровыми статуэтками, кувшинами из глины. Самое главное, чтобы этот иероглиф был написан правильно, потому что неверное изображение, одна лишняя или небрежно нарисованная черточка могут совершенно изменить его значение.

Китайский иероглиф «здоровье» состоит из двух знаков. Его транскрипция пиньинь – *jiànkāng*.

健康

Рис. Китайский иероглиф «здоровье»

Сам иероглиф можно разделить на две части. Первая составляющая обозначает здоровье, выносливость и бодрость духа, вторая переводится как «сила и изобилие». Именно поэтому его изображение часто дарят знакомым и родным, чтобы приободрить, придать сил и выразить наилучшие пожелания.

О защитной роли символов культуры в человеческой психике неоднократно говорил Карл Густав Юнг (1875–1961). В работе «К вопросу о подсознании. Значение символов» он писал о том, что по мере развития наук наш мир становится всё менее человеческим. «Очищение» реальности от волшебных символов не означает «очищения» души современного человека. «Мы перестали верить в магические заклинания, почти не осталось табу и подобных им запретов – словом, весь наш мир будто иммунизирован от вирусов суеверия, от ведьм, вурдалаков, леших, не говоря уже об оборотнях, вампирах, лесных душах и прочей нечисти, населявшей первобытные леса. Если выражаться точнее, то можно сказать, что окружающий нас мир будто очистили от всего иррационального и суеверного. Однако очищен ли подобным же образом от дикости наш внутренний мир (реальный, а не тот, что мы выдумываем, выдавая желаемое за действительное) – это еще вопрос» [6, с. 100]. Он полагал, что нашим сновидениям присуща функция генерации символов, восстановления нашего душевного равновесия. Подсознание сохранило первобытные черты, характерные для изначального разума. Именно на эти черты опираются символы сновидений.

А. М. Руткевич в предисловии к сборнику «Архетип и символ» замечает, что «обращение Юнга к мифологии, религии, искусству не было прихотью. Одним из первых Юнг приходит к мысли о том, что для понимания человеческой личности – здоровой или больной – необходимо выйти за пределы формул естествознания. Не только медицинские учебники, но и вся история человеческой культуры должна стать открытой книгой для психиатра. К биохимическим и физиологическим нарушениям можно отнести лишь незначительную часть психических заболеваний. Болеет личность, которую, в отличие от организма, можно понять лишь через рассмотрение ее социально-культурного окружения, сформировавшего ценности, вкусы, идеалы, установки. Индивидуальная история вливается в жизнь того или иного сообщества, а затем и всего человечества» [5, с. 17]. Понимая это, Юнг был против сведения всех затруднений взрослого человека к его ранней предыстории, детству, решительно разойдясь в этом вопросе с З. Фрейдом.

Говоря о роли символов, Юнг отмечает, что когда психотерапевт обнаруживает интерес к символам, то прежде всего интересуется “естественными” символами, в отличие от символов “культурных”. Тем не менее такие культурные символы сохраняют в себе еще много от своей первоначальной нуминозности (сакральности, божественности) или “колдовского” начала. Нуминозность символов – это

их способность вызывать живой эмоциональный отклик, “пленять, впечатлять, озарять и вдохновлять”. Известно, что они могут вызывать глубокий эмоциональный резонанс у некоторых людей, и такой психический заряд заставляет их действовать во многом тем же самым образом, как и в случае суеверий или предрассудков. Они относятся к тем же факторам, с которыми вынужден считаться психолог, и было бы глупо игнорировать их лишь потому, что в рациональных понятиях они выглядят абсурдными и несущественными.

Обратив внимание на тождество содержания сновидений, галлюцинаций, речений «общающихся с духами» медиумов и символов древних религиозно-мифологических учений, Юнг пришел к выводу, что повсюду мы имеем дело с «вечными праформами» – архетипами, или коллективным бессознательным. Коллективное бессознательное есть результат жизни рода и является основанием психической жизни всех людей, в нем как бы отложились наиболее общие характеристики психики, типичные реакции на окружающую среду, установки поведения и мышления.

К. Г. Юнг сравнивал архетипы с системой осей кристалла, которая как своего рода поле задает его форму. В психике «веществом» является внешний и внутренний опыт, соединяющийся с унаследованными формами, или архетипами. В чистом виде архетип не входит в сознание, ибо в любом представлении материя и форма синкретичны. Ближе всего к самим архетипам стоит опыт видений мистиков, бреда психотиков, сновидений – сознательная переработка здесь минимальна, но даже спутанные, воспринимаемые как нечто странное, чуждое, страшное, непонятное образы суть образы сознания – человек обречен на сознание. В мифологии, сказках, мировых религиях, тайных учениях вроде гностицизма или алхимии, искусстве происходит шлифовка образов, превращающихся в прекрасные и общезначимые символы. «У человечества никогда не было недостатка в могущественных образах, которые были магической защитной стеной против жуткой жизненности, таящейся в глубинах души. Бессознательные формы всегда получали выражение в защитных и целительных образах» [9, с. 138]. В истории медицины как особой сферы культуры издавна складывалась своя символика. Например, Карл Юнг считал кадуцей эмблемой гомеопатической медицины – змея обозначает одновременно яд и лечебное снадобье, символизирует борьбу двух начал.

Юнг утверждает, что все стремления человечества направлялись на укрепление сознания. Этой цели служили ритуалы, «representations collectives», догматы; они были плотинами и стенами, воздвигнутыми против опасностей бессознательного, этих perils of the soul. Первобытный ритуал не зря включал в себя изгнание духов, освобождение от чар, предотвращение недобрых предзнаменований, искупление, очищение и аналогичные им, то есть магические, действия [9, с. 142].

Не зря многие мистики, иллюминаты, провидцы близки к безумию – «священный огонь» опасен. Символы предохраняют психику от вторжения архетипов; возникает организованный космос, мир становится упорядоченным и осмысленным, в нем всё стоит на своих местах, имеет цель и смысл. Так человечество существовало на протяжении всей своей истории: менялись мифы и религии, но «космос» сохранялся, люди жили без мучительных сомнений. Символы проецировались на Вселенную: в том числе и собственную душу человек находил в упорядоченном символическом универсуме, идет ли речь о первобытном анимизме или учениях мировых религий.

К. Г. Юнг подчеркивал, что современный человек, увлекаясь теософией, учениями Востока, магией, стремится к покою в период беспокойства, стремится к безопасности в век опасностей. Новые формы существования рождаются в нужде и бедствиях, а не из идеалистических требований или благих пожеланий, писал

философ. Таким образом, символы магии, магические ритуалы продолжают играть свою психотерапевтическую роль в современном обществе и культуре.

Э. Кассирер и К. Г. Юнг являются представителями символической концепции культуры, особенно велико их сходство в интерпретации мифа (и магии) как источника развития культуры. Для Кассирера миф – первая символическая форма культуры, первый шаг в самопознании и самоосвобождении человека. Прогресс человека – это прогресс восходящего символа творчества от простейших жестов до релятивистской механики, замечал Э. Кассирер.

Для Юнга архетип – мифологическая фигура, в которой проявляется свободная, творческая фантазия. Юнг разрабатывает технику активного воображения для лечения пациентов, где воображение представляет собой активное и целенаправленное творчество. Часто на последних стадиях анализа объективация заменяет место снов. Юнг говорил в Тэвистокских лекциях, что, так как активное воображение продуцирует весь материал в сознательной форме, он в данном случае оказывается значительно более оформленным, нежели в сновидениях с их невнятным языком.

Интересно, что в истолковании одного и того же символа – архетипического образа рога они, как кажется, разнонаправлены, но совпадают в мистическом объяснении. Так, К. Г. Юнг считал, что рога являются символом фаллическим и мужественным; будучи полыми, они означают женственность и восприимчивость [8, с. 93]. Интересен анализ сна маленькой девочки: «лютый зверь, змееподобный монстр, усеянный рогами, убивает и пожирает всех других зверей. Но с четырех углов приходит Бог, а в действительности четыре разных божества, и оживляет всех убитых животных» [7, с. 70]. В этом сне образ рога является теневой стороной.

Э. Кассирер считал, что рога символизируют сверхъестественное, божество и силу души. Поэтому рог в Священном Писании является символом силы и власти. М. Скобелев рассмотрел несколько переносных значений слова «рог» в Священном Писании: верхушка горы, выступы жертвенника, лучи, **силы, крепости, царства, владычества**, царя, мессии, именованная Божия – «рог спасения и Заступника» [6, с. 63–66].

Метафора «рог вознесся» встречается не только в Священном Писании, но и в более ранних поэтических текстах Древнего Востока, изображения главных шумеро-аккадских богов Ана и Энлиля символически заменяются или дополняются рогатой тигрицей. Например, в шумерском гимне «Энлиль повсюду», посвященном богу – покровителю Ниппура Энлилю («Владыке ветру», II тыс. до Р. Х.), читаем:

*Как бык, вознес он в Шумере
рога сиянья!
Чужеземные страны перед ним
склонились!
В великих праздниках, в изобилье
дни свои там проводят люди! [6, с. 67].*

Для Кассирера символ – это сознательное, разумное упорядочение мира, для Юнга символ – это единство сознательного и бессознательного, но для обоих символ выступает как опосредующее звено между инстинктами, страстями, эмоциями и желаниями, воображением человека и миром культуры.

Таким образом, философско-антропологический подход Э. Кассирера в понимании символов культуры заложил методологическую основу формирования философии культуры. Кассирер указал на функцию упорядочения хаоса, создания гармоничного космоса культуры как важнейшую роль символической деятельности. Юнг, говоря о защитной роли символов культуры, идет дальше и развивает

мысль о трансформации человека, обретения им подлинной самости. На наш взгляд, их концепции объединяет идея о культуротворческой функции символической деятельности, исторически первой формой которой была магия.

Литература

1. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / пер. Б. Вимер и др. – М. : Гарадрика, 1998. – 779 с.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2 : Мифологическое мышление / пер. с нем. С. А. Ромашко. – М. : СПб. : Университетская книга, 2002. – 279 с.
3. Мясникова Л. А. Природа человека // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. – М., 2004. – С. 550–553. – URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/298/priroda-cheloveka.htm> (дата обращения: 28.10.2020).
4. Панин С. А. Философия Эрнста Кассирера и академическое исследование эзотеризма // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 11. – С. 361–364. – URL: <http://human.snauka.ru/2015/11/12998> (дата обращения: 20.10.2020).
5. Руткевич А. М. Жизнь и воззрения К. Г. Юнга // Юнг К. Г. Архетип и символ / сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. – М. : Ренессанс, 1991. – С. 5–22.
6. Скобелев М. А. Значение слова «рог» в библейской метафоре // Журнал Московской патриархии. – 2008. – № 4. – С. 61–68.
7. Юнг К. Г. К вопросу о подсознании. Значение символов // Человек и его символы / под ред. К. Г. Юнга ; пер. с англ. под ред. В. Зеленского. – СПб. : Б. С. К., 1996. – С. 11–106.
8. Юнг К. Г. Красная книга. – М. : Клуб Касталия, 2011. – 396 с.
9. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. – 1988. – № 1. – С. 133–152.

Elena Valentinovna Belousova,

Cand. Sci. (Culturology), Assoc. Prof. at the Chair
of Philosophy, Bioethics and Culturology,
Ural State Medical University (Yekaterinburg)

E. Cassirer and C. G. Jung on the Role of Symbols in Culture: Similarities and Differences between Philosophical-Anthropological and Psychoanalytic Approaches

The article deals with the topical issue of the role of symbols in cultural activities and the preservation of human mental and physical health. The research aims to show the similarity and difference between the philosophical-and-anthropological and psychoanalytic understanding of these problems. Research methods include the method of system analysis, hermeneutical and comparative-and-historical analyses.

Keywords: cultural symbols; magic; medical symbols; mythology; health symbols; philosophy of symbolic forms.

Город и миф – миф о городе

В XX веке возрождается интерес к мифологии, в том числе и к мифологии города. Мифология города многогранна и динамична. Предметом данной статьи являются смыслы и факторы, формирующие миф о городе, такие как мифы о происхождении, развитии, гибели городов; расположение города (ландшафт, стороны света); гендерная амбивалентность городов и т. д. В работе дается характеристика этих смыслов и факторов, а также приводится их классификация.

Ключевые слова: город; миф; мифология; городской миф; текст.

Начиная со второй половины двадцатого века, исследованиями города занимаются многие науки, в том числе культурология и философия культуры. Ведущие исследователи как в России, так и за рубежом выбирают объектом изучения город – это и Кевин Линч [10], рассматривавший город как с архитектурной, так и с философской точки зрения, и Вальтер Беньямин [3; 4], которого интересовали знаки и символы города, его практики, структура, эмоции, которые он вызывает, и Галина Горнова [7], и Елена Трубина [19], чьи работы посвящены городу современному, но с опорой на работы предшественников. Несмотря на то что о городе уже написано много разных статей и монографий, исследования города сохраняют свою актуальность. Существует множество аспектов, нуждающихся в более пристальном изучении, например представление о городе, его образ. Представление о городе формируется исходя из множества разных факторов: архитектуры города, городской символики, городских легенд и баек, мнений и ощущений людей, в этом городе живущих, а также гостей этого города. Образ города живет в восприятии его обитателей, литературных произведениях и городских мифах. Сложный образ города варьируется у разных людей и в разные исторические периоды, но ядро представлений о городе, как правило, универсально.

Предметом данной статьи является мифологическое представление о городе. Восприятие города как мифологической среды во многом связано с оживлением городского пространства и наделением его антропоморфными чертами. Город обрывает новыми смыслами всё больше и больше, однако старые смыслы тоже никуда не уходят, напротив, новое и старое взаимодополняют друг друга, формируя слои в сложном представлении о городе. В данном исследовании предлагается рассмотреть некоторые универсальные мифологические представления о городе и дать их классификацию.

Миф – чувственно-образная форма постижения реальности. Миф строится на основе логики воображения, но воображаемое не отделяется от действительности – они две части единого целого. Миф рождается из вымысла, однако миф – не легенда и не сказка, не иллюзия, в нем объединены художественное сознание и повседневная жизнь. Легенда и сказка – превращенные формы мифа. Миф – это, прежде всего, предание, сказание о героях и богах, о том, как формируется мир, его элементы, детали и то, что в нем происходит. Через миф человек осознавал, анализировал, трактовал окружающий его мир, упорядочивая и структурируя его. Действительность неотделима от мифа, а миф – от действительности. Но миф не просто что-то воплощенное только лишь в слове, он получает свое подкрепление

* Мария Алексеевна Калистратова, аспирант 1-го курса, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург). Научный руководитель: Л. А. Мясникова, д-р филос. наук, профессор.
E-mail: scared.mary@gmail.com

и в действии, через ритуалы, обряды, магические практики, обеспечивающие сохранение мирового порядка: «Ритуалы обеспечивают их [мифического времени и мифических героев] “вечное возвращение” и магическое влияние, гарантирующее непрерывность природных и жизненных циклов, сохранение некогда установленного порядка» [15, с. 635]. Природа мифа синкретична, миф включал в себя элементы, «зародыши» [15, с. 635], как их называет Е. М. Мелетинский, религии, философии, науки, искусства. Кроме того, в мифе были отражены действующие, актуальные нормы поведения и ценности. Миф помогал человеку понимать, что всё в мире, включая его самого, есть звенья одной неразрывной цепи, где каждое звено, имея свое фиксированное место, соединено с другим, и это единство и взаимодействие – суть мирового порядка.

Понятие мифа и его суть переосмысливались на протяжении всей истории человечества – миф воспринимался и как аксиома, и как заблуждение, он романтизировался и схематизировался, был частью мироустройства и способом идеологического воздействия, рационализировался и, напротив, апеллировал к бессознательному. Е. М. Мелетинский говорит о том, что с того момента, как миф начинает осмысляться, история делится на два периода: период «демифологизации» (примерно с Античности (начиная с Аристотеля) и до XIX века) и период «ремифологизации» (с XIX века до наших дней). Безусловно, эти периоды неоднородны, и каждая эпоха, каждое новое поколение привносило свои смыслы в толкование мифа, формируя новые концепции и теории.

Так, например, А. Ф. Лосев в своей работе «Диалектика мифа» пишет, что мифологизируются любые вещи и явления, если они приобретают живой смысл взаимодействия: «...даже всякая неодушевленная вещь или явление, если их брать как предметы не абстрактно-изолированные, но как предметы живого человеческого опыта, *обязательно суть мифы*. Все вещи нашего обыденного опыта – мифичны; и от того, что обычно называют мифом, они отличаются, может быть, только несколько меньшей яркостью и меньшим интересом» [11, с. 102]. Из утверждения Лосева можно сделать, как минимум, два вывода. Во-первых, человек, осознавая, осмысляя и описывая свою реальность, создает миф. А во-вторых, если человек воспринимает объект как нечто живое, вовлеченное в контакт с ним, то этот объект становится мифологизированным, приобретая особенную, уникальную одушевленность. Из этого, в свою очередь, следует, что человек и миф существуют в постоянной связи, в постоянном взаимодействии. Иными словами, не только человек создает миф, но и миф сам влияет на человека: «Сколько бы меня ни убеждали, что это только *мне* одному, в силу *моих* субъективных свойств, моя низкая и темная антресольная комната кажется веселой и радостной, – всё равно весела и радостна сначала *она сама*, а потом уже она производит на меня такое воздействие» [11, с. 102]. Человек мифологизирует свое пространство, а пространство, в свою очередь, имплицитно дает почву для жизни и дальнейшей мифологизации.

Ролан Барт говорит, что миф – это высказывание, слово, сообщение [2]. Порой миф представлен не только через вербальное, но и через визуальное, но, так или иначе, эти представления текстуализируются, проще говоря, становятся текстом, а человек, в свою очередь, становится героем этого текста. Мифологизируется и текстуализируется и пространство, в том числе и город. Мишель де Серто считал, что фундаментальное отличие города-текста заключается в том, что «его “читатели” располагаются в самом тексте. Это как если бы все герои какого-то романа тоже прочли этот роман и стали руководствоваться в своих поступках предоставленной писателем информацией» [13, с. 60]. Но иногда «читатели» этого текста не вполне осознают свои поступки – пространство руководит передвижениями и действиями своих обитателей, а человек по наитию следует за этими инструкция-

ми. Это происходит потому, что пространство мифологизируется, становится антропоморфным, магическим и провоцирует человека на те или иные действия. Важно сказать, что пространство мифологизируется непрерывно, и смыслы, возникая, наслаиваются на другие смыслы, существовавшие до них. Но ничто не исчезает – все эти смыслы сохраняются, остаются в составе текущего, актуального содержания. Как пишет Ольга Михайловна Фрейденберг, говоря об античном мифе, «мифологический план (речь идет о «Политике» Платона. – Н. М.) вытесняется понятиями и прогрессирует в этический и политический; но древний остаток не исчезает, а неизменно находится здесь же, в составе нового содержания; и в этом сохранении древнего варианта внутри нового – своеобразие и аромат античного произведения» [16]. Эту формулу можно применить и к мифу современному – бытовавшие прежде формы и смыслы сохраняются и прослеживаются в современной структуре мифа. Более того, старые формы и смыслы не просто пассивно присутствуют в текущих формах и смыслах – они могут получить новую жизнь, порой даже абсолютно спонтанно и неожиданно. Всё вышеупомянутое актуально и для мифа о городе.

Важно отметить, что, хоть и образ и миф города в нынешнем своем понимании формируются не сразу, уже с древних времен появляются мифы о происхождении города и его названии (урбогонические), его жизни и развитии (этиологические) и даже его гибели (эсхатологические). С течением времени эти мифы приобретают новые детали, дополнительные линии, значения и трактовки, – так, например, основание Москвы приписывается попеременно то князю Юрию Долгорукому, то сыну Александра Невского Даниилу, то внуку Ноя Мосоху, и каждая из этих легенд трансформируется с течением времени, поскольку трансформации подвергается также и сам город, и представление о нем.

Город прежде всего мыслился как оппозиция природе – человек создает город, отгораживая себя от природы стеной, организовывая пространство, воздвигая здания, создавая собственный уклад. Но оппозиция город – природа, по сути, является частным примером оппозиции природа – культура [17, с. 224]. То есть, прежде всего, город есть некий культурный центр, «облагороженный», обросший некими социальными и политическими условностями. Идея центричности является также одной из базовых идей, на которых зиждется город. Синтез восприятия города как культурного центра, организованного в противовес центру природного, и города как центра вообще формирует еще одну оппозицию: город – деревня. Эта оппозиция изначально строится на том, что деревня представляет собой природу, а город культуру, и действительно, по-своему, деревня является некой организованной структурой, созданной в лоне природы. Однако же оппозиция город – деревня имеет и другой аспект: город, как уже говорилось выше, мыслится как центр, соответственно деревня мыслится как периферия. И эта оппозиция также является одной из фундаментальных, способствующей формированию особой мифопоэтики города [14].

Оппозиция город – деревня, являющаяся частным случаем оппозиции природа – культура, также формирует еще одно противопоставление – столица и провинция. Столичность является показателем того, что город живет в ритме передовой культуры, тогда как провинция, хоть и подчинена ритму культуры, более связана с ритмами природы. Эта оппозиция особенно актуальна для русской литературы: «В русском языке под *провинцией* подразумеваются удаленные от границ, лишенные экзотики, «почвенные» топоры, символически противостоящие Петербургу и Москве, – безымянные *города N*, привычно предстающие в литературе лишенными жизни и смысла» [9], тогда как столица обычно «является не только средоточием культуры, духовности, с ней связывается представление о настоящей, гармоничной жизни вообще» [1, с. 381].

Столица – провинция не единственное основание для противопоставления городов. Географическое положение города также занимает важную позицию в формировании мифа о городе. Так, города образуются в разных сторонах света – южные и северные, западные и восточные города. Например, европейская культура формирует специфический миф «Восточный город». Гегель отмечал, что «на Востоке нет ничего твердого; сколь неопределенна субстанция восточных людей, столь же неопределенным, свободным и независимым может быть также их характер» [5, с. 146], и эта цитата достаточно ярко иллюстрирует суть мифа о Восточном городе. Восточный город – город шокирующих контрастов, которые органично переплетаются друг с другом. Но важнее всего то, что восточный город – город, где возможно всё, где волшебство – нечто само собой разумеющееся, где красота и ужас – две стороны одной и той же медали. «Здесь возможно всё» – именно таким «Восточный город» вошел в культурное воображение Запада. Как Синдбад странствует в поисках чудес, так читатель проникает в Багдад или Самарру в поиске свидетельств убывающей эпохи, артефактов Джахилии – домусульманского состояния пребывания в язычестве, мире магии и чудес» [18]. Восточный «город чудес» впоследствии находит свое отражение в образе города-порта/южного города – ввиду своего положения, и эти функции города наиболее открыты взаимодействию с другими культурами.

Ландшафт, в котором город располагается, также является важным элементом в формировании классификации городов. Города строятся у моря, на суше, в устьях рек или на горах. С. П. Гурин противопоставляет города, построенные на горах и на равнине, обозначая следующее: «Если город строится на холмах (Рим, Москва), то образ мировой горы задает вертикаль, связь неба и земли. Если город расположен на равнине, эту символическую функцию выполняют горы рукотворные: башни, храмы, соборы. Кроме того, город задает инвариант вертикальной структуры на плоскости (сакральный центр, стены, периферия, границы). Структура города выражает структуру священного пространства, всегда задается сакральный Центр (Алтарь, Храм) и проводятся концентрические окружности (стены города, границы страны)» [8, с. 10]. Иногда город находится на горе, но более важным становится то, что находится в горе, как это происходит, например, с Екатеринбургом.

Продолжая тему пространственности города, следует обратиться к исследованиям Ю. М. Лотмана и его коллег, которые делят города на эксцентрические и концентрические: «Концентрическое положение города в семиотическом пространстве, как правило, связано с образом города на горе (или на горах). Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы генетического плана (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца – это “вечный город”. Эксцентрический город расположен “на краю” культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза земля/небо, а оппозиция естественное/искусственное. Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка – с другой. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. Как правило, это потоп, погружение на дно моря» [12, с. 10]. В данной цитате также можно увидеть противопоставление естественности и искусственности городов. Российские исследователи, актуализируя эту антитезу обычно четко подразумевали оппозицию Петербург – Москва, однако при характеристике других городов более важным кажется то, как те или иные страны осваивали пространство и как с пространст-

венной точки зрения переносились столицы. Так, например, Бразилия осваивает пространство с периферии к центру: португальцы колонизируют Бразилию и формируют столицу – Рио-де-Жанейро. Но сами бразильцы меняют положение вещей и создают собственную столицу в лице Бразилиа, находящегося в центре страны. Город, условно говоря, искусственный, так как формируется не в результате естественного освоения территории, а в результате «насильственного» создания там поселения. Анкара также является искусственным городом, созданным человеком в качестве нового поселения, но, в отличие от Бразилиа, история его насчитывает около 10 веков. Однако с падением Османской империи близкая к центру Анкара становится столицей, тогда как «периферийный» Стамбул свой столичный статус теряет. В России же ситуация диаметрально противоположна – Петербург является искусственным городом, созданным, чтобы дать «новый курс» стране. Столичная прежде Москва, центральный город страны, уступает бразды правления выстроенному на периферии Петербургу.

Как уже говорилось ранее, практически каждый город имеет мифы о своем происхождении, жизни, а иногда и гибели. Но стоит также учитывать, что постепенно, развиваясь, город «обрастает» всё новыми мифами. Городская мифология имеет два уровня: первый можно назвать «низшим» – в нем содержатся локальные мифы, то есть те мифы, которые формирует город сам по себе и сам о себе, «высший» же уровень воплощен литературными текстами, которые, в свою очередь, включают в себя как мифы, связанные с конкретными городами, так и универсальную мифологию городов в целом.

Универсальные мифы о городах являются базисом многих классификаций. Так, например, город связывается с представлением о рае или аде. Город-рай – город-защитник, город, который основывается на высших человеческих ценностях, в котором сосредоточены все культурные и социальные связи. «Город противостоит внешним стихийным силам природы и пытается привнести внутреннюю гармонию в отношения человека и природы, он может превратиться в город-сад. Город защищает от врагов и открыт для друзей. Город находится на земле, расползается в разные стороны, но всегда устремлен вверх, поднимается на холмы, возвышается высотными домами, как будто желая стать Небесным Иерусалимом», – пишет Гурин [8, с. 11]. Однако Гурин также отмечает, что первый город (Енох) был заложен Каином, в городе царят хаос и зло, в него стекается нечистый люд, такой город тонет в болезнях и пороке. Город может быть греховным, ужасным, отвратительным, т. е. может быть адом. Зачастую городом-адом мыслится Вавилон, а его антитезой, городом-раем – Иерусалим.

Оппозиция Иерусалим – Вавилон является также важной в следующей классификации городов, авторство которой принадлежит В. Н. Топорову, – делении городов на города-девы и города-блудницы. Образ первых восходит к уже упомянутому Иерусалиму, образ вторых – к Вавилону: «С появлением города человек вступил в новый способ существования, который, исходя из прежних представлений и мерок, не мог не казаться парадоксальным и фантастическим: выживание и, более того, перспектива пути к максимальному благу, к обретению нового рая, заменой которого в “нерайских” условиях и был город, отныне были связаны с незащищенностью, неуверенностью, падшестью, в известном смысле – богооставленностью и, наконец, с трудом-страданием» [19, с. 121]. Отсюда возможность движения в двух направлениях при оценивании города, прошедшего определенный путь становления. «Сознанию вчерашних скотоводов и земледельцев преподносятся два образа города, два полюса возможного развития этой идеи – город проклятый, падший и развращенный, город над бездной и город-бездна, ожидающий небесных кар, и город преображенный и прославленный, новый град, спустившийся с неба на землю» [19, с. 122].

Образ города-женщины, в свою очередь, восходит к образу Матери-Земли, образу, встречающемуся во многих мифологических традициях – от ведической до ветхозаветной. Город часто воспринимается как мать, потому что мать, по сути, это женщина, реализовавшая свою основную функцию – деторождение (вспомните знаменитую формулу «Киев – мать городов русских»). Однако материнская фигура амбивалентна: с одной стороны, мать дает жизнь, возвращает, защищает, но, когда настанет час, она меняет заботу на воинственность, требует защиты в ответ, а также жаждет жертв и крови. Подобная амбивалентность подчеркивается, к примеру, в образе волгоградской «Родины-матери».

Амбивалентность также может предстать и в другом смысле, гендерном, – тот же Киев, противопоставленный Москве, например, предстает батюшкой.

Города могут классифицироваться по гендерному принципу, о чем пишет в своей книге «Сверхтексты в русской литературе» Н. Е. Меднис. В качестве иллюстрации она приводит такие города, как Петербург и Венеция, ставя их в оппозицию. Петербург выступает мужчиной, а Венеция – женщиной: «О мужской в основе своей природе Петербурга говорит многое. Сам акт его рождения фактически и мистически связан с мужскими волевыми проявлениями, что подхватывает, утверждает и развивает затем русская литература. В противоположность этому сюжет рождения Венеции из вод, многократно воспроизведенный в художественных произведениях, и само пребывание ее в водах как соприродной ей среде ясно указывают на преобладание в ней женского. Закономерным в этом контексте представляется тот факт, что воды, враждующие с Петербургом, живут с Венецией в любовной близости, в результате чего два города оказываются отмечены противонаправленными тенденциями с доминированием эсхатологического мифа для Петербурга и креативного для Венеции». Это, несомненно, связано с противоположностью исходных начал, о которых Ю. М. Лотман писал следующее: «Петербургский камень – камень на воде, на болоте, камень без опоры, не “мирозданию современный”, а положенный человеком. В “петербургской картине” вода и камень меняются местами: вода вечна, она была до камня и победит его, камень же наделен временностью и призрачностью» [12].

Бытовая деятельность города также накладывает свой отпечаток на формирование мифа о городе. Это и город-порт, о котором мы вскользь упоминали ранее, чья жизнь представляет собой калейдоскоп разных культур и причудливых событий, город, где возможно всё, и столица (в том числе не фактическая, а культурная), и город-развлечение (например, Лас-Вегас), и криминальный город (как, например, Чикаго в Америке или Ростов-на-Дону в России). Разные города в разное время могут выполнять разные функции, более того, разные места в городе тоже мифологизируются и мистифицируются, как, например, после появления романа Булгакова «Мастер и Маргарита» мистифицировались Патриаршие пруды в Москве. Но, несмотря на то что город (и отдельные места города тоже) может менять свои личины, мимикрируя под тот или иной смысл, часто бывает так, что бытовая деятельность города сохраняется и, соответственно, сохраняется и образ города. Так, к примеру, нередко бывает с индустриальными городами. В индустриальном городе жизнь строится вокруг заводов и фабрик, вокруг напряженной работы, приносящей как тяготы, так и удовольствия. Образ индустриального города может быть как позитивным, так и негативным: «Традиционно негативная форма идеала преобладает, так как взрывной рост производства неблагоприятно сказывается на условиях жизни людей, прежде всего – на экологии, на качестве городской среды. Позитивная форма идеала основывается на том, что развитие науки и техники приводит к повышению уровня и комфорта жизни в целом. В обеих версиях идеала важным различающим критерием позитивной и негативной оценки выступает именно качество городской среды» [6]. Так, например, в Омске вопло-

тился позитивный вариант идеала индустриального города, «поскольку именно в шестидесятые годы прошлого века достаточно сильная городская власть смогла разного рода мерами принудить сферу производства к облагораживанию городской среды» [6], тогда как Челябинск – носитель негативной стороны идеала индустриального города [21].

В противовес индустриальному городу в XX веке появляется концепция города-сада, авторство которой принадлежит Эбенизеру Говарду. Город-сад, идеальный город, соединяющий в себе всё лучшее от города и природы – функциональность и высокую экологию, возможность развития и спокойствие, индустриальность и красоту. К сожалению, абсолютной реализации идей Говарда достичь не удалось, однако образ оказался настолько ярким и сильным, что положил начало новой линии градостроения. Также, благодаря концепции Говарда, появляется тип «компактного города», города, в котором существует всё необходимое для комфортной жизни городского человека, но нет нужды пользоваться транспортом, поскольку всё находится в шаговой доступности.

В заключение хочется сказать, что типология городов, представленная в данном исследовании, не является полной, поскольку интерес к данной теме не угасает, ведь миф о городе динамичен, он обрывает всё новыми и новыми смыслами, наименованиями, деталями. Так, например, мифологизируются отдельные части города, районы и здания, старые и новые. Мифы о городе зависят и от мифа того региона, в котором они находятся (например, сибирские города, уральские города, южные города и т. д.), а мифы регионов, в свою очередь, тоже постоянно модифицируются. На формирование мифа о городе влияют и медиа, и культурные, архитектурные, политические, экономические события. Люди и история создают миф о городе, год за годом добавляя всё новые и новые слои к уже существующим. Город существует и мыслится как мифическое пространство, миф и реальность всё так же неотделимы друг от друга, как и в прежние времена, несмотря на то что существуют попытки оспорить отдельные мифы, дискредитировать какие-то отдельные убеждения, доказать, что что-то является выдумкой, неправдой, невозможностью. Но даже если эти попытки оказываются успешными, они не меняют миф – он сохраняет свою целостность и статичность, невзирая на все споры и воздействия.

Литература

- 1.Абрамова В. С. Проблема соотношения провинциального и столичного топосов в прозе А. П. Чехова 1890–1900-х годов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 3 (1). – С. 381–387.
- 2.Барт Р. Миф сегодня. – URL: http://www.lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 16.11.2020).
- 3.Беньямин В. Улица с односторонним движением / пер. с нем. под ред. И. Болдырева. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 128 с.
- 4.Беньямин В. Московский дневник / пер. с нем. С. Ромашко. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 264 с.
- 5.Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии : в 3 кн. – СПб. : Наука, 1999. – Кн. 1. – 349 с.
- 6.Горнова Г. В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 3 (17). – С. 43–56. – URL: https://praxema.tspu.edu.ru/files/praxema/PDF/articles/gornova_g._v._43_56_3_17_2018.pdf (дата обращения: 16.11.2020).
- 7.Горнова Г. В. Философия города : монография. – М. : Форум : ИНФРА-М, 2014. – 344 с.

8. Гурин С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Саратов : Изд-во СГУ, 2003. – С. 10–11.
9. Лаунсбери Л. «Мировая литература» и Россия / пер. с англ. О. Наумовой // Вопросы литературы. – 2014. – № 5. – С. 9–24. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/5/11-pr.html> (дата обращения: 16.11.2020).
10. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. – М. : Стройиздат, 1982. – 328 с. : ил.
11. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – М. : Мысль, 2001. – 558 [1] с.
12. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. – Т. 2. – Таллин : Александра, 1992. – С. 9–21.
13. Марков А. Город как текст // Культиватор. – 2012. – № 4. – С. 60–65. – URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kultivator/k4-2012/15574-gorod-kak-tekst.html> (дата обращения: 16.11.2020).
14. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе : учеб. пособие. – Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2003. – 170 с. – URL: <http://kniga.websib.ru/chapter.htm?book=35> (дата обращения: 16.11.2020).
15. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
16. Мудрагрей Н. С. Античный миф и его роль в возникновении философии (изучая наследие Ольги Михайловны Фрейденберг) // Философские науки. – 2008. – № 11. – С. 107–121. – URL: <https://www.phisci.info/jour/article/view/1367/1301> (дата обращения: 16.11.2020).
17. Софронова Л. Культура сквозь призму поэтики. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 832 с.
18. Степанян К. Западный миф о восточном городе: что за ним скрывается? // Пространство. – URL: <https://www.prostranstvo.media/zapadnyy-mif-o-vostochnom-gorode-cto-za-nim-skrivayetsya/> (дата обращения: 16.11.2020).
19. Топоров В. Н. Тексты города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста : сборник статей / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики ; отв. ред. Т. В. Цивьян. – М. : Наука, 1987. – С. 121–132.
20. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.
21. Череднякова А. Б., Добрынина Я. С. Имидж территории и его трансформация в условиях современности (на примере г. Челябинска и Челябинской области) // Урбанистика. – 2018. – № 3. – С. 171–179. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26332 (дата обращения: 16.11.2020).

Maria Alexeevna Kalistratova,

first-year postgraduate student, Liberal Arts University –
University for Humanities (Yekaterinburg)

City and a Myth – the Myth of the City

In the 20th century, there was renewed interest both in mythology and mythology of the city. The mythology of the city is multidimensional and dynamic. The article embraces different meanings and factors that form the myth of the genesis, development and death of these settlements; the location of the city (the landscape, parts of the world); gender ambivalence of the cities, and so on. The author provides characteristics of these meanings and factors and their classification in the article.

Keywords: city; myth; mythology; urban myth; text.

Материальные артефакты: предметы, вещи, девайсы

В статье предпринята попытка философско-культурологического осмысления таких понятий, как «предмет», «вещь», «девайс». Авторы рассматривают предметный мир человека через понятие материального артефакта, который, в свою очередь, может быть представлен в виде предмета, девайса или вещи. Утверждается, что артефакты-девайсы унифицируют предметный мир человека, а его самого замыкают в Мире-Поставе. Артефакты-вещи делают возможным сохранение уникальности мира, открывают человеку многослойность культуры, приобщая его к смыслам прошлого, востребованного настоящим, соединенного с ним и открытого в будущее.

Ключевые слова: предмет; вещь; девайс; материальный артефакт; память культуры; пред-стояние; мир-постав.

Осмысление вещественного мира человека предполагает обращение к предметам, созданным людьми (материальным артефактам) как к субстрату культуры. Человек создает вокруг себя огромное количество материальных предметов, выстраивая свой «над-природный» мир, делая его с течением времени всё сложнее и сложнее.

Каждый материальный предмет (материальный артефакт) создан с какой-то целью, по усмотрению и мерке человека, несет его след. Он изначально «помечен» человеческим отношением, потребностью, замыслом, умением. Он всегда «для чего-то», и само его существование зависит от целей, создавшего его человека. «Артефакты... обязательно имеют собственные функции, специально заложенные в них существами с убеждениями, желаниями и намерениями» [2, с. 21]. Не имея собственной логики, материальные предметы сподручны человеку, включены в круг его значений, а человек в данном контексте выступает «мерой всех вещей», субъектом. Именно из таких артефактов-предметов человек создает свой наличный мир. Создание предметов ремесленником М. Хайдеггер обозначает термином «произведение», что предполагает выведение предметов из природного мира в область налично сущего. В данном случае предмет будет определяться и природным основанием (веществом, материалом), и человеческим замыслом – целью, ради которой создается предмет. Так, различный состав красных глин, залегающих повсеместно на Урале, определяет способ обработки при создании керамических изделий от использования гончарного круга (Таволожская керамика) до жгутового (кругового) налёпа (окрестности Богдановича). Климат оренбургских степей, местная порода коз, пух которых позволяет спрясть тончайшую нить, дают рождение оренбургскому пуховому платку, что в других условиях невозможно. И таких примеров можно привести немало.

Получается, что материальный артефакт – и «произведение» (вызволнение из среды потаенности, перенос в сферу непотаенности, обнаружение истины вещи), и «сподручный предмет», создаваемый по замыслу человека, служащий ему, превращающийся в средство. Эта двойственность служит как базисом формирования Мира-Поставы, так и возможностью выхода в пред-стояние, открытости бытию в терминологии М. Хайдеггера.

* Людмила Анатольевна Мясникова, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры социально-культурного сервиса и туризма АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

** Ольга Владимировна Крутева, кандидат культурологии, Галерея декоративно-прикладного искусства «АРТ-птица» (г. Екатеринбург).

Материальный артефакт как «сподручный предмет» является также носителем социальной информации, так как на полезность всегда наслаиваются «ценностные смыслы». И в этом случае материальный предмет будет нести в себе образ эпохи, национальной принадлежности, определенной культуры... Предметный мир становится коммуникационной системой, передающей информацию о своем творце – человеке, о том месте и времени, где создавался предмет и где жил его создатель. И в данном случае в артефакте вновь раскрывается его неподручность, его вещьность.

Вещь, помимо своей функциональности, обладает особой, «вещающей» сущностью, содержит в себе некие символические значения. Именно этот символизм и делает вещь текстом, который является важным механизмом памяти культуры, ведь «символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой» [4, с. 170].

Вещь не просто создана «для чего-то», она всегда «чья-то» и еще «особая». Она не просто принадлежит определенному хронотопу, она маркер, репрезентант культуры. И в этом случае артефакты-вещи начинают говорить не только о своем функциональном назначении или о технологии изготовления, они «вещают» о своей самости, о корнях, истории, о людях, их создавших, о своей уникальности, о том непознанном остатке, «не постижимом по существу» [5], который остается вне власти человека. О том, что «не схвачено», не приручено мыслью и действием людей, – о полноте бытия, о том, что может открыться непредвиденным образом, о горизонте пред-стояния. Поэтому М. Эпштейн говорит, что предмет в результате духовного освоения начинает превращаться в вещь, и через это (духовное) освоение человек выходит из сферы сподручного, в сферу пред-стояния, в сферу открытости.

Через отношения с вещами («Я» – «не Я») человек не только опредмечивает себя в мире. «Не Я» воздействует на человека в качестве вещей, имеющих собственное основание, вещи заставляют человека считаться с собой. Артефакты-вещи обладают собственной логикой, которую являют человеку, а тот, в свою очередь, взаимодействуя с вещами, обнаруживает их противостояние, неподчинение, но может также вступать с ними в диалог, соединять свою логику и самостоятельную логику вещи.

Так, в традиционной народной (крестьянской) культуре можно наблюдать особое отношение и к одежде, и к предметам быта, и к устройению жилища. Например, при строительстве дома «под нижние венцы сруба закладывали... голову коня» [9, с. 7], а на стены и потолок наносили охранительную символику, под «передний угол закладывали монеты и шерсть» [8, с. 58], словно пытаясь «договориться» с домом о благополучной жизни. Проявлялось это и в отношении к бытовым предметам: у каждого свое, строго определенное место, деление вещей на мужские и женские, отношение к ним, как к одушевленным предметам (в данном случае те же росписи служили «оживлению» вещи, введению ее в мир людей) и т. д. Одежда выполняла не только свои основные функции, «с ее помощью выражали нравственные категории, передавали человеческие пожелания и чувства» [8, с. 71], использовали в обрядах (например, дарение одежды на свадьбе). «Носи не теряй, по полям гуляй, меня не забывай», «Кого люблю, тому дарю», «Люблю сердечно, дарю навечно» – такие надписи мы встречаем не только на вышитых поясах, но и на утвари: прялках, бураках и других предметах крестьянского быта.

Иногда логику самости вещей крайне трудно вскрыть. Жанр фэнтези именно на этом и спекулирует, когда вещи заставляют людей действовать по их логике, а не по желанию и хотению человека. Вспомним хотя бы роман «Властелин колец» Джона Толкиена или нашего П. П. Бажова и его «Малахитовую шкатулку»: «...а тут вдруг теплом ее опажнуло. Что за штука? Откуда? Огляделась, а из-под полу

свет. Танюшка испугалась – не пожар ли? Заглянула в голбец, там в одном уголке свет. Схватила ведро, плеснуть хотела – только ведь огня-то нет и дымом не пахнет. Покопалась в том месте, видит – шкатулка. Открыла, а камни-то ровно еще краше стали. Так и горят разными огоньками, и светло при них как при солнышке» [1, с. 36]. И сподручными эти вещи становятся лишь для Танюшки, а не для кого-то другого. «Паротина жена... подбежала к зеркалу и первым делом наголовник пристроила. “Ой, ой, что такое!” Терпенья нет – крутит и дерет волосы-то. Еле выпростала. А нейметя. Серьги надела – чуть мочки не разорвала. Палец в перстень сунула – заковало, еле с мылом стащила. Муж посмеивается: не таким, видно, носить!» [1, с. 49–50].

Именно в ручном производстве, в ремесле «техне» и «поэсис» соединились воедино. Артефакт как «произведение» несет и смысл «самости» вещи, и смысл духовного (поэтического) ее бытия, предполагающего овладение вещью как своим предметом. Вступая в диалог с артефактом, человек сам выходит в сферу поэсиса, соприкасается с «красотой как истиной», красота произведения заставляет человека считаться с собой, позволяет оберегать себя. Наглядным примером служит история Каслинского чугунного павильона, который за свое более чем столетнее существование пережил и триумф, и забвение, и новое рождение. Получивший высочайшую оценку на Всемирной выставке, павильон мог быть продан президенту Франции Эмилю Лубе за невероятную по тем временам сумму (два миллиона рублей). Однако сделка не состоялась, а демонтированный павильон, вернувшись в Россию, был на какое-то время забыт. Более того, в 1921 году, при нехватке металла для нужд молодой Советской республики, он чуть не был переплавлен. Павильон спасли рабочие, сначала частично спрятав детали его конструкции, а потом и написав письмо уездному начальству с просьбой сохранить каслинское чудо.

Предметный мир человека постоянно усложняется. Современность, с ее промышленным производством и унификацией, порождает новые, более сложные предметы – технические артефакты, или «девайсы» (от *англ.* device – устройство), – механизмы, технические устройства, электронные приборы, гаджеты и т. д., которые играют всё большую роль в современной жизни.

Технические артефакты, техника также понимаются М. Хайдеггером как «раскрытие потаенности», но «царящее в современной технике раскрытие потаенности есть производство» [6, с. 226]. Немецкий мыслитель подчеркивает: «Техническое раскрытие потаенного раскрывает перед самим собой свои собственные, сложно переплетенные процессы тем, что управляет ими» [6, с. 227]. Создаваемый технический предмет – машина «совершенно несамостоятельна; она держится только тем, что поставлена на предоставление поставляемого ею» [Там же]. Иначе говоря, она включена как звено в логику процесса производства. Человек также вовлечен в этот процесс как производительная сила, как «человеческий материал», человек «захвачен» процессом производства.

Техническое производство – «существо современной техники являет себя в том, что мы называем по-ставом» [6, с. 231]. «По-став» по своей сути и есть техническое выведение артефакта из потаенности в непотаенность налично сущего мира человека. Человек, усиливая себя как субъекта с помощью техники, создает Мир-Постав и попадает в него как в клетку, начинает определяться им, его логикой.

Еще в большей мере замечания М. Хайдеггера относятся к современной технике, к девайсам-гаджетам. Несмотря на то что их функции, казалось бы, зависят от замысла изготовителя, артефакты-девайсы не подчинены человеку, несподручны ему. Действуя в соответствии со своей техно-логикой, девайсы подчиняют людей, включают в техногенные урбанизированные «джунгли», погружая в мир

интернет-пространства, в мир симулякров. «Девайс включен в многоуровневую логику техногенного, урбанизированного социума, озабоченного тем, чтобы оптимизировать в своей среде человеческого индивида» [3, с. 287].

Человеческий мир, наполненный такими предметами-девайсами, стремительно унифицируется. Стираются культурные различия как отдельных регионов, так и целых стран. Человека окружают одинаковые пространства аэропортов, вокзалов, торговых центров, гостиниц, квартир... Погруженный в такую стандартизированную среду, он утрачивает свое культурное основание, свою идентичность, становясь заложником «Мира-Постава», всё более отдаляясь от себя, своей самости. Живя в созданном девайсами мире-симулякре, он становится техногенным «гибридом», не способным выйти в сферу открытости бытию.

«Вещь в функции “девайса” – дикая, она живет по своей собственной “чипованной” или внешней логике. Она обитает в джунглях (*jangula urbanus*) таких же, как и она, технологических конгломератов, несущих в себе собственную норму рациональности», – справедливо подчеркивает В. Н. Железняк [3, с. 287]. Будучи, вроде бы, рабом человека, его сподручным средством, фактически «вещь-девайс» втягивает охотящегося на нее человека в систему своей функциональности, в конце концов – в систему мирового органайзера» [Там же].

Существует ли выход из этой ситуации? Возможно ли преодоление разрастания мира девайсов? В. Н. Железняк считает, что необходимо либо каким-то образом создать симбиоз городской и рустической среды, соединить городскую и рустическую экзистенцию, либо выйти за границу дилеммы город – село. Он утверждает, что «вещь в функции девайса может быть приручена, изъята из технологических джунглей... лишена свободы... поставлена на службу человеческому автономному единству, совершенно чуждому сумме технологий и заключенной в ней логике» [3, с. 288]. Такая «прирученная вещь» будет служить хозяину, а не хозяин вещи-девайсу. Для этого девайсы надо убрать из их естественной среды (из «городских джунглей»), поместить в место предстояния. Это место, полагает В. Н. Железняк, «возможно только за пределами города» [3, с. 288]. При этом девайсы можно приручить, если сделать их техническими службами по типу элементов сельской инфраструктуры (как птичник, оранжерея...). Данное утверждение представляется нам утопическим, ведь при этом возникает угроза разрастания техногенных городских джунглей и Мира-Постава за пределами города. Однако если попробовать «соединить» артефакты-девайсы и артефакты-вещи, поместить их в совместное пространство, вступив в диалог, то, быть может, тогда и станет возможен выход в предстоящее?

Ответ на этот, далеко не риторический, вопрос нам видится в обращении к артефактам, созданным не промышленным массовым производством, а руками мастера, то есть к про-изведениям. Это могут быть и изделия народных художественных промыслов, и работы ремесленников с применением различных современных технологий, несущие выраженное авторство и включенные в традицию, соединившие труд мастера с его самостью, автора – с культурой народа. Поместив такие вещи в интерьер загородного дома или номера гостиницы, нанеся народный орнамент (пусть и способом компьютерной печати) на платок, украсив росписью панель смартфона или фарфоровую посуду, соединив тем самым традиционное народное творчество и современность, можно попытаться установить диалог с вещью, приручить «дикую вещь». «Соединить» – не значит «заменить». Традиционные художественные промыслы создают вещи, несущие в себе полноту смыслов прошлого, востребованного настоящим и соединенного с ним, и открытого в будущее. Они не сподручны, так как за поверхностным современным смыслом содержат толщу, многослойность культуры, истории, множество неявленных, сокрытых смыслов, которые могут выйти наружу и трансформировать традицион-

ные предметы во что-то новое, сделать их современными. Современное, в свою очередь соединяясь с традиционным, через последнее обретает смысловую глубину. Предмет предстает как вещь, но не как девайс. Человеческая логика вступает в диалог с логикой вещи, не подчиняясь ей, но «беседуя» на равных и, быть может, в этом диалоге разомкнется «Мир-постав», открыв место нашей самобытности, непохожести на других.

Литература

1. Бажов П. П. Медной горы Хозяйка: уральские сказы. – М. : Детская литература, 2013. – 221 с.: ил.
2. Бейкер Л. Онтологическая значимость артефактов. Онтология артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. О. Е. Столяровой. – М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2012. – 456 с.
3. Железняк В. Н. Урбанистическая и рустическая экзистенция // Уральская философская школа: 50 лет – 50 имен : научные статьи : библиография / редкол. Л. М. Андрюхина и др. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ин-та упр. фил. РАНХиГС, 2016. – С. 284–293.
4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. – 448 с.
5. Франк С. Л. Непостижимое // Азбука веры : портал. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/nepostizhimoe/1_2 (дата обращения: 10.11.2020).
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике. Время и бытие. Статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – С. 221–238.
7. Хайдеггер М. Вопрос о технике (Продолжение) // Электронная библиотека Оudinцовского благочиния. – URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/haydegger/vopros_o_tekhnike0/vopros02/ (дата обращения: 10.11.2020).
8. Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. – Екатеринбург : Сократ, 2002. – 296 с.
9. Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. – М. : Искусство, 1974. – 318 с.

Lyudmila Anatol'evna Myasnikova,

Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor at Tourism and Hospitality chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Olga Vladimirovna Kruteyeva,

Cand. Sci. (Cultural Studies), Decorative and Applied Art Gallery ART-bird (Yekaterinburg, Russia)

Material Artifacts: Items, Things, Devices

The article attempts to understand such concepts as object, thing, a device from the perspective of philosophy and culture. The authors consider the object world of a person through the notion of a material artifact, which, in turn, can be represented as an object, device, or thing. They argue that artifacts – devices unify the object world of a person, and capture him in the world of Gestell. Artifacts-things make it possible to preserve the uniqueness of the world, open up a multi-layered culture to a person, introducing the meanings of the past to him, the past demanded by the present, connected with it and open into the future.

Keywords: item; thing; device; material artifact; culture memory; deisis; the world of Gestell.

Об эстетических и стилистических критериях музыкального романтизма

В статье анализируется проблема эстетических и стилистических критериев, по которым следует определять границы романтической художественной культуры (в первую очередь – применительно к музыкальному искусству). Предлагаемые критерии рассматриваются как с позиций философии культуры, так и в традиционной музыковедческой парадигме: по мысли автора, именно такой синтетический подход является плодотворным.

Ключевые слова: романтизм; романтический национализм; сенсуализм; эскапизм; идеализм; классицизм; бидермайер.

Тематика, связанная с феноменом романтизма вообще и музыкального романтизма в частности, – одна из наиболее полно представленных в научной литературе. Это естественно: рассматриваемый феномен – один из самых кардинальных в истории художественной культуры, определявший «хабитус» последней на протяжении длительного исторического отрезка. Казалось бы, при таком положении дел «белых пятен» в понимании изучаемого явления уже не должно остаться, но... Великое качество человеческого познания заключается в том, о чем знали еще древнегреческие орфики, – познание непрерывно и неисчерпаемо! И в любом (казалось бы, изученном вдоль и поперек) явлении можно найти новые аспекты, по-новому проясняющие его сущность. В нашем случае, как увидим, таких аспектов – немало.

Вопросы возникают сразу, при ближайшем знакомстве с общеизвестной музыковедческой литературой. И вопросы эти касаются определения границ рассматриваемого феномена – прежде всего, в силу поистине угрожающей многогранности и гетерогенности последнего. Романтизм многолик до такой степени, что поневоле встает вопрос: а что же их всех объединяет? Байрон и Вальтер Скотт, Гюго и Жюль Верн, Дюма-отец и Жорж Санд, Мюссе и Гельдерлин, Шелли и Гауф, Ламартин и Шатобриан, Уланд и Гофман, Гейне и братья Гримм, Фенимор Купер и Эдгар По, Китс и Лонгфелло, Мицкевич и Петефи, Жуковский и Денис Давыдов, Батюшков и Дельвиг, Мериме и юный Пушкин, Лермонтов и ранний Гоголь, Тропинин и Кипренский, Брюллов и А. Иванов, Жерико и Делакруа, Блейк и Фюссли, Шуберт и Вебер, Россини и Паганини, Беллини и Мейербер, Шуман и Доницетти, Алябьев и Глинка, Лист и Берлиоз, Мендельсон и Вагнер, Шопен и Верди... По точному выражению Й. Хейзинги, «романтизм имеет столько лиц, для скольких он нашел выражение» [15, с. 58]...

Не меньшей дискуссионностью отличается и проблема хронологических рамок культуры романтизма (а романтизма музыкального – в особенности). С общепринятой в искусствоведении точки зрения романтизм – это первая половина XIX столетия (в германской литературе – уже с 40-х гг. XVIII века, если воспользоваться хронологией Д. Антисери и Дж. Реале [1, с. 3–9]). Но и старт романтизма в музыке – не аксиоматичен в плане «датировок», а применительно к его «финишу», как увидим, – вообще сплошное дискуссионное поле. И вот почему.

Первым романтиком в музыке любое учебное пособие безальтернативно называет Ф. Шуберта. Учитывая год рождения последнего (1797-й), неизбежен вы-

* Дмитрий Владимирович Суворов, кандидат культурологии, доцент, лауреат премии им. П. П. Бажова (г. Екатеринбург).

вод: начало романтизма в музыке – это 1-я треть XIX века. Однако... два других общепринятых и неоспоримых романтика, К. М. фон Вебер и Н. Паганини – родились раньше Шуберта (в 1786 и 1782 гг. соответственно). Следовательно, рамки старта музыкального романтизма хоть ненамного, но сдвигаются к рубежу XVIII–XIX вв. Это даже без учета Дж. Россини и Г. Доницетти, тоже неопровержимых романтиков, которые также были старше Шуберта (пусть не намного – 1792 год рождения для Россини, 1797-й для Доницетти). Если же первым проявлением романтизма в музыке считать музыкальную составляющую Sturm-und-Drang-Bewegung (то есть принять музыкальный предромантизм за первую волну романтической музыки) (см.: [1, с. 3–9]), то старт романтизма отодвигается, как минимум, в последнюю треть XVIII века, и «пионером» нового стиля следует считать В. Моцарта! Такой вывод только на первый взгляд кажется неожиданным и «еретическим» – сами музыкальные романтики (устаи Р. Шумана, на страницах его «Новой музыкальной газеты») сделали этот вывод почти два столетия назад и свою стилистическую генеалогию выводили именно таким образом. (Кстати, предромантическими являются и некоторые симфонии Й. Гайдна, написанные как раз в середине XVIII столетия – такие, например, как «Страстная» и «Траурная».) С другой стороны, общеизвестно, что ранние австро-немецкие романтики (такие, как Ф. Шуберт, К. М. фон Вебер и Л. Шпор) в ранний период своего творчества фактически творили в рамках эстетики венского классицизма, а для итальянских музыкальных романтиков того же периода (тех же Дж. Россини, Г. Доницетти и Н. Паганини, а также В. Беллини) грань перехода от классицизма к романтизму вообще размыта...

А вот – круг проблем по вопросу о «финише» музыкального романтизма. «Поздними романтиками» в музыковедческой литературе всегда именуют Г. Берлиоза, Ф. Листа и Р. Вагнера [4, с. 168–185]. Учитывая даты их смерти (1869, 1886 и 1883 гг. соответственно), вывод напрашивается сам собой, и именно тот, который является общепринятым в музыковедении: эпоха романтизма в музыке заканчивается во 2-й половине XIX века. (Любопытно, что «поздним романтиком» никогда не величают Дж. Верди – стопроцентного, «патентованного» романтика, бывшего современником Листа и Вагнера и дожившего до 1901 года!) Однако... В музыковедении есть и еще один клишированный термин – «поздний немецкий романтизм». Под ним подразумевается творчество немецких (замечу, и австрийских) композиторов 2-й половины XIX века, живших и работавших **после** Листа и Вагнера. А это, к слову, совсем не «проходные» фигуры в истории искусства – А. Брукнер, Х. Вольф и К. Гольдмарк (а также И. Штраус-сын) в Австрии, М. Брух и Э. Хумпердинк в Германии (в первый период своего творчества – и Р. Штраус). Выходит, «поздний немецкий романтизм» после «позднего романтизма» (за вычетом Берлиоза – тоже немецкого)? Нелогично... Затем, наследие композиторов «молодых» композиторских школ «малых» стран Европы 2-й половины XIX века (Б. Сметана, А. Дворжак, С. Монюшко, Э. Григ, Ю. Свенсен, мастера испанского Ренасимьенто) стилистически настолько едино с «классическим» романтизмом, что нет никаких причин искусственно разрывать эту гомологическую связь (что невольно происходит при тиражировании традиционной хронологии). Но это же в самой полной мере относится и к «золотому веку» русской музыки, к творчеству П. Чайковского и композиторов «Могучей кучки»! Применительно к Чайковскому это тысячекратно отмечала и современная ему русская критика: общеизвестно, что Г. Ларош писал о «своеобразной романтико-фаталистической трактовке» Чайковским сюжетов Шекспира и Данте (учитывая содержание поздних симфоний Чайковского, вывод Лароша можно распространить и шире) (см.: [12, с. 93])... В этом смысле более логичной представляется традиция, существующая в западном музыковедении и распространяющая рамки

музыкального романтизма на весь XIX век, до самой эпохи модерна. Тем более что вопрос о том, какое направление пришло на смену музыкальному романтизму в XIX веке (так называемый «постромантизм») – крайне запутан и фактически не разработан. Фактически удастся «вычислить» только двух «постромантиков», И. Брамса и М. Рegera – причем применительно к Брамсу причисление его исключительно к постромантизму не выглядит аксиоматичным (вспоминаю, как на одной из музыковедческих научных конференций в Ленинграде в начале 80-х гг. XX века был прочитан доклад под названием «Брамс и романтизм»).

Наконец... Целый ряд эстетик и стилей художественной культуры XX века имеет явно «романтическое» происхождение (какие конкретно – об этом поговорим чуть позже), а в числе этих самых эстетик будет иметь место и так называемый «новый романтизм». Я уже не говорю о том, что многие конкретные художественные произведения начала XX века – такие, как, например, «Алые паруса» А. Грина (да и практически все творчество последнего), стихи Н. Гумилева и его «советских наследников» Н. Асеева, Н. Тихонова, В. Луговского, М. Светлова и Э. Багрицкого, а также раннее творчество М. Горького – попадают под характеристики самого что ни на есть «старого», «классического» романтизма. Это же, экстраполируя проблему на 2-ю половину XX века, относится к стихотворному наследию Арсения Тарковского, Владимира Высоцкого (в «несатирической» его части) и большинства представителей «бардовского движения» (исключая, пожалуй, только А. Галича). В музыке же «новыми романтиками» называли себя в разное время и А. Пярт, и А. Шнитке, и К. Пендерецкий (фактически круг этих «новых романтиков» можно расширить – прибавив к ним, как минимум, Э. Денисова, В. Сильвестрова и всех композиторов «фольклорного» направления).

Как видим, ситуация складывается прямо по сентенции И. В. Гете: «Ошибаются те, кто думают, будто между разными точками зрения находится истина – между ними находится проблема». Между тем для того, чтобы прояснить ситуацию, нужно покинуть поле «чистого» музыковедения и подключить к анализу понятийный аппарат философии культуры. Как представляется, это сразу же прояснит ситуацию.

Итак, по каким критериям можно определить принадлежность того или иного художественного феномена к романтизму? Таких критериев (на макроуровне, говоря о философии и эстетике) – три.

Первое. Восходящее к философии сенсуализма XVIII века (Ж. Ламетри, Д. Дидро, К. Гельвеций, Ж.-Ж. Руссо) эмоционально-интуитивное восприятие мира (в отличие от рационально-эмпирического в эпоху Просвещения). Патриарх романтической культуры вообще Жан-Жак Руссо афористически определил данную проблему так: «Хенио выше, чем инхенио» (испанские слова «хенио» и «инхенио», заимствованные Руссо из сочинений испанского философского писателя XVII века Бальтазара Грасиана, означают буквально «природа» и «сделанное человеком», поэтому перевести афоризм Руссо можно так: естественное выше искусственного – типичная посылка любой философии «кинической» традиции). Отсюда, кстати, и слово «гений»; в этом контексте «гениальность» означала просто «следование природе»... Этот пункт (насчет сенсуалистического отношения к миру) – абсолютно всеобъемлющий, исключений из него нет. Отсюда и тысячекратно описанная, хрестоматийная склонность романтиков к новаторству – они просто органически не переносили выработанные их предшественниками-классицистами («рационалистами!») нормы и правила, считая своим творческим долгом их разрушить или модифицировать (приоритет в этом творческом алгоритме принадлежит, что характерно, Моцарту!). Отсюда и типичный для музыкальной культуры романтизма культ миниатюры (совершенно не знакомый ни одной предшествующей культуре, и тоже начинающийся с Моцарта, а еще рань-

ше – с Д. Скарлатти): легко представить себе, как легче передать и отразить в музыке сиюминутную спонтанную эмоцию – монументальным сочинением или все-таки миниатюрой? Отсюда, безусловно, и тема любви (в самом широком ее понимании и трактовке) как едва ли не главная тематическая сфера романтического искусства.

Второе. Философский и мировоззренческий эскапизм, бегство от окружающей социальной действительности. Бегство – это, может быть, чересчур сильно сказано, но определенную дистанцию по отношению к окружающей их повседневности ощущали все без исключения творцы романтического искусства. Та «нормальная жизнь» «эпохи тихих буржуа» (выражение писателя Серебряного века и Русского Зарубежья Марка Алданова), в которой суждено было жить романтикам, воспринималась ими как скучная, меркантильная, серая, недостойная внимания художника. Они бежали от нее не только в искусстве, но и в жизни: культивировали всевозможные формы нонконформизма (в быту, одежде, поведении). Не случайно идеалом образа жизни романтика стала модель «денди» – немножко франт, немножко пижон, немножко хам... Романтики с порога отвергали любой практицизм как ненавистную «буржуазность» (быть вызывающе непрактичным было у романтиков неписаным законом – и опять «отцом-основателем» здесь оказался Моцарт!); наконец, творцы романтической эпохи увлекались, зачастую даже неумеренно, различными «виртуальными реальностями». Потому, наверное, редко кто из романтиков доживал до сорока лет... Вообще, язвительно-остроумный английский литератор-декадент Оскар О'Флаэрти Уайльд в свое время саркастически подметил, вспоминая «Бурю» Шекспира: «Ненависть XIX века к реализму – это ярость Калибана (зверочеловека. – Д. С.), увидевшего себя в зеркале, а ненависть XIX века к романтизму – это ярость Калибана, не нашедшего в зеркале своего отражения» [13, с. 3]. Сказанное можно редактировать так: в повседневной жизни романтики могли и необязательно реализовывать «моцартовскую» парадигму (скажем, по жизни Паганини, Верди, Мейербер, Лист, Россини, Сен-Санс были нормальными и зачастую жесткими прагматиками), но в творчестве романтическая эскапистская философия превалировала полностью. И аудитория чувствовала этот философско-эстетический водораздел очень чутко – именно этот момент ответственен, в частности, за скандальное фиаско на премьере «Травиаты» Дж. Верди. «Маэстро итальянской революции» уже воспринимал как должное грандиозные триумфы на премьерах всех своих опер – и вдруг оглушительный провал на первом представлении! (А на втором – уже привычный триумф!). Причина – на поверхности: все предыдущие (и последующие) оперы Верди были романтическими, а «Травиата» из этого «гомологического ряда» выламывалась фатально. Название переводится как «проститутка», действие происходит в современности (и актеры впервые в истории оперы – в современных костюмах!), персонажи – не романтические герои, а совершенно «повседневные» люди, которые (говоря стихами В. Высоцкого) «изнывают от мелких своих катастроф»... А триумф на втором спектакле был обусловлен не только дошедшей до публики неземной красотой вердиевской музыки, но и трактовкой в опере темы любви как силы, способной поднять героев над повседневностью (типично романтическая трактовка, между прочим!).

Отсюда органично вытекает третья кардинальная черта романтизма – тоска по идеалу, служение ему (т. е. идеализм в самом широком смысле слова). Это тоже «виртуальная реальность»: если окружающая жизнь скучна, груба и неинтересна, то где-то же всё иначе! Если хотите, это можно назвать «комплексом Дон-Кихота» (кстати, именно романтики впервые осмыслили бессмертного героя Сервантеса не как гротескно-комичную, а как трагическую фигуру – для них образ Рыцаря Печального Образа был своего рода руководством к действию). Причем

конкретная форма идеала могла быть какой угодно – в зависимости от личных пристрастий того или иного автора. Дж. Байрон, к примеру, будучи членом палаты лордов британского парламента, откровенно тяготился этим («Он звал печаль, весельем пресыщен; готов был в ад бежать, но бросить Альбион», – напишет поэт в автобиографической поэме «Паломничество Чайльд-Гарольда»), лично ездил по всем «горячим точкам» Европы, практиковал самые невозможные формы девиантного – в том числе сексуального – поведения и, в конце концов, погиб в Греции в качестве полевого командира греческих повстанцев. А его младший современник Жюль Верн имел в своей приватной жизни типичную манеру поведения «тихого буржуа», был примерным семьянином, никогда не покидал пределов Парижа и... в своих романах устремлялся фантазией на Луну, к центру Земли, в кругосветные путешествия, на таинственные острова и т. д. (и в Париже все считали, что писатель воплощает в своих романах собственный практический опыт!). Романтики вообще обожали переноситься (часто виртуально) «в пространство» – поэтизировать какие-то иные, непохожие на их собственные, страны и миры: Шотландию (начиная с Вальтера Скотта), Испанию (от «Кармен» П. Мериме до «Испанских увертюров» М. Глинки), Балканы, Восток. Вся американская литература взошла на романтизме – благодаря индейцам и вообще характерной атмосфере эпохи колонизации, когда хрупкая цивилизация первопоселенцев ежедневно сталкивалась с девственной природой и «диким» миром аборигенов. К услугам русских романтиков был Кавказ – там было всё что угодно, кроме заурядной буржуазной повседневности... Но романтики также любили и «путешествовать во времени» – как вперед, в будущее (научная фантастика – изобретение романтизма), так и в обратном направлении, в прошлое. Отсюда – и осмысление романтиками презираемого до той поры Средневековья (в романах Вальтера Скотта, в стихах английских поэтов «озерной школы», Л. Уланда, А. Мицкевича и В. Жуковского, в полотнах Дж. Констебля, У. Блейка и И. Фюссли – двое последних, к слову, стали основоположниками всех форм неоготики), и открытие фольклора как целостного художественного феномена (само слово «фольклор» – буквально «глас народа» в переводе со средневерхнемецкого языка – ввели «иенские» и «гейдельбергские» романтики; показательно, что слово взято из древнего, а не из живого языка – тоже характерная позиция), и многократно описанный романтический национализм (в музыке ответственный за появление «национальных композиторских школ»), и еще многое другое – вплоть до идей... фашизма, о чем применительно к Германии констатировал американский германист Гордон Крейг (тоже своего рода виртуальный идеал – искусственный возврат к варварству и дохристианским ценностям!) [5, с. 178]. Возможны были и иные модификации поисков идеала – вплоть до ухода в безумие, в сумерки собственного подсознания (между прочим, среди корифеев романтизма было, как минимум, три стопроцентных шизофреника – писатели Эдгар Аллан По, Эрнст Теодор Амадей Гофман и композитор Роберт Шуман), а также в различные формы религиозности и мистики (наиболее показательно – у Ф. Листа и Р. Вагнера). Наконец, самое парадоксальное: эстетическим идеалом могла стать та самая презираемая окружающая действительность, если она поэтизировалась и воспринималась как утраченный идеал (такое положение было характерно для австрийского и прусского бидермайера и схожих явлений в русском искусстве XIX века – например, в живописи А. Венецианова).

Используя понятийный аппарат философии культуры, именно эти «три кита» и дают возможность квалифицировать те или иные художественные феномены как принадлежащие эстетике романтизма. Вот характерный пример – русское славянофильство. Как философское и культурное явление – это, по сути, романтизм чистой воды (о чем писал еще Н. Бердяев) [2, с. 135–137]: неприятие объективных

реалий исторического развития России – в частности, наступления рыночной эпохи, конфликта модернизации и патриархальности; идиосинкразия к воздействиям извне, идеализация старины и опоэтизированных народных обычаев... А насчет эмоционально-интуитивного подхода, то славянофил Ф. Тютчев продекларировал: «Умом Россию не понять... в Россию можно только верить». Понятно, что в творчестве славянофильски ориентированных авторов можно встретить более чем предостаточное число романтических по эстетике произведений: это и «Снегурочка» А. Островского, и исторические полотна В. Сурикова, и почти вся живопись В. Васнецова, Ф. Айвазовского и особенно А. Куинджи, и «Князь Игорь» А. Бородина, и практически все оперы Н. Римского-Корсакова (исключая, пожалуй, только три его поздние сказочные оперы – «Сказка о царе Салтане», «Кашей Бессмертный» и «Золотой петушок», откровенно антиромантические по творческому почерку и уже затронутые влиянием модерна). Как видим, к музыке вышеописанные критерии применимы в полной степени. Используя такой критериальный аппарат, по философии и семантике творчества в рядах романтиков логично оказываются и Э. Григ, и Б. Сметана, и А. Дворжак, и Ш. Гуно, и Ж. Бизе, и П. Чайковский, и Ж. Массне, и даже Дж. Пуччини...

Если же вернуться к «чистому музыковедению», то картина дополнится следующими деталями. Все без исключения композиторы-романтики в своем творчестве практиковали четыре фундаментальных алгоритма: уже упоминавшийся культ миниатюры (вплоть до появления композиторов типа П. Сарасате, И. Альбениса, А. Лядова, Х. Вольфа, А. Варламова и в значительной степени Ф. Шопена и Э. Грига, в творчестве которых миниатюры составляют львиную долю); трансформирование и переосмысление отработанных в эпоху классицизма жанров и форм (с разной амплитудой этого процесса – от сравнительно мягких «мутаций» до полного «переформатирования» и полного разрыва с традицией); ладогармонические и темброво-инструментальные искания и эксперименты в сторону постепенного размывания и расширенного понимания классической функциональной гармонии (у ряда композиторов – таких, как Ф. Лист, Р. Вагнер, Дж. Верди, А. Брукнер, Дж. Пуччини, а также композиторы «Могучей кучки» – вплотную подводящие к структурированию атональности и расширенной тональности, к музыкальным реалиям XX века); те или иные формы «музыкального национализма», опора в творчестве на «почвенные» истоки (тоже в разной степени – от подчеркнутого «европеизма» П. Чайковского, религиозной «всечеловечности» С. Танеева и С. Франка, «космизма» А. Брукнера и открытости инонациональным музыкальным влияниям у А. Дворжака до демонстративной привязанности к фольклорным истокам у Э. Грига и создания инновационного музыкального языка на основе ладоинтонационных элементов народной музыки у М. Мусоргского, А. Бородина и Н. Римского-Корсакова) [4, с. 191].

Таким образом, аналитический учет этих четырех моментов (в сочетании с тремя вышеперечисленными, относящимися к философии культуры) дает возможность весьма четко квалифицировать эстетическую и стилистическую принадлежность каждого конкретного музыкального феномена (и персоналии) к необъятной и многогранной романтической Вселенной. Равно как и непринадлежность к ней. Как представляется, такая методика применима и к музыкальному искусству XX века, но разговор о нем выходит за рамки данной статьи и требует отдельного исследования.

Литература

1. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. – Т. 4 : От романтизма до наших дней. – СПб. : Петрополис, 1997. – 880 с.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. – М. : Эксмо, 2007. – 638 с.

3. Гуревич Е. Л. История зарубежной музыки: популярные лекции. – 2-е изд. – Academia, 2000. – 317 с.
4. Конен В. История зарубежной музыки : учебник для консерватории. – 6-е изд. – Вып. 3 : Германия, Австрия, Италия, Франция, Польша с 1789 г. до середины XIX века. – М. : Музыка, 1984. – 534 с.
5. Крейг Г. Э. Немцы = The Germans / пер. с англ. С. Л. Никольского. – М. : Ладомир, 1999. – 378 с.
6. Махов А. Е. Звукомзыкальная эротика романтиков // Апокриф. – 1992. – № 1. – С. 35–46.
7. Михайлов А. Романтизм // Музыкальная жизнь. – 1991. – № 5. – С. 20–23 ; № 6. – С. 20–23.
8. Привалов С. Б. Зарубежная музыкальная литература: Эпоха романтизма. Шуман, Россини, Верди, Лист, Вагнер, Бизе. – СПб. : Композитор, 2008. – 246 с.
9. Прохорова И. А. Музыкальная литература зарубежных стран. – М. : Музыка, 1992.
10. Раздольская В. И. Европейское искусство XIX века: классицизм, романтизм. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – 365 с.
11. Рапацкая Л. А. Романтизм в художественной культуре Европы XIX в.: открытие «внутреннего человека» // Рапацкая Л. А. Мировая художественная культура. – М. : Владос, 2008.
12. Соллертинский И. И. Исторические этюды. – М. : Государственное музыкальное издательство, 1963. – 397 с.
13. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / пер. с англ. М. Абкиной. – М. : Эксмо, 2019. – 316 с.
14. Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. – Рига : Зинатне, 1988. – 454 с.
15. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / пер. с голл. Д. В. Сильвестрова. – М. : Прогресс, 1997. – 412 с.
16. Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах / пер. с голл. И. Михайловой ; под ред. Ю. Колкера. – London : Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 220 с.
17. Хрулев В. И. Романтизм как тип художественного мышления. – Уфа : Башкирский ун-т, 1985. – 80 с.

Dmitriy Vladimirovich Suvorov,

Cand. Sci. (Culturology), Assoc. Prof., the winner of the P. P. Bazhov
Writer's Prize (Yekaterinburg)

On Aesthetic and Stylistic Criteria of Musical Romanticism

The article analyzes the problem of aesthetic and stylistic criteria to be used to determine the boundaries of romantic art culture (first of all, in relation to musical art). The author considers the proposed criteria both from the point of view of cultural studies and in the traditional musicological paradigm. According to the author, this synthetic approach is fruitful.

Keywords: romanticism; romantic nationalism; sensualism; escapism; idealism; classicism; Biedermeier.

Хореографическая культура как феномен художественной культуры

В предлагаемой статье осуществлена попытка обобщения и систематизации имеющейся на сегодняшний день информации относительно дефиниции «хореографическая культура», в том числе выявлены ее структурные элементы, рассмотрено соотношение с понятием «танцевальная культура», проанализированы взаимодействия с другими видами искусства и отраслями науки.

Ключевые слова: художественная культура; хореографическая культура; художественная система; структурные элементы хореографической культуры; танец; функции танца.

Художественная культура растворена в обществе и культуре и создает особое пространство – художественный мир. Будучи «условием и способом бытия искусства... с самим искусством в центре в качестве культуропорождающего механизма» [7, с. 17], художественная культура непосредственно связана с различными видами художественной деятельности человека (профессиональное искусство и народное художественное творчество) и традиционно рассматривается как одна из областей культуры, обеспечивающая процессы чувственного проявления бытия в художественных образах.

Новый шаг, по мнению М. С. Кагана, художественная культура делает, «переходя от статических форм предметно-зримого творчества к динамическим его формам – к пантомиме и танцу, в которых духовно-выразительные возможности искусства еще более расширяются и за счет самого этого динамизма, и благодаря тому, что материалом искусства становится здесь живое человеческое тело, его мимические и жестикуляционные средства» [19, с. 43]. Художественная практика актуализировала необходимость введения в научный дискурс категории «хореографическая культура», охватывающую «движения и позы человеческого тела, поэтически осмысленные, организованные во времени и пространстве, составляющие некую единую художественную систему» [20, с. 341].

Термин «хореографическая культура», по мнению исследователя И. В. Степанюк, является «целостной системой художественных смыслов с соответствующей логикой культурно-исторического процесса, которая обращена к человеческой субъективности... она предстает... как палитра связей с другими видами искусства; как исполнительская культура и развитие хореографических умений и навыков; как импровизация формы и интерпретация художественно-эстетического содержания музыкально-танцевальных произведений, выявление специфики образного языка искусства художественных форм» [16, с. 12]. Исследователь Н. А. Терентьева придерживается той точки зрения, что «хореографическая культура – это часть художественной (музыкально-театральной) культуры, обособленная системой создания и трансляции художественных ценностей и представляющая специфику формирования и функционирования субъектно-содержательных компонентов балетного искусства... есть категория, распространяемая на профессиональное, субъектно-содержательное поле балета» [17, с. 247]. Также Н. А. Догорова отмечает, что хореографическая культура – одна из форм

* Анна Сергеевна Полякова, старший преподаватель факультета современного танца АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: postfolkdance@gmail.com

«исторического становления, формирования и развития художественного мышления» [5, с. 4].

Хореографическая культура является подсистемой художественной культуры и представляет собой весь комплекс, связанный с танцевальным искусством: исполнительское мастерство; различные методики преподавания танцевальных дисциплин (танцевальная педагогика); наука записи танца¹; система хореографического воспитания и подготовки специалистов (исполнителей, педагогов, хореографов и балетмейстеров, продюсеров, менеджеров); научные исследования по вопросам теории, истории и методики преподавания танца; творчество хореографов и их художественные произведения; поиск междисциплинарных связей (коллаборации с другими видами искусств – театром, музыкой); организация публичных показов хореографических постановок и возможность их обсуждения; организация фестивалей и конкурсов различного уровня в области хореографического искусства и т. п. Сфера ее интересов и функционирования обширна и требует детального рассмотрения.

Основополагающим элементом в понимании категории «хореографическое искусство» и области ее применения является термин «танец». Как вид искусства танец², возникший на определенном этапе культурной эволюции человечества, «обладающий особым способом художественной рефлексии, в рамках которого посредством ритмо-пластически организованных в пространстве и во времени движений тела создается особый тип художественного языка» [6, с.157], рассматривается как важная часть жизни человека (любительский или профессиональный уровень его освоения). Еще Ф. В. Ницше отмечал, что в танце тело человека выражает мысль и идею, а потому – становится художественным произведением: «человек... готов в пляске взлететь в воздушные выси. Его телодвижениями говорит колдовство» [14, с. 23]. Во многом «танец» представляет собой особую форму коллективного сознания и человеческой деятельности, форму эстетического, практически-духовного освоения действительности. В различных исследованиях танец рассматривается и как способ духовной информации о «связях с миром, об общественной ценности природы и бытия самого человека» [9, с. 248]. Утверждается, что «предрасположенность к танцу развивается разными путями у различных групп людей, а его смысл и значение связаны с иным феноменом цивилизации, история танца приобретает огромное значение для изучения человечест-

¹ На сегодняшний день нет общепринятого термина, обозначающего систему записи танцевальных движений. Начиная с 1700 года (термин «хореография» был введен еще французским учителем танцев Р. Фёйе) предпринимались различные попытки обозначить область данной дефиниции (1852 год – в книге «Стенохореография...» балетмейстер А. Сен-Леон попытался зафиксировать развитие танца в пространстве, включив понятие «кулисы» и дав некоторые определения для каждого движения ног, рук, головы и корпуса; в 1890 году А. Цорн в своем труде «Грамматика танцевального искусства и хореографии» усовершенствовал некоторые положения, данные А. Сен-Леоном; в начале XX века артист петербургского балета В. Степанов предложил осуществлять фиксацию движений с помощью нотной записи (когда определенные знаки располагались на нотном стане), с ее помощью были записаны более 26 балетов Мариинского театра; в 1926 году танцовщик и основатель направления «экспрессивный танец» Рудольф фон Лабан создал свою систему записи танца – лабанотацию («лабанотейшен»), в основе которой была теория выразительного жеста Ф. Дельсарта; в 1940 году в СССР вышла книга С. Лисициан «Запись движения», где зафиксирована авторская система наиболее простой и полной записи человеческого телодвижения – кинетография; в том же 1940 году, но уже в Нью-Йорке, было организовано Бюро записи танца, на базе которого в 1956 году опубликована система условных обозначений положений тела в сценическом пространстве Дж. Бенеша.

² Слово «танец» в России вошло в обиход в середине XVII века из польского языка от слова «taniec». Существовавшая до XVI века старопольская форма «tanc», возможно, происходит от немецкого слова «tanz» (известно с XII века), восходящего, в свою очередь, к старофранцузскому слову *dancier* (современный французский: *danser* – танцевать), которое, как полагают, восходит к франкскому (VI–VIII вв.) «danson» – «тянуть», «вытягиваться», «выстраиваться в линию».

ва» [23, с. 12]. Танец имеет дихотомичную природу, поскольку включает в себя как статический элемент (определенная поза), так и динамический элемент (жест, движение), что в определенной мере выражает биосоциальную природу человека.

Исследователи отмечают следующие функции танца, определяющие его место в культуре:

- способ осуществления связи со «священным» (ритуальная/сакральная функция) – танец как первично-условный язык самовыражения человека, дающий «поток экстатическое переживание, выходящее за пределы “эго”, возможность быть очень разным, быть партнером в общем танце космических сил» [10, с. 53];

- способ общения людей (коммуникативная функция) – танец всегда являлся способом духовного сближения, обмена информацией, взаимосвязи и общения людей в паре, в группе, в культуре. С. Н. Худеков в фундаментальной монографии «Всеобщая история танца» на первых же страницах заявляет, что танец «подобно всякого рода гимнастическим упражнениям, служил развитию общения между людьми» [19, с. 8]. Интересно об этом же писал и американский этномузыколог и собиратель фольклора А. Ломакс: «Танец как таковой представляет собой эскиз или модель жизненно необходимой коммуникативной связи, сфокусировавшей в себе наиболее распространенные моторно-двигательные образцы, которые наиболее часто и успешно использовались в жизни большинством людей данной культурной общности» [23, с. 223];

- средство эмоциональной разгрузки (рекреационная функция) – танцуя, человек воспроизводит свою внутреннюю, духовную жизнь, со всеми ее чувствами, энергиями, ритмами, зачастую освобождаясь от физического и эмоционального напряжения;

- способ телесного (чувственного) выражения себя (экспрессивная функция) – внимательно наблюдая и улавливая впечатления от меняющегося окружающего мира, а также замечая различные события, связанные с присутствием себя в этом мире, человек отмечал в себе эти эмоции, выражая их в различных телесных паттернах, демонстрирующих цельность человеческой натуры. Танец как игра и свободное, естественное самовыражение, «танец – это не действие, это присутствие... где главным действующим лицом является человек» [13, с. 11];

- поиск собственной индивидуальности (идентификационная функция) – в танце человек выражал свое «я» (кто «я», какой «я», к какой социальной группе, нации, культуре «я» принадлежу, и пр.);

- способ освобождения от физического и эмоционального напряжения (катарсическая/рекреационная функция) – танец как возможность разрядки и расслабления, выплеска негативных эмоций.

Э. А. Королева отмечает, что по форме бытия художественных образов, то есть по своему онтологическому статусу, танец является видом пространственно-временного искусства, художественные образы которого создаются «средствами эстетически значимых, ритмически систематизированных движений и поз» [11, с. 21]. Возникший как чувственно-эмоциональная реакция на происходящие события, тесно перекликающийся с обрядом и ритуалом, танец, по определению М. С. Кагана, является зеркалом, «в которое культура смотрится, познавая в нем себя и... вместе с собою... отражаемый мир» [8, с.15].

Танец является и основой другой категории – «танцевальная культура». Так, в многочисленных современных исследованиях зачастую термин «хореографическая культура» выступает синонимом категории «танцевальная культура» и используется как взаимозаменяемая. Существует неопределенность в восприятии этих дефиниций (что довольно странно), в частности встречаются такие определения, как «танцевально-музыкальная культура», «танцевально-пластическая

культура», «народная танцевальная культура», «музыкально-хореографическая культура» и другие.

Категория «танцевальная культура» в специализированной и иной литературе не имеет научной разработанности, не стоит искать ее как отдельную область изучения (наряду с обществом, человеком, культурой). Изучение слова «танцевальная» в различных словарях [16, с. 339; 3, с. 603] доказывает, что оно чаще всего относится к множеству объектов и понятий, соотносимых с понятием «танец». Под данным термином следует понимать: либо «грамотно выстроенное, наученное тело танцовщика» – то есть определенную технологическую характеристику исполнителя, и, как писала Л. Д. Блок, «как только мы имеем дело с разработанной танцевальной культурой – выворотность³ налицо» [2, с. 17]; либо характеристику традиционной танцевальной культуры определенного народа, то есть уникальную совокупность сложившихся танцевальных традиций, выраженных в особой координации движений и приемов их соотношения с музыкой.

Категория «хореографическая культура» уже с конца XIX века трактуется как характеристика танцевального искусства в целом. И рассматривать ее необходимо как часть общей культуры, и в частности художественной культуры, где она представляет собой независимую художественную систему, определяемую социокультурным и художественным контекстом эпохи в общей эволюции культуры и ее основных исторических типов. Подчеркнем, что «танцевальная культура» – это, прежде всего, категория, где танец выступает как первичная структурная единица, а всё, что его окружает, относится к вторичным, сопутствующим факторам. Тогда как «хореографическая культура» – это танцевальное искусство, вписанное в большой спектр художественных взаимодействий/организаций/сотворчества (музыки, театра, изобразительного искусства, драматургии и т. п.), которые становятся значительными факторами в общем художественном процессе.

Интересно проанализировать и некоторые взаимодействия хореографической культуры с различными художественными и социально-гуманитарными отраслями науки. Из области философии и эстетики хореографическая культура восприняла способность к познанию, осмыслению и чувственному восприятию мира. Тесное переплетение с историей проявлено в особом направлении – балетоведении⁴, в рамках которого осуществляется взаимосвязь процессов развития танцевального искусства на разных культурно-исторических этапах, изучаются различные танцевальные стили и системы, выразительные средства хореографии и т. п. Отдельные математические понятия легли в основу системы классического танца (а впоследствии характерного танца, народно-сценического танца и других танцевальных направлений): счет (расклад движения на составные части согласно музыкальному размеру) и описание танцевальной комбинации по счету (всегда кратно восьми), градусы⁵, положение тела в пространстве (позы⁶), план класса⁷,

³ Выворотность – способность танцовщика к свободному разворачиванию ног наружу от бедра до кончиков пальцев (стопа параллельно линии плеч). Выворотность – необходимо условие исполнения классического, характерного и народно-сценического танцев.

⁴ Включает в себя теорию и историю хореографического искусства, балетную критику.

⁵ В классическом танце данный термин условно обозначает угол, образованный поднятой ногой по отношению к вертикальной оси тела. Одно из наиболее распространенных положений – нога, отведенная до уровня бедра (образующая прямой угол), поднята на 90°. (Об этом см.: [1, с. 75]).

⁶ Поза – определенное положение корпуса, ног, рук и головы. Основные позы классического танца: *croisée*, *effacée*, *écartée* и четыре *arabesques*. Позы разделяются на большие и малые в зависимости от того, поднята отведенная нога или находится на полу. (Об этом см.: [1, с. 215]).

⁷ Понятие, обозначающее систему нумерации сторон и углов танцевального класса (являющегося прообразом сцены) и служащее для точности определения положения танцовщика в пространстве сцены. Общепринятой является нумерации А. Я. Вагановой. (Об этом см.: [1, с. 210]).

уровни⁸ и другие. А в композиции танца основные геометрические фигуры стали применяться при описании расположения исполнителей по сценической площадке (круг, треугольник, диагональ, квадрат и т. п.). Знания анатомии и биомеханики стали основой исполнительской техники, где «достижение выразительности движения лежит через точное, координированное его исполнение, через идеальное владение мышечным (двигательным) аппаратом» [15, с. 65]. В области педагогики эти взаимовлияния проявились в одном из ярких направлений хореографической культуры – танцевальной педагогике, а во взаимодействии с психологией – в танцевально-двигательной терапии. Изобразительное искусство и архитектура выражены не только в театрално-декорационном искусстве – сценографии, но очень часто их художественные произведения являются для авторов и исполнителей визуально эстетическими образами, побуждающими к творчеству и эксперименту⁹. Здесь отдельно хотелось бы выделить хореографическое искусство XX века, когда к работе над созданием балетных спектаклей были привлечены художники¹⁰ и «представление о танце как движущейся живописи было созвучно идее цвета в движении, в непрерывном его изменении в зависимости от мизансцены, фона, освещения, взаимодействия с другими элементами» [4, с. 315]. Нельзя не отметить связь музыки и хореографического искусства, которое предполагает их тесное взаимодействие и взаимопроникновение, где каждый из них, сохраняя свою относительную автономность, не только обогащает другое и придает ему неповторимую окраску, но и влияет на художественную составляющую в целом¹¹.

Как подсистема художественной культуры хореографическая культура включает в себя необходимые структурные части. Прежде всего это художественное производство – процесс созидания (деятельности), выражающийся в организации и существовании всевозможных хореографических объединений разного уровня (студии, компании, театры), внутри которых происходит сотворческий процесс между всеми участниками (хореографом и танцовщиками, педагогами и танцовщиками, продюсерами, менеджерами и хореографом и т. д.). Благодаря бесконечному творческому процессу возникают различные художественные произведения (спектакли, миниатюры, перформансы и т. п.), которые можно определить как художественные ценности хореографической культуры («хореографическое наследие», «шедевры хореографического искусства») – своеобразная «культурная память» каждой культурно-исторической эпохи.

Созданные в сотворческом процессе художественные ценности демонстрируются на сценических площадках абсолютно разного уровня, где могут быть представлены широкой публике. Таким образом происходит процесс художественного потребления, в котором, в том числе, происходит и процесс формирования широ-

⁸ Понятие «demi» (*фр.* полу-, наполовину) – указывает на исполнение только половины движения, и «grand» (*фр.* большой) – обозначает максимально выраженную сущность движения.

⁹ Ярким примером может стать спектакль «Триптих на темы Родена» (или «Роденовский цикл») хореографа Л. Якобсона, премьера которого состоялась в 1959 году.

¹⁰ Прежде всего, это художники объединения «Мир искусства», в том числе: Н. К. Рерих, А. Н. Бенуа, Л. С. Бакст, В. А. Серов, А. Я. Головин, Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов и другие. Позже, в сотрудничестве с балетмейстером Ю. Н. Григоровичем активно работал художник С. Б. Вирсаладзе.

¹¹ К примеру, «симфонический танец» – понятие, обозначающее танец, который подобен симфонической музыке, сходство которых выражается в поэтической обобщенности лирико-драматического содержания, в полифонической структуре тематической разработки и динамической композиции форм. Здесь необходимо выделить такие творческие объединения композитора и балетмейстера, как союзы П. И. Чайковского и М. И. Петица, И. Ф. Стравинского и М. М. Фокина и др. А также понятие «танцевальный симфонизм» – направление, о котором впервые заговорил балетмейстер Ф. В. Лопухов, которое можно охарактеризовать как явление, где композиция и в целом построение танцевальных форм основывается на принципах музыкального формообразования.

кой зрительской аудитории с соответствующим типом мышления, мнение которой во многом влияет на дальнейшую жизнь каждой художественной работы.

Не менее важным является и организация различных творческих объединений – институций, создающих условия для творческого взаимодействия и обсуждения самых актуальных вопросов в области хореографического искусства (центры, объединения, союзы), создание системы воспитания (студии, школы, колледжи, вузы), формирование фестивального движения.

Коммуникативная составляющая выражена в создании условий для взаимодействия зрителя (публики) и тех, кто работает над созданием спектакля (хореограф, танцовщики и т. п.). Так, в настоящее время в современной хореографической культуре активно используется прием «обсуждение после просмотра» – по окончании спектакля каждый зритель волен высказать свое мнение по поводу увиденного, дать ему художественную оценку, сформировать свое отношение. Данная форма коммуникации нацелена на «информационный обмен и общение между творцами и зрителями; творцами и критиками; творцами и творцами; творцами и театральными продюсерами, менеджерами, спонсорами; творцами и представителями государственных структур управления художественной культурой» [12, с. 100].

Процесс осмысления художественных ценностей обнаруживает всё новые интерпретации происходящего, обеспечивая не только их уяснение и обновление, но и осуществление преемственности в развитии данного направления.

В настоящей статье осуществлена попытка осмыслить, проанализировать и дать определяющие характеристики хореографической культуре, прежде всего как подсистеме художественной культуры, и в то же время абсолютно самостоятельной художественной структуре, способной к развитию.

Литература

1. Балет. Танец. Хореография : Краткий словарь танцевальных терминов и понятий / сост. Н. А. Александрова. – СПб. : Лань ; Планета музыки, 2008. – 414 с.
2. Блок Л. Д. Классический танец. История и современность : сборник / вступ. ст. В. Гаевского. – М. : Искусство, 1987. – 556 с.
3. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М. : Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.
4. Бочкарева О. В. Диалог видов искусства в «Русских сезонах» С. П. Дягилева // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 314–318.
5. Догорова Н. А. Становление и развитие педагогических систем в хореографической культуре : от XVII до начала XX века : дис. ... канд. искусствоведения : 24.00.01. – Саранск, 2006. – 211 с.
6. Дьяконова Л. Т. Танец как феномен культуры // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 3. – С. 155–158.
7. Закс Л. А. Проблемные поля онтологии искусства // Онтология искусства : сборник научных статей. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2005. – С. 6–32.
8. Каган М. С. Искусство как феномен культуры // Искусство в системе культуры. – Л. : Наука, 1987.
9. Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1971. – 766 с.
10. Козлов В. В., Гиршон А. Е., Веремеенко Н. И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. – 2-е изд., расш. и доп. – СПб. : Речь, 2006. – 286 с.
11. Королева Э. А. Ранние формы танца. – Кишинев : Штиинца, 1977. – 216 с.
12. Курюмова Н. В. Фестиваль современного танца как способ существования и развития современного танца в России // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 1 (24). – С. 90–102.
13. Мельдаль К. Поэтика и практика хореографии / пер. с англ. И. Богданова, О. Мичковского. – Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015. – 104 с.

14. Ницше Ф. В. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. В. Сочинения : в 2 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1990. – С. 18-23.
15. Пыжикова В. В. История и состояние проблемы анатомии движения в педагогике хореографического искусства // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2014. – № 79. – С. 64–68.
16. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 4 : С-Я. – М. : Русский язык, 1988. – 800 с.
17. Степанюк И. В. Хореографическая культура как феномен народной культуры // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. – 2015. – № 3 (12). – С. 12–15.
18. Терентьева Н. А. Концептуализация понятия «хореографическая культура»: содержательно-субъектное поле балетного искусства // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 9. – С. 242–250.
19. Худеков С. Н. Всеобщая история танца : [античная хореография, карнавальные средневековые, балет Западной Европы, реформы великих хореографов, знаменитые танцовщицы и танцоры]. – М. : Эксмо, 2009. – 606 с.
20. Художественная культура в докапиталистических формациях: структурно-типологическое исследование : колл. монография / под ред. М. С. Кагана. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1984. – 303 с.
21. Эстетика : словарь / А. И. Абрамов и др. ; под общ. ред. А. А. Беляева. – М. : Политиздат, 1989. – 445 с.
22. Lomax A. Folk Song Style and Culture. – Washington : Transaction Publishers, 1968. – 386 p.
23. Sachs C. World History of the Dance. – New York : W. W. Norton, 1937. – 469 p.

Anna Sergeevna Polyakova,

Senior lecturer of Contemporary Dance Department,

Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Choreographic Culture as a Phenomenon of Artistic Culture

The article generalizes and systematizes the existing information concerning various definitions of choreographic culture. In other words, it identifies its structural elements, considers the correlation with the concept of dance culture, and analyzes interactions with other arts and branches of science.

Keywords: artistic culture; choreographic culture; art system; structural elements of choreographic culture; dance; functions of dance.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

**К вопросу о проблемах справедливости, свободы,
прав человека в современном поляризованном мире
(обзорная статья по итогам Октябрьских чтений
в Санкт-Петербурге)**

С 15 по 17 октября 2020 г. в Санкт-Петербурге состоялась Девятая Международная конференция «Октябрьские чтения – 2020» на тему «Проблема справедливости и свободы в современном поляризованном мире».

Организаторами чтений выступили Межрегиональный Гуманитарно-политологический центр «Стратегия» (далее – «Стратегия»), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) (далее – НИУ ВШЭ, СПб), Российская ассоциация политической науки (далее – РАПН). Конференция была поддержана Филиалом Фонда имени Фридриха Эберта в России.

Чтения уже давно стали ежегодными и традиционными, каждый год меняется тематика, программный директор (профиль интересов которого связан с темой каждого нового чтения), состав участников и проблематика обсуждений. Автор данной статьи приняла участие и выступила на конференции в качестве председателя Свердловских региональных отделений РАПН и «Стратегии», завкафедрой прав человека Гуманитарного университета (далее – ГУ).

Организаторы конференции использовали ставший традиционным для Октябрьских чтений (так называемой «Октябрины») формат проведения: в первый день – молодежный форум, по окончании которого состоялся мастер-класс «Как написать научную статью?»; второй день – мастер-класс «Философская (интеллектуальная) трэвелогия: новая методология политико-культурных исследований», круглый стол, секции, презентация новых книг; третий день – два круглых стола и секция.

На открытии конференции выступили д-р полит. наук, профессор НИУ ВШЭ – СПб, председатель «Стратегии», Исследовательского комитета по правам человека РАПН (далее – ИК по правам человека РАПН), председатель программного оргкомитета конференции А. Ю. Сунгуров, д-р полит. наук, профессор НИУ ВШЭ – СПб С. В. Акопов, руководитель Фонда имени Фридриха Эберта в России Пеер Тешендорф. Также на открытии был представлен актуальный и интересный доклад А. А. Кара-Мурзы, д-ра филос. наук, руководителя сектора философии российской истории Института философии РАН (Москва), на тему «Либерализм в России: вчера, сегодня, завтра», вызвавший активную дискуссию.

На молодежном форуме были рассмотрены следующие проблемы, представленные молодыми исследователями НИУ ВШЭ – СПб, СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург), Уральского института управления РАНХиГС (Екатеринбург): 1) исследование «несправедливости» и «поляризации» в работе с «травматизированными политическими сообществами» (Е. Поликарпова), 2) протестные движения и справедливость: деконструктивистский подход Жака Деррида (А. Ватулина), 3) разбалансировка: соотношение «свободы» и «справедливости» в ситуа-

* Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук, завкафедрой прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), председатель Свердловского регионального отделения РАПН, приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).

ции пандемии (COVID-19) (М. Носков), 4) политические нарративы современных немецко-российских отношений: анализ немецкого дискурса (Е. Дорофеева), 5) социокультурные факторы модернизации: поведенческие установки и иерархии ценностей (С. Ковыляев), 6) столкновение свободы и зависимости человека в многообразии средств массовой информации (Д. Микрюков), 7) измерение эффекта стратегического голосования на муниципальных выборах в Санкт-Петербурге в 2019 г. (Н. Кашин), др. Некоторые доклады были представлены на английском языке, все выступающие свободно владели материалом своего выступления, полно и аргументированно отвечали на вопросы. Тематика выступлений участников молодежного форума была связана с научными исследованиями по программе бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Апробация результатов научных исследований, представленных участниками форума, прошла успешно, подтвердив высокий интеллектуальный уровень молодых ученых, хороший уровень владения ими культурой публичного выступления и навыками подготовки презентаций по итогам проведенного аналитического исследования.

Удачной «находкой» организаторов конференции, одной из разнообразных и успешных форм проведения Октябрьских чтений, стало включение в программу молодежного форума мастер-класса д-ра филос. наук, профессора, академического руководителя аспирантской школы по политологии НИУ ВШЭ (Москва) О. Ю. Малиновой, которая рекомендовала участникам учитывать при подготовке и написании научных статей следующие уникальные авторские ценные советы, методы и подходы: 1) изначально важно определиться с типом статьи, которая может быть посвящена теме исследовательского проекта либо может представлять собой рецензию или обзорную статью, 2) новизна научной статьи может быть связана либо с постановкой проблемы, либо со способом ее решения, 3) один из секретов успеха – «автор как ансамбль ролей» (читатель – исследователь – писатель – критик – редактор), 4) важно, чтобы у каждой научной статьи был определенный сюжет, нарратив, своеобразная и четко выстроенная, отраженная в структуре и полно раскрытая в содержании «драматургия сюжета», и др.

В программу второго дня конференции были включены круглый стол ИК по правам человека РАПН, секции и презентация новых книг. Актуальные проблемы соотношения, баланса, противоречивости справедливости и свободы в период роста их ограничений (борьба за равноправие и выживание) на круглом столе обсудили исполнительный директор Института прав человека В. М. Гефтер (Москва), председатель ИК по правам человека РАПН и председатель «Стратегии», профессор НИУ ВШЭ – СПб А. Ю. Сунгуров, координаторы региональных отделений «Стратегии» М. Туровец (Волгоград) и профессор С. И. Глушкова (Екатеринбург), профессор В. Г. Иванов и доцент М. Г. Иванова (РУДН, Москва), магистр политологии, координатор «Эмнисти Интернешнл» (Россия) и координатор РО «Стратегия» (Воронеж) Н. Звягина.

На секциях выступающие и участники активно дискутировали на темы представленных докладов и теме Октябрьских чтений в целом. Так, обсуждались следующие проблемы: справедливость, свобода и государство: заметки к единству политической науки (доцент СПбГУ А. О. Зиновьев), смена ценностно-нормативного формата эпохи: безопасность – справедливость – свобода – ответственность – безопасность (профессор НИУ ВШЭ – СПб Г. Л. Тульчинский), цифровые права как новое поколение прав человека: «за» и «против» (профессор, завкафедрой прав человека ГУ (г. Екатеринбург) С. И. Глушкова), обратная сторона цифровизации, трансформация публичных пространств и процессов субъективации (доцент НИУ ВШЭ – СПб А. А. Балаян), «Рывок к свободе» – рывок к справедливости? Анатомия политики от Галины Старовойтовой» (профессор, зав. кафедрой политологии Тверского государственного университета Н. Н. Козлова и

доцент того же университета С. В. Рассадина), «Справедливость и свобода в деятельности ЕСПЧ и органов конституционного нормоконтроля РФ» (аспирант НИУ ВШЭ, Москва, А. Е. Захарова), стандарты качества социальных услуг как основа свободы и справедливости при реализации права на достойный уровень жизни (преподаватель Юридического института Иркутского государственного университета Ж. В. Синкевич), социальная справедливость как вектор развития современного права России (профессор Юридического института ИГУ, Иркутск, У. Б. Филатова).

Интересная и «горячая» дискуссия развернулась на третий день конференции после доклада декана факультета политологии и международных отношений СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург) Е. Н. Рощина на тему «Об университете, свободе и поляризации». Основной проблемой, выдвинутой для обсуждения на круглом столе, стала ответственность интеллектуала и университета в современном поляризованном мире в эпоху пандемии.

Международные эксперты из разных стран мира приняли участие в двух круглых столах Октябрьских чтений, на одном из которых был презентован доклад «Пробелы и совпадения: исследование нарративов в общественном сознании Германии, России и Украины», подготовленный учеными и представителями общественных организаций Германии, России и Украины по следующим актуальным проблемам: нарративы о голодоморе, распаде СССР и обретении Украиной независимости, расширении НАТО и Европейского союза, Евромайдане и конфликтах на Украине, существующих в публичном дискурсе России, Украины и Германии.

Октябрьские чтения успешно состоялись, сочетание форматов онлайн и офлайн позволило участникам из разных стран и российских регионов использовать уникальную возможность обсудить актуальные проблемы соотношения, противоречия, попыток и направлений достижения баланса между справедливостью и свободой в современном поляризованном мире, обменяться мнениями, обсудить новые совместные проекты и исследования.

Svetlana Igorevna Glushkova,

Doctor of Political Sciences, Head of Human Rights Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg),
the Chairperson of Russian Political Science Association in Sverdlovsk region,
visiting professor of Université Paris X – Nanterre (France)

**To the Issue of Justice, Freedom, Human Rights in Today's Polarized World
(A Follow-Up Review of the Results of *The October Readings* in St. Petersburg)**

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы (в алфавитном порядке) – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает допол-

нительного рецензирования. Для **магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

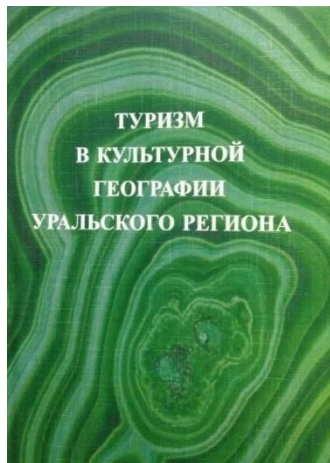
№ 2 – до 1 мая

№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 305-50-71.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

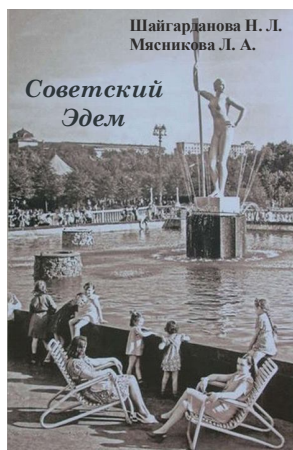

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, региноведам, культурологам, культурным антропологам.

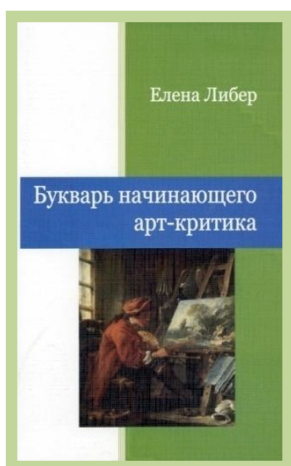

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятый по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебным заведениям, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстету А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

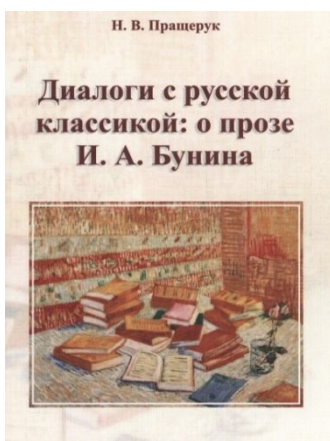
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. – Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

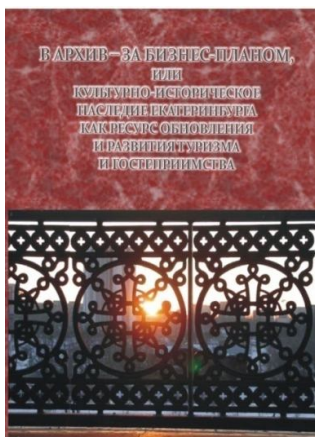
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

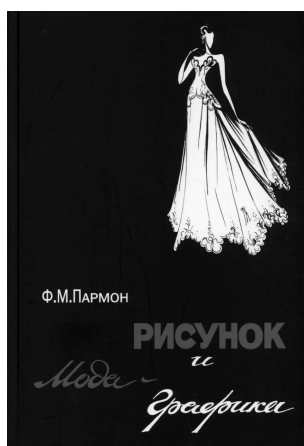

В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.**

E-mail: ektbriogu@mail.ru

МАГИСТРАТУРА

Прием на обучение по программам магистратуры на 2020/2021 год
проводится по следующим направлениям:

- **Психология (37.04.01)**
- **Экономика. Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
- **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
- **Юриспруденция (40.04.01)**

Срок обучения в магистратуре составляет:

2 года на очной форме;

2,6 года на очно-заочной и заочной форме

(2,5 года по очно-заочной и заочной форме (Юриспруденция))

Подготовка магистров осуществляется:

- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2020/2021 учебный год:

- **Психология (37.04.01)**
очная форма – 6 мест;
заочная форма – 12 мест
- **Экономика. Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
очная форма – 3 места;
очно-заочная форма – 3 места
- **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
очная форма – 4 места;
очно-заочная форма – 3 места
- **Юриспруденция (40.04.01)**
очная форма – 6 мест;
очно-заочная форма – 6 мест;
заочная форма – 11 мест

Прием документов (паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

бюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 4 сентября 2020 года

внебюджет

- очная форма – с 1 июня по 23 сентября 2020 года
- очно-заочная форма – с 1 июня по 23 сентября 2020 года
- заочная форма – с 20 января по 23 декабря 2020 года

Вступительные испытания для поступления в магистратуру:
тестирование профильной направленности

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе, на обучение по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, принимаются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра.

**Прием в аспирантуру Гуманитарного университета
в 2020/2021 учебном году
ведется по следующим направлениям:**

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет:
3 года на очной форме;
4 года на заочной форме

Подготовка аспирантов осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2020/2021 учебный год:

- **Философия, этика и религиоведение (47.06.01)**
очная форма – 1 место
- **Социологические науки (39.06.01)**
очная форма – 1 место

Прием документов (паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

бюджет

- с 1 июня по 15 сентября 2020 года.

внебюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 15 сентября 2020 года.

Вступительные испытания (*проводятся на русском языке*):
с 16 по 18 сентября (19 сентября – резервный день).

Экзамены на все направления, кроме «Юриспруденции» (компьютерное тестирование), проводятся в устной форме

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

ул. Железнодорожников, 3, каб. 111а, тел.: (343) 305-50-74

Часы работы: пн.–пт. с 10.30 до 18.00

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации. Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2020. № 4 (31)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Н. Н. Шабалова
Оригинал-макет Ю. Л. Ракунцева

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 25.12.2020.
Дата выхода в свет 30.12.2020.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 11,16
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3